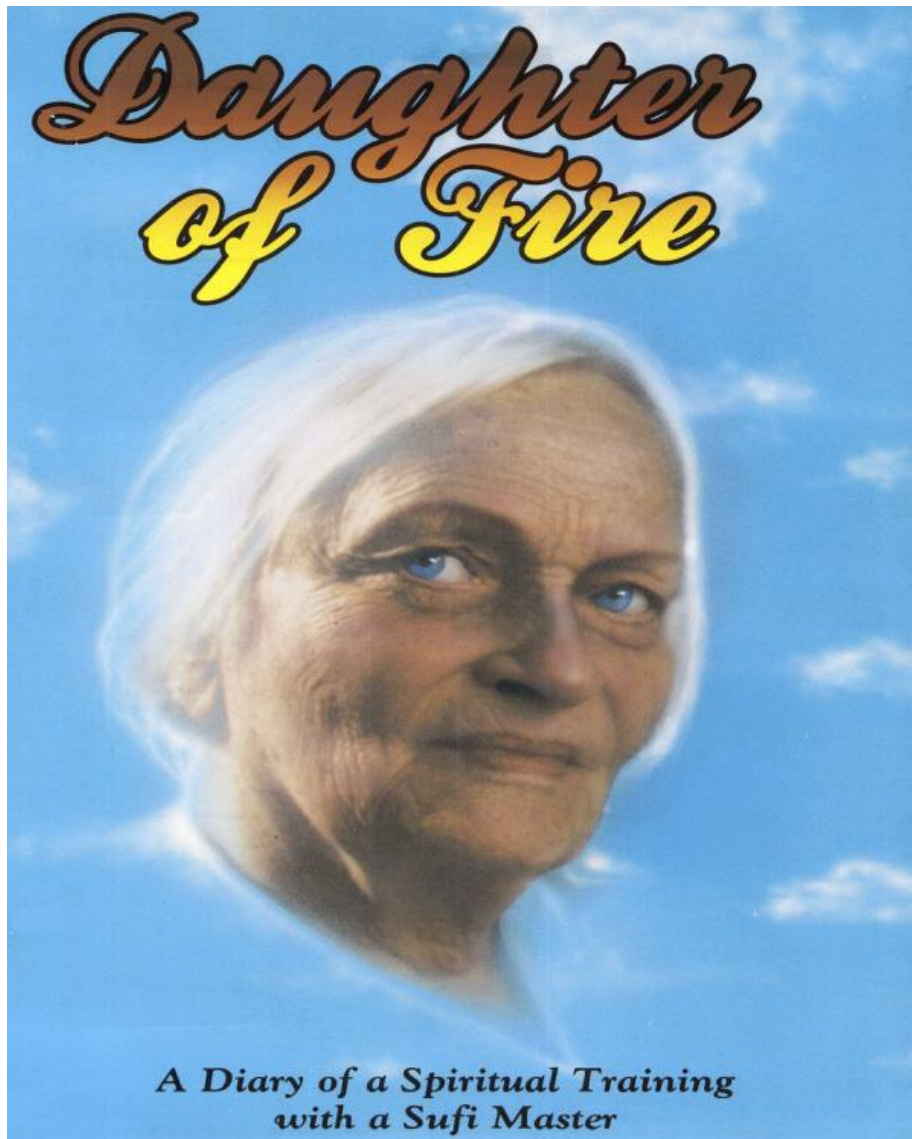

ДОЧЬ ОГНЯ

**ДНЕВНИК ДУХОВНОЙ
ПОДГОТОВКИ С СУФИЙСКИМ
УЧИТЕЛЕМ**

Оглавление

Предисловие.....	4
ЧАСТЬ 1. ЧЕРЕЗ ОГНЕННУЮ ПРОПАСТЬ.....	6
ГЛАВА 1. Второе рождение.....	6
Глава 2. Недоумения и предчувствия.....	14
Глава 3 Сомнения.....	18
Глава 4 Еще больше сомнений.....	30
Глава 5 Знак.....	36
Глава 6 Один из Иерархии.....	43
Глава 7 Отголоски прошлого.....	51
Глава 8 Путь без усилий.....	56
Глава 9 Мистический звук.....	67
Глава 10 Любовь рождается.....	74
Глава 11 Бенарес и Адьяр.....	84
Глава 12 Полет в неведомое.....	94
Глава 13 Вызов.....	101
Глава 14 Четыре двери.....	112
Глава 15 Страж на пороге.....	119
Глава 16 Жизнеописание грехов.....	130
Глава 17 Циркуляция света.....	140

Стопам лотосным моего почитаемого учителя посвящаю

*Путь любви —
как мост из волоса,
перекинутый
через Огненную Бездну.*

Ранний христианский мистик

*Даруй мне свободу петь — без эха,
даруй мне свободу лететь — без тени,
и любить — не оставляя следов.*

«Мы должны закрыть глаза и обратить их внутрь, должны заглянуть далеко в ту расщелину между ночью и днём, что пролегает в нас самих, — заглянуть так глубоко, чтобы у нас закружилась голова от её бездонности, — и тогда спросить: “Как мне перекинуть мост через самого себя? Как перейти с одного берега на другой?”... Бездна, через которую наведён мост, становится крестом; раскол, который преодолен, становится крестом. Жажда целостности уже предполагает крест — в самых основаниях нашего существа, в самом сердце нашей трепетной, бьющейся, нежной, прекрасной, рождённой любовью плоти и крови; и мы несём его с собой, куда бы ни шли, — сквозь все измерения пространства, времени, неисполненной любви и становящегося бытия.

И этого довольно как знамения... Бьющееся и смятенное сердце может обрести покой. В полуночный час крушительной тьмы, по ту сторону ночи, за крестом звёзд, рождается полдень.»

Лоренс ван дер Пост, *Путешествие в глущь страны (Venture to the Interior)*

Предисловие

ЭТА КНИГА — рассказ о духовном обучении согласно древней йогической традиции.

«Веди дневник, — сказал мой Учитель, — однажды он станет книгой. Но писать ты должна так, чтобы она могла помочь другим. Люди говорят: подобное происходило тысячи лет назад — мы читаем об этом в книгах. Эта книга станет доказательством того, что такие вещи происходят и сегодня, как происходили вчера и будут происходить завтра — с теми, кому надлежит, в надлежащее время и в надлежащем месте».

Я сохранила форму дневника. Мне кажется, именно она лучше всего передаёт непосредственность пережитого; по той же причине я повсюду пользуюсь первым лицом единственного числа: это случилось со мной, я вовлечена в это день за днём.

Когда я пыталась писать безлично, скорее как повесть, я увидела, что текст утрачивает свою силу.

Первый набросок рукописи был начат в сентябре 1971 года, в Тонге, Сазерленд, Шотландия, почти через десять лет после того, как я встретила своего почитаемого Учителя. Прежде я не могла заставить себя взяться за это, не могла даже смотреть на записи. Это было похоже на панику; я страшилась их. Слишком много страдания заключено в них; они написаны кровью моего сердца. Медленное стачивание личности — мучительный процесс.

Человек не может переделать себя без страдания.

Ибо он и мрамор, и ваятель

Алексис Каррель, *Человек — неизвестное*

Страдание обладает искупительным качеством. Боль и повторение — закрепляющие силы.

Читатель найдёт эту книгу очень повторяющейся. И это естественно. Ибо это история обучения. А обучение — это постоянное повторение. Ученик должен усваивать урок снова и снова, чтобы по-настоящему овладеть им, и учитель должен повторять его, показывать в ином свете, порой в иной форме, чтобы ученик понял и запомнил. Одна и та же ситуация повторяется множество раз, но всякий раз она вызывает чуть иную психологическую реакцию, ведущую к следующему переживанию, и так далее.

Я надеялась получить наставления в йоге, ожидала чудесных поучений, но то, что делал Учитель, сводилось главным образом к тому, что он вынуждал меня взглянуть в лицо тьме внутри самой себя, и это едва не убило меня.

Иными словами, он заставил меня «сойти в ад» — разыгрывающуюся в каждой душе космическую драму, как только она осмеливается поднять лицо к Свету.

Это совершалось очень просто: посредством резких укоров и даже агрессии. Мой ум удерживался в таком состоянии смятения, что словно бы «отключался». Меня подавляли во всех смыслах, пока я не была вынуждена примириться с тем во мне, что отвергала всю жизнь. Удивительно, насколько классический метод обучения, разработанный, быть может, тысячи лет назад, сходен с современными психологическими приёмами; в нём даже анализу сновидений находится место.

Где-то в одной из Упанишад — не помню, в какой именно, — есть фраза, в которой с предельной краткостью выражен весь наш духовный поиск: «Если ты будешь желать Истины так же, как тонущий жаждет воздуха, ты постигнешь её в одно мгновение».

Но кто желает Истины так же сильно? Задача Учителя — воспламенить сердце неугасимым пламенем жажды, а его долг — поддерживать этот огонь, пока сердце не обратится в пепел. Ибо лишь сердце, выгоревшее дотла, способно к любви. Лишь сердце, ставшее несуществующим, может воскреснуть и забиться в ритме новой жизни.

«...Вы должны умереть, прежде чем сможете жить вновь...»

Искренне и горячо желаю, чтобы этот труд стал указателем на Пути — хотя бы для некоторых из нас. Ибо, как говорит известное изречение: «Мы — и Паломник, и Путь».

ИТ.

Всякий раз, когда в тексте местоимения «Он» или «Его, Ему» пишутся с заглавной буквы, они всегда относятся к Богу и никогда — к Учителю.

ЧАСТЬ 1. ЧЕРЕЗ ОГНЕННУЮ ПРОПАСТЬ

ГЛАВА 1. Второе рождение¹

2 октября 1961 г.

Я ВОЗВРАЩАЛАСЬ ДОМОЙ... И СЕРДЦЕ МОЁ ПЕЛО. Это чувство радости овладело мною в ту же минуту, как только я сошла с поезда.

Большой железнодорожный вокзал был похож на многие другие, какие мне доводилось видеть в Индии во время моих странствий: стальные фермы, крыша, почерневшая от дыма, оглушительный шум пылящих паровозов, один поезд как раз отходил, тяжело дёргаясь и лязгая, обычная толпа сидящих на корточках людей, окружённых своим скарбом и терпеливо ожидающих отправления какого-нибудь местного состава, носильщики, спорящие из-за моего багажа, мухи, жара. Я устала и изнемогала от зноя, но всё же — и сама не знала почему — я любила этот вокзал; одно лишь ощущение, что я приехала, делало меня счастливой.

Танга — двухколёсная повозка, запряжённая старой лошадью, — уже более сорока минут тащилась по дороге в Ариананагар, район, где находилось место моего назначения. Эта часть города казалась довольно чистой, даже в такой час дня; было уже около пяти вечера, а жара всё ещё стояла сильная.

Я чувствовала себя лёгкой, свободной и счастливой, как чувствует себя человек, возвращающийся домой после долгого отсутствия. Странно... это чудесное ощущение возвращения домой, того, что я наконец прибыла... Почему? Это казалось безумием. Я спрашивала себя: как долго мне суждено здесь пробыть? Годы? Всю жизнь? Это не имело значения; мне было хорошо. Вот и всё, что я знала в ту минуту.

Мы ехали рысью по широкому проспекту, обсаженному деревьями. Большие бунгалло, сверкавшие белизной и стоявшие в глубине садов за каменными стенами и железными оградами, извещали крупными буквами о названиях банков, страховых обществ, инженерных фирм — всемирно известных предприятий. Главпочтамт справа, большая больница слева, затем обширный базар, раскинувшийся на широком открытом пространстве, — мимолётные взгляды в боковые улочки, обрамлённые лавками и тележками, товары, разложенные прямо на мостовой, и весь шум, все эти характерные запахи базара, составленные из жареного масла и чеснока, пряностей и ладана. Я втянула воздух... он был хорош.

¹ Согласно одной весьма древней восточной традиции, ученик рождается в тот миг, когда на него впервые падает взгляд Учителя.

Это был всего лишь ещё один индийский город, подобный многим другим, какие я уже не раз видела; и всё же... и всё же это великолепное чувство возвращения домой — для него не было никакой земной причины... это казалось безумием.

Правда, я ехала на встречу с великим йогом, гуру, и многого ожидала от этой встречи. Но ведь, конечно же, не это было причиной того, что я чувствовала себя такой лёгкой, по-детски счастливой. Я даже поймала себя на том, что смеюсь вслух и думаю: на всю мою оставшуюся жизнь это будет... — и тут же сама поразилась этой мысли. Да ты просто свихнулась, старая дура, сказала я себе; вот оно: свихнулась. Но всё равно — жизнь была так хороша, так весело было жить, дышать, двигаться, быть немного безумной и... прибыть наконец!

Мы как раз проезжали мимо большой хлопчатобумажной фабрики, затем железнодорожный переезд. Я заметила время на башенных часах; было половина шестого. А мы всё ехали и ехали.

Какая медленная была эта лошадь, и какая тощая — рёбра торчали у неё из-под сухой, словно пергамент, кожи. Кучер тоже был худ, должно быть, и он устал, и выглядел голодным, как его лошадь. Меня вдруг охватило чувство вины: мои чемоданы были тяжёлые и почти занимали всё пространство этой ненадёжно раскачивающейся двухколёсной повозки. Я сидела боком, довольно неудобно, судорожно держась за ручку одного из чемоданов, чтобы тот не свалился при каждом толчке. То, что я устала и страдала от жары, было лишь подробностью — это мало значило, ибо я возвращалась домой...

После множества расспросов по дороге у уличных торговцев и лавочников мой кучер танги наконец доставил меня по адресу. Это было низкое, раскинувшееся вширь бунгало терракотово-красного цвета, стоявшее посреди большого открытого сада, с цветниками перед домом, множеством деревьев позади и ещё деревьями тут и там вокруг. Улица была довольно широкой; прямо напротив, в садике среди пальм, стояло крошечное почтовое отделение, а рядом я заметила булочную. После жаркого, пыльного путешествия всё это казалось раем — таким свежим и мирным.

Но моя радость была недолгой. Госпожа Гхош, хозяйка, сказала мне, что свободного жилья у неё нет. По её словам, она писала об этом мисс Л. и, казалось, была удивлена, что мне об этом ничего не известно. — Но я отвезу вас к подруге мисс Л., Пушпе; там вы наверняка найдёте, где пожить пока что.

Она забралась в тангу рядом со мной и, сидя почти на моих чемоданах, уже быстро отдавала кучеру распоряжения по-хинди. На этот раз лошади требовалось немало понуканий, и мы снова тронулись в путь.

Госпожа Гхош, полная женщина средних лет, подбирая вокруг себя свою объёмную сари, всё говорила и говорила — что-то о жильцах и каких-то письмах, — но я почти не слушала. Я тревожилась. Л. дала мне понять, что место для моего проживания обеспечено, а вот я теперь не знала даже, где проведу ночь. Отелей поблизости не было — это я знала с её слов.

После дневного и ночного пути мне отчаянно нужен был отдых.

Я всё ещё была поглощена своими мыслями, когда она вдруг велела кучеру остановиться.

— Здесь живёт гуру мисс Л., — сказала она, обращаясь ко мне. — Хотите с ним познакомиться?

Мне вовсе не хотелось ни с кем знакомиться в эту минуту; платье моё было покрыто пылью, волосы липли от пота — мне хотелось только холодного душа и чашки чаю. Это был самый неподходящий миг для знакомства с кем бы то ни было, а уж тем более с такой важной особой, как гуру! Но мои протесты ни к чему не привели; она уже исчезала за широкими деревянными воротами, ведущими в довольно сухой на вид сад с несколькими кустами и немногими деревьями. В глубине стояло длинное белое бунгало — дверь была на каждом конце, а посередине возвышался большой высокий проём с деревянными ставнями, ведущий, по-видимому, во внутренний двор.

Я ещё не успела собраться с мыслями, как из двери напротив ворот вышли трое бородатых индийцев и направились ко мне; за ними шла госпожа Гхош. Все трое были пожилыми; все трое были одеты в белое. Я встала, спрыгнула с танги и, сложив ладони в индийском приветствии, поочерёдно посмотрела на каждого, не зная, кто из них гуру. Самый старый и самый высокий из троих, выглядевший точь-в-точь как пророк в рождественской мистерии — длинная седая борода, пылающие тёмные глаза, — шёл впереди остальных и, словно отвечая на мои мысли, указал на того, кто шёл сразу за ним. Это и был гуру.

В следующее мгновение он стоял передо мной, спокойно глядя на меня с улыбкой. Он был высок, лицо его было добрым, а глаза — странными: тёмные озёра неподвижности, с каким-то текучим светом в них, словно с золотыми искрами.

Я успела заметить только то, что он один был в широких штанах и очень длинной куртке — индийской рубашке без воротника — безупречной белизны; двое других были одеты в довольно поношенные курты и лунги — прямой кусок обычно хлопчатой ткани, туго обёрнутый вокруг талии и спускавшийся до щиколоток.

Мой разум едва успел это отметить — и тут будто сделал кувырок, сердце моё на какую-то долю секунды замерло. Я перевела дыхание... у меня в голове закружились дикие колёса, а потом ум совершенно опустел. И тогда это случилось

— словно что-то во мне вытянулось по стойке смирно и отдало честь... Я стояла в присутствии Великого Человека...

— У госпожи Гхош для меня нет комнаты, — быстро сказала я, глядя на него растерянно и неуверенно. Я сознавала, что говорю это только для того, чтобы сказать хоть что-нибудь, что угодно, потому что чувствовала себя беспомощной, совершенно потерянной. В глубине меня жил какой-то полный ужас, какое-то возбуждение, и в то же время я досадовала на себя за то, что смущаюсь и путаюсь, как ребёнок.

— **Мисс Л. писала мне, что вы приедете,** — сказал он, и улыбка его стала глубже. Голос у него был приятный, бархатный, баритональный; он хорошо соответствовал той общей ауре покоя, которая, казалось, окружала его.

Госпожа Гхош шагнула вперёд и снова принялась рассказывать всю историю: что она писала мисс Л., что у неё ничего свободного нет, но, возможно, письмо затерялось, и так далее, и так далее. Он медленно кивнул: — **Вы сможете остановиться у Пушпы,** — и добавил: — **Я жду вас завтра в семь утра.**

Было сказано ещё несколько вежливых слов; он расспросил меня о дороге, но я почти ничего не соображала, не могла думать, едва понимала хоть что-нибудь.

Вскоре мы приехали к Пушпе. Это был большой двухэтажный дом с очень маленьким садом. Сама она была приятной на вид, полной женщиной с хорошеньким лицом. Она вышла нас встретить; за ней следовал её свёкор — внушительная, исполненная достоинства фигура, весь в белом, а у его ног шёл большой эльзасский пёс. Госпожа Гхош в который раз принялась за свои объяснения.

Очень скоро я уже была устроена в гостевой комнате на первом этаже; к ней примыкала ванная, и под потолком был вентилятор. Перед двумя окнами стояла высокая кирпичная стена, покрытая пышной цветущей лианой, и свет, пробивавшийся сквозь листья, закрывавшие окна, делал комнату зелёной и прохладной на вид.

Блаженство холодного душа, короткий отдых, потом чудесная индийская трапеза — вся семья сидела вокруг большого круглого стола в столовой. Эльзасский пёс тоже присутствовал, под столом у ног Бабуджи (дедушки), вылизывая себя и распространяя запах до небес; но и это было только подробностью, и она тоже каким-то образом входила в общую рамку происходящего и принималась мною как нечто естественное.

3 октября

КАК ХОРОШО Я СПАЛА под ровное гудение вентилятора, но к нему к семи утра, как он велел, пойти не смогла.

Завтрак был в девять. Вся семья осыпала меня вопросами — об Англии, о моих путешествиях, обо мне самой; у каждого было что-то своё, особенно его интересовавшее, — и только после десяти, наконец, я смогла уйти. Пушпа послала со мной своего мальчика-слугу показать дорогу.

Уже проходя через садовые ворота, я увидела его сидящим в своей комнате в очень большом кресле напротив раскрытой двери, откуда ему были видны часть сада и входные ворота. Он пристально смотрел, как я подхожу. Лёгким кивком он ответил на моё приветствие.

— **Я ждал вас в семь**, — сказал он, перебирая свою малу (нечто вроде чёток, широко употребляемых на Востоке). — **Сейчас не совсем семь**.

Я объяснила, что завтрак был поздний и я не могла уйти раньше. Он кивнул. — **Да, было бы невежливо**, — заметил он и велел мне сесть.

В комнате царил тишина. Он, казалось, молился, бусина за бусиной мала скользила сквозь его пальцы. Я огляделась. Это была угловая комната, небольшая, скорее узкая. Другая дверь справа, обрамлённая двумя окнами, тоже выходила в сад. Вдоль левой стены стояли две большие деревянные кушетки-тахты; в самой стене были устроены две ниши, заполненные книгами. Ряд стульев и маленький диван для посетителей стояли лицом к тахтам, спинками к окнам и боковой двери, так что оставался лишь узкий проход к третьей двери в противоположном конце комнаты. Её закрывала зелёная занавеска, и она вела в следующую комнату, откуда можно было пройти во внутренний двор. Всё было чисто и опрятно — это легко могло бы быть комнатой студента. Простыни, подушки и покрывала на тахтах были безукоризненно чисты. Он был одет во всё белое — широкие пижамные штаны, как их носили здесь, на севере Индии, — но курта его была необычайно длинной, почти как ряса, как я заметила ещё вчера.

Его имя, выполненное наивными детскими руками, висело в трёх рамках на стене над тахтами. Одно было вырезано из фетра — неровно, неумело; другое вышито крестиком; третье — написано печатными буквами индийскими чернилами, — из тех вещей, какие дети обычно дарят родителям или родным на дни рождения и подобные случаи.

Глядя на эти рамки, я размышляла над этим именем и была рада, что вижу его написанным перед собой и не должна спрашивать ни его, ни кого-либо ещё. Я живо вспомнила, как в порыве внезапной паники сказала Л., когда она давала мне его адрес у меня в палатке в Пахалгаме, в Кашмире, что не хочу знать его имени. Это

было странно, и я не могла объяснить, почему чувствовала, что для меня он должен оставаться без имени, даже без лица.

Л. сказала мне, что моё нежелание знать его имя имеет глубокий смысл, но отказалась объяснить, в чём он состоит.

— Однажды ты сама узнаешь, — сказала она довольно загадочно.

И вот оно: прямо передо мной, написанное трижды, висит на стене.

Но я всё ещё не знала, почему она отказалась объяснять и почему меня охватил такой страх.

— **Почему вы пришли ко мне?** ² – тихо спросил он, нарушая молчание.

Я посмотрела на него. Бусины в его правой руке покоились на подлокотнике кресла, и вдруг, словно только и ожидая этого вопроса, я почувствовала внезапное, неудержимое желание говорить, настоятельную потребность рассказать всё, решительно всё о себе, о своей тоске, своих устремлениях, всей своей жизни...

Это было подобно принуждению. Я начала говорить и говорила долго. Я сказала ему, что хочу Бога, ищу Истину. Из того, что я узнала от Л., мне было известно, что он может помочь мне, и я рассказала ему, как поняла его самого и его работу по описаниям Л.

Я говорила и говорила, без конца. Он медленно кивал, словно этот поток моих слов подтверждал его собственные мысли, глядя на меня — нет, скорее сквозь меня — этими своими странными глазами, будто отыскивая самые сокровенные, самые скрытые уголки моего сознания.

— Я хочу Бога, — услышала я собственный голос, — но не в христианском представлении об антропоморфном божестве, сидящем где-то, возможно на облаке, в окружении ангелов с арфами; я хочу Безкоренного Корня, Беспричинной Причины Упанишад.

— И не меньше? — Он приподнял бровь. В голосе его мне послышалась лёгкая ирония. Он снова замолчал, перебирая свою малу.

Замолчала и я. «Он думает, что я полна гордыни», — мелькнуло у меня. Смутные чувства обиды поднялись из глубины моего существа и тут же ушли. Он казался таким странным, таким непостижимым.

² Традиционный вопрос каждого восточного Учителя к ищущему или возможному ученику. Согласно духовному закону, человек сам должен ясно изложить своё дело. Учитель ничего не станет делать против свободной воли личности.

Пока он смотрел в окно, лицо его было бесстрастно. Я заметила, что глаза у него не такие уж тёмные, скорее орехово-карие, с маленькими золотыми искрами в них, как я заметила ещё вчера.

Я снова заговорила, рассказав ему, что я теософка, вегетарианка, и...

— **Теософка?** — с вопросительной интонацией перебил он. Я объяснила.
— **Ах да, теперь вспоминаю, давным-давно я встречал нескольких теософов.**

И снова наступило молчание. Он закрыл глаза. Губы его шевелились в безмолвной молитве.

Но я всё же продолжала объяснять, что мы не верим в необходимость гуру; мы должны стараться достичь нашего Высшего Я собственными усилиями.

— **И за сто лет не достигнете!** — Он рассмеялся в открытую. — **Без Учителя этого не сделать!**

Я сказала ему, что не знаю, что такое суфизм.

— **Суфизм — это образ жизни. Это не религия и не философия. Есть индуисты-суфии, мусульмане-суфии, христиане-суфии. Мой почитаемый Гуру Махарадж был мусульманином.**

Он произнёс это очень тихо, с нежным выражением лица; глаза его затуманились и стали как бы завешены дымкой.

И тут я заметила то, чего прежде, в своём волнении и нетерпении, не замечала: в комнате царило великое умиротворение. Он сам был исполнен мира. Он излучал его; он был всюду вокруг нас и казался вечным — словно этот особенный покой всегда был и всегда будет, вовеки...

Я посмотрела ему в лицо. Его можно было назвать красивым по-мужски. В его чертах не было ничего женственного: довольно сильный нос, очень высокий лоб. Седая борода и усы придавали ему достойный и подчеркнуто восточный вид.

Волосы у него были коротко острижены, на западный манер.

— Как мне к вам обращаться? Каков здесь обычай? — спросила я.

— **Можете называть меня, как вам угодно, мне всё равно. Здесь люди зовут меня «Бхай Сахиб», что по-хинди значит «Старший Брат».**

«Значит, и для меня он будет Бхай Сахиб», — подумала я. Именно это он и есть: Старший Брат для всех нас.

— Когда я приехала, у меня было чувство, будто я возвращаюсь домой; а теперь я не могу избавиться от впечатления, что уже знала вас раньше. Что я знала вас всегда. Бхай Сахиб, где мы встречались в прошлый раз?

— **Зачем спрашивать?** — Он улыбнулся. — **Когда-нибудь вы сами это узнаете. Зачем спрашивать? Но мы встречались прежде, и не раз, а много раз, и ещё много раз встретимся снова; это я могу вам сказать.**

В половине двенадцатого он отпустил меня.

— **В первые несколько дней,** — он особенно подчеркнул слово ТОЛЬКО, — **вы не должны оставаться здесь надолго за один раз. Возвращайтесь после шести вечера.**

Я ушла, унося с собой навязчивую память о его лице, полном бесконечной мягкости и достоинства, и это впечатление долго не покидало меня. Кто он? Я была глубоко взволнована.

Глава 2. Недоумения и предчувствия

МЫ ПОЗАВТРАКАЛИ. За столом было много разговоров, собралась вся семья. Дедушка прелестен, настоящий характер. Такой светлокожий, что кажется европейцем, всегда одет в белое, молчаливый человек, произносящий очень мало слов.

После обеда я пошла отдохнуть в свою комнату. Все остальные сделали то же самое, как это принято в каждой жаркой стране. Комната была прохладна и тиха, полна зелёного света, как уединённая оранжерея. Только мягкое шуршание потолочного вентилятора, изредка проезжающая машина да обычные шумы и голоса индийской улицы. Я роскошно растянулась на постели, наслаждаясь приятным ощущением прохладного воздуха на коже, и лениво перебирала в мыслях наш утренний разговор.

И вдруг я внезапно осознала, что не помню его лица... Я не могла вспомнить, как он выглядит! Это потрясло меня так, что я буквально задохнулась. Его одежду, его малу, его руки, комнату и мебель я помнила хорошо — и значительную часть, хотя и не весь, наш разговор; его тонкие ступни в коричневых сандалиях на ремешках; постой-ка — эти ступни, эти сандалии — где я уже видела их прежде? Ах да, в давнем сне; я смотрела на них, пытаюсь уловить их ритм, когда высокий индеец, чьего лица я не помнила, вёл меня в танце по каменистой пустынной дороге. Это были те же ступни, те же сандалии. Но его лицо, которое я видела всего несколько часов назад, я не могла восстановить в памяти...

Я поняла, что помню тело — и не помню лица! Мне стало так страшно, что я села на край кровати. Уж не сплю ли я? Не сошла ли я с ума? Что это? Кто этот человек? Загипнотизировал ли он меня, или я и вправду начинаю терять рассудок? Я была ужасно встревожена. Снова легла, силясь вспомнить, но всё было тщетно. Чем больше я старалась, тем сильнее путалась.

Чтобы хоть что-то делать, как-то скоротать время, я встала и написала короткое письмо Л. — всего несколько строк: что я встретила его и надеюсь, что она скоро будет здесь.

Я едва могла дождаться шести часов вечера. Когда я пришла, он сидел, скрестив ноги, в своём кресле в саду и беседовал с какими-то мужчинами, сидевшими вокруг на стульях. Я почувствовала большое облегчение. Ну конечно, как глупо с моей стороны! Вот он, во плоти, выглядит вполне реально и осязаемо, как все прочие. И, разумеется, у него было лицо, и он как раз в эту минуту смеялся, потому что рассказывал по-хинди смешную историю. Все смеялись, а я пристально смотрела на него. Я не могла понять, как могла быть настолько нелепа, чтобы забыть нечто

столь очевидное. Мне не хотелось пережить это ещё раз; это было слишком тревожно. Я подумала: насколько вообще можно доверять своему уму, своей памяти? И я вглядывалась в его черты, чтобы как следует запечатлеть их в памяти. (Тогда я ещё не знала, что больше уже никогда не смогу забыть его лицо.) Немного спустя он повернулся ко мне и сказал по-английски:

— Я хотел бы, чтобы вы вели дневник — ежедневные записи всех своих переживаний. И ещё — чтобы вы записывали свои сны. Сны вы должны рассказывать мне, и я буду толковать их для вас. Сны важны; они — руководство.

4 октября

ХОДИЛА К БХАЙ САХИБУ утром после завтрака и вечером после шести. Моё суждение? Я до сих пор ничего не знаю. Я даже не могу как следует думать. Как и в первый день, когда я досадовала на себя, мой мозг всё время как будто пустел, и я едва могла мыслить связно. И теперь тоже, особенно когда я у него, мыслительный процесс, кажется, заметно замедляется.

Мысли приходят и уходят лениво, медленно, лишь немногие и с большими промежутками. Я вижу, как входят люди, касаются его стоп, тихо садятся и впадают в глубокое состояние, совершенно забывая обо всём вокруг. Мне сказали, что это состояние дхьяны, но что именно предполагается под этой дхьяной, он мне не сказал. Он лишь улыбнулся и заметил, что однажды я сама это узнаю... Это я уже слышала, как видно.

Быть может, в конце концов, вовсе не важно, великий он гуру или нет.

Быть может, даже не имеет значения, в состоянии ли я понять, кто он такой. Если он сможет научить меня отвлечению чувств (индрий, по-санскритски), потому что, по-видимому, именно в этом и состоит дхьяна — в способности так медитировать, забывая обо всём, — большего мне не надо. Ведь это состояние считается желанным, к нему стремятся все йоги; и достичь его труднее всего, особенно нам, людям Запада. Нам, привыкшим жить и действовать на уровне ума, быть по ту сторону его кажется утопией, чистой невозможностью. Но здесь я вижу, что это делается — и, кажется, так легко, так без усилия, — и более того, он сказал мне, что и я тоже однажды смогу это делать. Мне трудно в это поверить. Мне кажется, я никогда не сумею.

Бхай Сахиб рассказывал нам о своём отце, умершем много лет назад в январе, о праздновании, которое будет в тот день, в годовщину его смерти.

— Но до той поры мы пойдём...

Какое-то подобие паники охватило меня: ум мой закружился и затем опустел... Я не могла понять ни единого слова из того, что он говорил, слышала звук его голоса, но слова не имели смысла — это был просто звук, и ничего больше. Что-то во мне знало смысл сказанного, но это был не мозг, и я очень испугалась.

— **Вы уловили мою мысль?** — заключил он.

— Уловила, — солгала я. — Но, Бхай Сахиб, это страшная мысль, потому что это похоже на путешествие без возврата. А путешествие без возврата всегда пугает. Личность боится, потому что знает: это «я» уйдёт, должно уйти. В жизни приходит время, когда мы должны сжечь за собой все мосты, или же их сжигают за нас, что по существу одно и то же. Потому что малое «я» испугается и станет яростно бороться за свою жизнь.

Пока я говорила, я сама поражалась своему ответу, потому что в действительности не расслышала ни единого слова из того, что он мне сказал. И всё же, должно быть, ответ мой был верен, потому что он мягко улыбнулся, не сказав ни слова, кивнул и заговорил с другими по-хинди.

5 октября

В ПЕРВОЕ УТРО, три дня назад, он сказал:

— **Если вы говорите человеку: сиди в этой асане или в той, медитируй так или этак, — вы сажаете человека в тюрьму. Оставьте человека в покое, и он найдёт Бога своим собственным путём.**

Но не пытается ли он сам посадить меня в тюрьму? Этот самый факт, что мой ум не работает? Что это значит??

Сегодня утром я спросила его, правда ли, как я читала в одной из книг мистера Ледбитера, что Атма, пребывая в воплощении, принимает черты физического тела и может быть видима примерно на фут выше головы человека; и глаза у неё такие же, как физические глаза?

— **Глаза и лоб — те же; и да, это правда, её можно видеть над головой человека.**

Потом я спросила, зачем на второй день нашего знакомства он хотел знать, свободна ли я, совершенно ли свободна, нет ли у меня никого на иждивении, ни родственников, о которых нужно заботиться, ни обязательств, которые могли бы меня связывать.

— Вы ведь знаете, что я свободна; зачем же вы спрашивали?

— Да, я, конечно, знаю, что вы свободны. Но мне нужно было подтверждение от вас самой. Иногда в этом физическом мире нам приходится вести себя и говорить так, словно мы ничего не знаем.

Ответ показался мне странным. Но дальше я не стала спрашивать.

Задумчиво глядя на меня, он медленно сказал:
— **Нужно время, чтобы сделать душу беременной Богом. Но это можно сделать; ЭТО БУДЕТ СДЕЛАНО...**

И это тоже показалось мне странным. Я сидела совершенно неподвижно, глядя на него, и размышляла.

Позже пришёл молодой человек, которого я уже видела здесь прежде, — красивый, высокий индеец с суровым лицом; ему, как я думала, могло быть около тридцати. На этот раз он привёл с собой свою маленькую дочь; как он потом сказал мне, ей было три с половиной года. Милое дитя с огромными глазами, как глубокие озёра невинности. Как странно и чудесно, что все дети всех народов прекрасны. Почему же люди так сильно меняются, когда вырастают?

Молодой человек коснулся стоп Гуруджи, низко поклонившись, сел и немедленно погрузился в глубокую дхьяну, как это бывало обычно, сидя совершенно неподвижно, ничего не сознавая вокруг, а его ребёнок стоял между его коленями и тихо играл цветком.

— **Он — очень развитое человеческое существо,** — сказал Бхай Сахиб, как только тот ушёл. — **Он работает на железной дороге и приходит сюда, когда может.**

Старик, которого я сочла похожим на пророка в рождественской мистерии (кстати, его зовут Муншиджи), вошёл со списком в руке и стал задавать вопросы. Позвали слугу. Пришла жена Бхай Сахиба³ с блюдом риса, и началось долгое обсуждение по-хинди. Его жена совсем не говорила по-английски.

³ Суфии ведут обычную жизнь домохозяйина, и брак для них не является препятствием к достижению высших состояний сознания.

Глава 3 Сомнения

6 октября 1961

СОМНЕНИЯ всё приходили мне на ум. Множество сомнений. Такая обыденная обстановка. Такие обыкновенные люди вокруг него. Неужели он — Великий Человек? В нём как будто нет ничего от блеска Великого Гуру, Великого Учителя, о каких мы читали в книгах... Он был так прост, жил простой, обычной жизнью. Было ясно, что к своим домашним обязанностям он относится серьёзно. Я видела, что он — глава большой семьи: шестеро детей, брат с семьёй, живущие в том же доме, все делят один и тот же двор. И я видела там ещё других людей, ещё несколько семейств — место это было полно непрерывного прихода и ухода, полно всякой деятельности, не говоря уже о его учениках, которых, по-видимому, было много.

Решила поговорить об этом с Л. Она скоро вернётся. Ей пришлось остаться в Кашмире из-за религиозного конгресса, в котором она принимала участие.

Тем временем я решила как можно больше держаться в стороне.

Пошла туда после шести вечера. Он сидел, скрестив ноги на своём тахте, и писал письма. Я попыталась читать принесённую с собой книгу. Вскоре он поднял глаза и спросил, не чувствую ли я себя нехорошо, не больно ли мне. Я сказала ему, что, если к завтрашнему дню ноге не станет лучше, я не приду. Нога болела; из-за инфекции, привезённой мною из Амритсара, я едва могла ходить. Между пальцами была болезненная язвочка, воспаление причиняло мне немало мучений. Я подозревала, что виноваты лужицы воды, через которые приходилось проходить перед входом в каждый храм, но не сказала ему этого. К тому же это было только подозрение; причиной могло быть что угодно. Он сочувственно поцокал. Пока он говорил, я втайне надеялась, что он исцелит меня сразу же. Я не упомянула об этом, но где-то в глубине души у меня была такая мысль. Он посмотрел на мою ногу.

— **Само пройдёт,** — сказал он, словно знал, о чём я думаю. — **Отдых полезен,** — добавил он и продолжил писать.

Я пробыла недолго и ушла домой.

9 октября

ДОМ ПУШПЫ просторен и удобен. В каждой комнате — потолочные вентиляторы. Под предлогом небольшой инфекции на ноге я не ходила к Гуру.

Но утром всё же пошла. Он почти всё время говорил о своём Гуру и о том, сколько денег на него потратил. Интересно, знает ли старик мои мысли о нём и говорит ли

так именно из-за этого. Теперь у меня на его счёт все возможные подозрения. Я пробыла совсем недолго.

Во второй половине дня шёл сильный дождь, так что я тоже не пошла. Постараюсь держаться от него подальше до приезда Л. Столько надежд разбито... Может быть, я ожидала слишком многого? Всё кажется таким заурядным, таким банальным, таким обыкновенным. И он почти не утруждает себя ответами на мои вопросы:

— **Однажды сама узнаешь.**

Почему и как? Что мешает ему объяснить? Что за манера!

Ходила на классический концерт с мужем Пушпы и её дочерью.

На занятия по «Гите» в воскресенье утром. Ничего особенного; класс вёл сваами Рамакришны из ордена Миссии Рамакришны.

Но концерт был чудесен, а магнитофонные записи дивной индийской классической музыки, которые днём ставил нам муж Пушпы, были изысканно прекрасны. В остальном — скучные дни. Без конца мирская болтовня. Бесконечное ожидание трапез, которые никогда не подают вовремя, и чувство великого одиночества... тёмной, бесконечной тоски — и я не знаю, по чему. Столько разочарования и столько горечи.

Кто ты? Тот ли ты, о ком говорила мне Л.: Великий Учитель, человек великой духовной силы, — или просто один из множества лжегуру, которых встречаешь здесь, в Индии, на каждом шагу?

Ты вообще Учитель? У тебя, по-видимому, много учеников — я уже видела немало их за то короткое время, что нахожусь здесь. Судя по словам Л., ты должен быть великим человеком. Но так ли это?

10 октября

УТРОМ ШЁЛ ДОЖДЬ. Пошла около пяти вечера. Никого не было. Потом пришёл профессор математики и сел с нами.

Позже Бхай Сахиб предложил нам сходить на дискуссию, которая проходила в парке. Для этого там возвели помост. Собралось множество учёных индуистов. Я отказалась.

Сказала ему, что хочу вовремя попасть на киртан (пение благочестивых гимнов), который проходил у Пушпы в семь вечера.

Ушла вместе с профессором математики, который тоже шёл на киртан. По дороге он спросил меня, о чём, собственно, должна быть эта дискуссия. Я ответила: об аватаре (Божественном воплощении) Рамы; существует теория, что он был

единственным истинным воплощением Вишну (второго лица индуистской Троицы; Хранителя), и никто более. И тут я начала рассказывать ему о своих сомнениях. Есть ли вообще смысл ходить к Бхай Сахибу? Не пустая ли это трата времени? Он слушал с большой серьёзностью.

— Если вы убеждены, что ваш Гуру всегда прав, что он — единственный великий человек, тогда вы будете продвигаться. Ваш Гуру может быть вовсе не велик, но вы думаете, что он велик, и именно ваша вера поможет вам продвинуться. То же и с Рамой: не всё ли равно, единственное ли он воплощение Бога или нет; для того, кто в это верит, — да, единственное. Так зачем спорить? Я отказываюсь участвовать в интеллектуальной акробатике.

Я согласилась с ним.

— Больше всего меня в Бхай Сахибе смущает то, — продолжала я, — что он не отвечает на вопросы. Всякий раз, когда я хочу что-то узнать, он говорит: «**Однажды сама узнаешь**». Но кто может сказать мне, действительно ли я узнаю? Может быть, и не узнаю никогда; так почему бы просто не ответить? Я хочу знать СЕЙЧАС, а не когда-нибудь в гипотетическом будущем! Я начинаю думать, не теряю ли попусту время!

— Знаете, — сказал он, — приведу пример. Сын богатого человека наследует отцовское состояние и тогда будет иметь больше, чем вы и я. Здесь то же самое. У этого человека есть некая сила, которая со временем откроет внутри вас нечто поистине чудесное. Это случилось с другими; это случилось и со мной.

Я здесь уже двенадцать лет, я говорю по опыту. Я не знаю, как это происходит; у меня нет этому объяснения. Я даже не знаю, как можно унаследовать подобное, но это факт. Побудьте здесь месяц — и вы окажетесь в том состоянии, в каком находится Л., и в каком находимся мы все; тогда вы будете думать иначе. Л., когда приехала сюда много лет назад, говорила точно так же, как вы сейчас.

Я сказала, что, по-моему, на это уйдёт больше месяца.

— Конечно, нужны годы, — согласился он, — но уже через месяц вы сможете составить суждение.

Я сказала ему, что во всяком случае решила остаться здесь до марта, и он ответил, что это будет разумно.

— Я видел, как с людьми происходили странные и чудесные вещи. Всё именно так, как я вам говорю; и дхьяна — это определённо НЕ медиумический транс; это йогическое состояние, и к месмеризму оно тоже не имеет никакого отношения.

Мы входили в ворота Пушпы. Веранда была ярко освещена; там уже собралось много людей.

— Дхьяна — это полное отвлечение чувств, индрий, как говорят на санскрите; это йогическое состояние, как я только что вам сказал.

Мы вошли в комнату; зазвучала музыка. Я была погружена в глубокие мысли. Значит, вот оно что. Каким-то образом мне показалось, что этот разговор стал поворотным пунктом. Умный человек, интеллеktуал, уравновешенный, нормальный, разумный, высказал мне своё мнение. Он понравился мне и внушил доверие с той самой минуты, как я увидела его несколько дней назад. В глубине сердца я почувствовала, что должна попытаться, принять всё таким, как оно есть, и посмотреть, что произойдёт... А почему бы и нет? Перед изображениями Рамы, Шивы и Парвати (индуистских божеств) горели огни. Комната была переполнена, все сидели на полу. Я смотрела на лица, исполненные благоговения, а сердце моё билось в такт древней мелодии — «Хари Рама, Хари, Хари...» — и я всё думала, думала... и продолжала глубоко размышлять уже у себя в комнате, почти не слыша завываний собак на улицах и вечерних шумов оживлённой индийской улицы.

— А дхьяна — это просто сон? — спросила я.

— **Если вы думаете, что это может быть сон, значит, это сон; если думаете, что это не сон, значит, это не сон.**

Лицо его было сурово. Но в глазах как будто мелькнуло смутное подозрение на лукавую искорку, скрытый смех.

Должна сказать, ответ не слишком-то содержательный. Вполне в духе его обычной манеры.

12 октября

ХОТЯ ВСЕ вокруг твердят мне, что здешний климат нехорош, я нахожу его здоровым и бодрящим. Мне он как будто подходит. Мне всегда хорошо там, где меня видит солнце. Моему телу нужно солнце.

Еда у Пушпы превосходна. Я ем слишком много, сплю хорошо, у меня хороший аппетит, здоровье в порядке. Нога полностью зажила за последние несколько дней.

Пришла около пяти вечера. В комнате никого не было. Я села на своё обычное место — на стул напротив его тахты. Вошла его жена, что-то разыскивая в нише среди книг. Потом вошёл он. Не помню, как мы заговорили о дхьяне, но, вероятно, начала я, потому что это не давало мне покоя. Как только я входила к нему в комнату, процесс мышления замедлялся, и меня клонило ко сну. Я сказала ему об

этом, и он перевёл мои слова жене. Она сказала, что я не одна такая — с ней происходит то же самое: стоит ей лечь, как она сразу засыпает.

— **Я днём никогда не сплю,** — заметил он.

— Как вы можете бодрствовать в этом месте? — удивилась я. — Меня клонит в сон, едва я сяду!

Он рассмеялся. Потом начал рассказывать, что в 1956 году он был очень болен, смертельно болен, и к нему приходило много людей, которые могли бы так или иначе помочь. Но все они сидели там и засыпали, а его жена обычно говорила:

— И зачем только они все пришли? Просто поспать здесь?

— Так значит, дхьяна всё-таки означает сон? Дхьяна и сон — одно и то же?

— **Нет. Не одно и то же. В начале они могут быть похожи. Но если вы слишком долго остаётесь без сознания, не будучи в то же время сознательны где-то в другом месте, значит, вы ненормальны, значит, с вами что-то не так.**

— Вы хотите сказать, что человек, теряя сознание на физическом плане, становится сознательным где-то в другом месте? Вы, может быть, помните, что я несколько раз спрашивала вас об этом, но вы так и не ответили!

— **Конечно!** — весело рассмеялся он. — **Это приходит постепенно, мало-помалу. Нужно время. Но прежде чем вы сможете это сделать, вы должны всё забыть. Всё оставить позади.**

Я сказала, что эта мысль кажется мне пугающей. Он опять тихо засмеялся и посмотрел на меня с добродушной насмешкой. Я не могла понять, почему мой ответ показался ему таким смешным...

— **Как вы плаваете?** — снова начал он после паузы. — **Вы отбрасываете воду назад и назад — так вы и движетесь вперёд. Духовная жизнь — то же самое: вы всё отбрасываете назад по мере того, как идёте. Иначе нельзя; другого пути нет.**

— А нет ли опасности стать глупой, если всё забыть? — спросила я.

— **Почему?** — возразил он. — **Если у вас в сумке десять рупий, а потом вы получаете десять тысяч, вы ведь забудете про эти десять рупий, не так ли? Десять рупий всё ещё там, но вы больше о них не думаете, разве не так?**

Я понимала, что он имеет в виду, и видела, что он прав. Позже я рассказывала ему о нашем с Л. разговоре о духовной жизни и о том, что она считает: дальше одной мне уже не пройти и большего, чем я уже достигла, мне не достичь, потому что, по её словам, Гуру совершенно необходим.

— Гуру — это кратчайший путь: кратчайший путь и острый путь. Но не Гуру; друг, Духовный Наставник. Мне нечему учить.

— Что вы понимаете под Системой? — Он часто употреблял это слово в разговоре; мне оно казалось необычным, и я не была уверена, что верно понимаю его смысл.

— Система — это школа йоги, или Путь к Самореализации — смысл один и тот же. Нас называют святыми, но это то же, что йоги, — в Мудрости различия нет. Цвет нашей Линии — золотисто-жёлтый, и нас называют Золотыми Суфиями или Безмолвными Суфиями, потому что мы практикуем безмолвную медитацию. Мы не пользуемся ни музыкой, ни танцем, ни какими-либо определёнными упражнениями. Мы не принадлежим ни к какой стране и ни к какой цивилизации, но всегда действуем согласно нуждам людей данного времени. Мы принадлежим к раджа-йоге, но не в том смысле, как её практикуют ведантисты. Раджа значит просто: царственный, королевский, прямой путь к Абсолютной Истине.

— А почему нельзя идти дальше самому и почему нужен Гуру?

— Потому что в одиночку вы никогда не сможете выйти за пределы уровня Ума. Как вы можете опустошиться?

— Вы имеете в виду — опустошить ум, очистить его от всякой мысли? — спросила я, не будучи уверена, что он имеет в виду под словом «опустошиться».

— Да, как вы можете опустошиться, очистить свой ум, если вы постоянно действуете через ум? Как ум может сам себя опустошить от самого себя? Вы должны суметь оставить его, забыть всё. А этого нельзя сделать одному. Ибо ум не может превзойти самого себя.

— Смогу ли я когда-нибудь это сделать? Ведь сама эта мысль пугает меня, — неуверенно сказала я.

Он снова рассмеялся, глядя на меня искоса.

— Если вы больны, кто делает всё необходимое? Другие, конечно! Если вы без сознания, будьте уверены: найдётся немало людей, которые за вами присмотрят!

Я сказала, что, возможно, это верно в теории, если, например, меня запросто могут ограбить, пока я нахожусь в глубоком самадхи (сверхсознательном состоянии, слиянии со Вселенским Сознанием).

— Нет, — возразил он, — тогда вы не в самадхи. Если вы в самадхи, вы идёте к своему Творцу, и Творец позаботится о вас. А даже если вас и ограбят, то не потому, что вы были в самадхи, а потому, что вам было суждено быть

ограбленной, и это уже не имеет для вас никакого значения, раз вы достигли такого состояния сознания. Когда мы будем путешествовать вместе, вы увидите, что я ничего с собой не беру — я не боюсь.

— Но если вы путешествуете без денег, кто-то должен ехать с вами, хранить деньги и следить, чтобы они не пропали, иначе вы оба окажетесь в беде, — настаивала я.

— Да, это может быть так, но не обязательно. Возможно, я смогу ехать бесплатно, или деньги появятся сами собой. Бог действует через множество каналов. Во всяком случае, я утверждаю: с тем, кто в самадхи, ничего не случается, а если и случается, ему всё равно.

Он умолк.

— У вас есть ваши знания, — задумчиво сказал он через некоторое время. — Вы всё это забудете. Вы ДОЛЖНЫ это забыть, прежде чем сможете сделать хоть ещё один шаг вперёд.

Я подумала: не это ли имеют в виду писания — что надо забыть все книги, оставить позади всё приобретённое знание; только тогда можно совершить великий прыжок в Неведомое за пределами ума. Он согласился.

— В наше время в мире есть лишь очень немногие, кто может научить вас суфийскому методу. Суфийский метод означает полную свободу. Вас никогда не принуждают. Ввести кого-либо в дхьяну — это можно сделать, — но это лишь покажет, что моя воля сильнее вашей. В таком случае это был бы месмеризм, и в этом нет ничего духовного; это было бы неправильно. Когда человека влечёт к Духовному Наставнику и он хочет стать шишью (учеником), перед ним открываются два пути: Путь дхьяны — медленный, но более лёгкий; или Путь тьяги (полного отречения), Путь Огня, сожжение всего шлака, — и именно Наставник должен решить, какой путь лучше всего подходит в каждом отдельном случае. Путь дхьяны — для многих, путь тьяги — для немногих. Сколько найдётся тех, кто захотел бы пожертвовать всем ради Истины? Шишья имеет полное право испытывать Наставника; но как только он удовлетворён и принимает Наставника, — тут он рассмеялся своим молодым, весёлым смехом, — тогда Наставник может взять всё на себя, и ученик на время лишается свободной воли.

Он противоречит сам себе, подумала я, но ничего не сказала. Потом он начал говорить о своём Гуру, Великом Суфии.

— Он всегда со мной, — сказал он.

— Вы хотите сказать, что видите его? — спросила я.

На лице его было нежное, далёкое выражение.

— **Если я скажу, что вижу его этими физическими глазами, я солгу; если скажу, что не вижу его, я тоже солгу,** — сказал он после короткой паузы.

Я поняла, что он хочет сказать: в своих высших состояниях сознания он может достигать его.

Что ж, может быть, всё-таки хорошо, что я сюда приехала... И я была благодарна за возможность этого долгого разговора.

15 октября

ПОШЛА СЕГОДНЯ утром на занятия по «Гите». Ничего интересного. Когда я пришла к Бхай Сахибу, он спал. Его худощавая фигура в белом дхоти (свободной мужской одежде, повязываемой на талии) выглядела странно и словно бы скрюченно. Я тихо села в углу возле двери на тахте, который стоял вдоль стены позади его собственного. Позже пришёл молодой человек и, заметив, что Гуру спит, сел и закрыл глаза. Он был из Дели и приехал сюда впервые, как потом сказал мне Бхай Сахиб. Я сидела, скрестив ноги. Всё было тихо. Какие-то шумы доносились с улицы — где-то во дворе плакал ребёнок. И вдруг я ощутила в комнате великую

Колоссальную силу. Впервые я испытала нечто подобное; это было похоже на пребывание в машинном зале электростанции. Я едва могла дышать; сила была ужасающе велика. В горле возникло сильное беспокойство; сердце билось, билось и ныло... и биение было неровным. Кажется, я потеряла чувство времени.

Через некоторое время, быть может через час или около того, Бхай Сахиб сел, огляделся затуманенными глазами, а затем снова застыл в глубокой медитации.

Скрестив ноги, глядя перед собой невидящими глазами... сила в комнате казалась всё более глубокой и мощной, всё возрастала — комната вибрировала, гудела ею. Её буквально можно было СЛЫШАТЬ, как великий звук, одновременно высокий и низкий. Я вспомнила, как выглядела Л. в глубоком самадхи, но это было совсем иное...

Я сидела с закрытыми глазами, пытаюсь выдержать это... трудно было выносить эту громадную силу. Ум? — его почти вовсе не было.

Потерян где-то, поглощён, растворён, вернее — втянут в наэлектризованную атмосферу комнаты. Через некоторое время я открыла глаза и увидела, что он смотрит прямо на меня. Меня как будто дёрнуло, словно электрическим ударом. Выражение его глаз... оно меня испугало, но я тотчас поняла, что на самом деле он вовсе не смотрит на меня.

Глаза его были широко раскрыты, невидящие, пустые — было совершенно ясно, что его нет в этом мире... Меня так сильно клонило ко сну, что я изо всех сил боролась, чтобы не уснуть.

Через некоторое время вошла его жена и сказала, что чай готов. Он взял маленькое полотенце, которое всегда носил с собой, и вышел.

Ни слова не было сказано. Молодой человек, до тех пор сидевший молча, теперь что-то сказал мне. Я не могла ответить, не могла произнести ни слова. Так велик был мир, эта кажущаяся вечной тишина.

Вернулась домой, упала на постель и погрузилась в глубокий сон.

16 октября

УТРОМ ХОДИЛА к нему. Я не говорила, и он тоже. Он всё ходил взад и вперёд по кирпичному возвышению перед домом, перебирая в руке чётки и повторяя свои молитвы.

17 октября

ПРИШЛА ВЕЧЕРОМ около шести. Напротив дома, через улицу, в парке Дева Сингха шла Дурга Пуджа (богослужение в честь богини Дурги). Из большого шатра, ярко освещённого цветными огнями, громко лилась певуче-ритмичная музыка благочестивых молитв. Его не было в саду, он был где-то на улице, так мне сказали. Что-то случилось — драка или какое-то беспокойство, — и он разговаривал с полицейским.

Его жена и женщины из дома Бхай Сахиба стояли кучкой и обсуждали происшествие. На одной из ветвей дерева в саду была закреплена яркая лампа. Тысячи мотыльков и насекомых в безумии кружились вокруг неё. Что так неудержимо влекло их к яркости света, что они впадали в такой экстаз? И я думала, как, должно быть, прекрасно — быть крошечным мотыльком в Руках Божиих и умереть так, в полном восторге, в пламени Его света...

Какая сила влекла их? Должно быть, сила эта или инстинкт были очень могущественны, потому что, хотя они уже наполовину обгорали, это, казалось, не удерживало их от возвращения вновь и вновь в безумном экстатическом танце, пока они не падали на землю в последних судорогах смерти.

Умереть, сгорев в Твоём Свете... Какая чудесная смерть!

Джаган Натхджи, профессор математики, вошёл через ворота пешком, и все женщины вдруг исчезли в проходе, ведущем во внутренний двор.

Бхай Сахиб широким шагом вошёл во двор, а за ним — жестикулирующие мужчины в дхоти. Атмосфера становилась всё более и более напряжённой, и, казалось, кричали все, кроме него.

Подожли ещё люди. Я не могла выносить этот шум; он действовал мне на нервы. Я встала и ушла в комнату. Села одна в темноте в его большое кресло. В горле было сильное беспокойство. Должно быть, что-то не в порядке с горловой чакрой (психическим центром). Надо будет спросить его об этом, когда представится случай.

Вскоре внесли стулья; все мужчины вошли в комнату, и я ушла. Это было уже слишком для меня. Моросил дождь. Воздух был так благоуханен, как умеет благоухать только воздух Индии. Кустарники в окрестных садах цветут здесь круглый год. Я шла быстро, подставляя лицо влажному воздуху, глубоко вдыхая.

Исчезнуть, танцуя в Свете... небесная мысль... Умереть во взрыве фейерверка Твоей славы, сгореть в пламени Твоего Света. Нежная морось на коже. И, словно на гребне волны, всё моё существо было унесено могучей тоской.

Это было что-то новое — новая струна, звучащая, отдающаяся эхом в глубине моего существа. Жажда исчезнуть в Тебе... Я резко остановилась, потом медленно пошла домой.

18 октября

ПОШЛА ВЕЧЕРОМ. Не говорила. И он тоже. Он писал письмо за письмом, а его жена всё приходила, говорила и прерывала его. В Индии нет уединения. Как, должно быть, трудно ему; никогда не один, всегда прерываем, всегда отвлекаем в течение дня, даже в глубокой медитации. Я удивлялась, как он это выносит; но, быть может, он привык, поскольку сам индеец, и это ничуть его не тяготило?

Я видела, что у Пушпы та же история: невозможно поговорить, чтобы тебе беспрестанно не мешали слуги, входящие в комнату с тем или иным поручением или вопросами по домашним делам. Детям нужно внимание; ни минуты покоя; бесконечный приход и уход, шум и движение.

19 октября

ПРИШЛА ВЕЧЕРОМ. Всё ещё не могу говорить. И у Пушпы я тоже очень молчалива. Почти всё время читаю. Совсем не хочется разговаривать.

Вскоре после меня вошёл какой-то человек и начал говорить с ним по-хинди.

Через некоторое время Бхай Сахиб повернулся ко мне, представил этого человека как профессора истории и сказал, что тот хотел бы поговорить со мной.

Мне вовсе не хотелось разговаривать, но отказаться было нельзя, да и человек он, кажется, был приятный. После нескольких предварительных обменов вежливыми фразами он сказал, что в точности знает состояние моего ума. Я слегка иронически возразила, что если знает, то почему бы ему не объяснить, что это за состояние.

Он сказал, что я думаю, будто всё, что вижу здесь, — это месмеризм или сон, и всё время сомневаюсь, хорошо ли это, или же всё это ерунда, и следует ли мне остаться здесь или уехать. Я сказала ему, что таково в самом деле моё нынешнее состояние.

Завязался интересный разговор, из которого, к сожалению, я почти ничего не помню. В конце я спросила, каков, по его мнению, должен быть правильный внутренний настрой.

— Прежде всего — вера; абсолютная вера в Гуру. Нужно верить, что он знает верную дорогу, ведущую к Истине. Без абсолютной веры в Гуру невозможно ничего достичь, — говорил он серьёзно и с величайшей убеждённой. — Когда вас клонит ко сну, нужно расслабиться, закрыть глаза и ждать чего-то.

Заметьте, вы можете ждать очень долго, и ничего не произойдёт. Именно здесь поможет вера. Глубоко чувствуйте, что вы находитесь в Присутствии Бога, и ждите, исполненная бдительности и преданности, Его Милости. Тогда вы не уснёте, не по-настоящему, и однажды Милость поразит вас.

Я спросила, сколько времени обычно нужно, чтобы такое произошло.

— Думаю, не больше двух лет, — ответил он. — Это средний срок.

— Вы хотите сказать, что всё это время я должна жить здесь? Терпеть жару равнин? Да я просто умру!

Он выпрямился.

— Ни в коем случае. Мне кажется, вам не следует слишком подолгу оставаться у Бхай Сахиба. Немного утром и немного вечером. Потом уезжайте и возвращайтесь через неделю или две, уезжайте на несколько месяцев летом, когда жара станет невыносимой, и так далее.

Я не могла с ним согласиться. Если я решу остаться здесь ради обучения, то уезжать время от времени — значит терять время! Конечно, если я хочу духовной жизни, то единственно важным должно быть использовать эту возможность в наибольшей мере, несмотря на трудные обстоятельства.

20 октября

ПОШЛА ВЕЧЕРОМ. Его жена всё время говорила без умолку.

Никого, кроме меня, не было. Всё так пусто и банально. Кто он? Откуда мне знать? Может быть, мне будет дан знак? Я знала, что иногда знак бывает дан...

Чувствую тревогу и страх. Он мог бы привести меня в такое состояние, что я раздала бы все свои деньги или сделала бы что-нибудь безумное, вроде того, чтобы ласкать тех грязных детей, которых так много видишь на улицах, — как это случилось с Л., когда она, по её словам, однажды почувствовала такую любовь.

Как мне довериться ему? Как обрести веру? Разве это возможно? Что мне делать? У этого человека есть сила. В этом нет сомнения. И эти странные состояния сердца, и новый прилив чувств — что всё это значит?

Глава 4 Еще больше сомнений

НЕ ПОЕХАЛА. Лучше дождаться приезда Л. Она написала короткую записку, что прибудет 29-го. Конференцию отложили, а затем ей ещё нужно заехать в Дели, прежде чем приехать сюда. Пожалуй, мне и вовсе не следует ехать, пока её нет. Какой в этом смысл?

И всё же... всё же почему-то я чувствую, что он может отвести меня «туда», где пребывают любовь, тишина и где ум уже не...

25 октября 1961

ПРИСМАТРИВАЮ ЗА САДОМ ПУШПЫ. Переставляю цветы. Сажаю. Поливаю. Неистово занята. Лучше не думать. Работать и работать — только это. Каким разочарованием обернулось всё это дело...

Мы дважды ездили с Пушпой в питомник и купили чудесные кротоны, апельсиновые деревца и кактусы. Сажаю, сажаю и сажаю. Плоская крыша станет садом-пустыней; все кактусы и кустарники, которым не нужно много воды и которые могут переносить сильную жару, были перенесены наверх. Слуги меня не любят — я заставляю их работать. Садовник вместе с кули расчистил мусор. Я предложила Пушпе устраивать на крыше приёмы. Кажется, эта мысль ей понравилась. Я неистова в своей деятельности. Не думать. Не думать. Ни за что... а ведь я так надеялась. Как горячо и глубоко это разочарование. О, прошу тебя, мой ум: перестань думать!!

В последний день перед отъездом из Амритсара, помню, гид повёл меня утром посмотреть историческую гурдвару — храм сикхской религии, посвящённый двенадцати сикхским мученикам, истреблённым мусульманами. Мы вошли, когда молитва уже шла, сели на дарри — толстый хлопковый ковёр — среди молящихся и ждали, пока на доске напишут «повеление дня». Гид перевёл его мне с панджаби:

«Есть ли кто-нибудь, кто сможет привести меня к Господу? Я пойду к нему, коснусь его стоп и поцелую его руки. И буду верно служить ему — тому, кто может привести меня к Господу».

Бывают в жизни мгновения, когда мы вдруг, как при вспышке молнии, осознаём, что перст Судьбы уже настиг нас. Это было именно такое мгновение. Помню совершенно ясно: мне внезапно стало холодно, я испугалась и не знала почему. Теперь я понимаю: это перст Судьбы коснулся моего сердца. Я ЗНАЛА — это послание было для меня. «Я не пойду к нему», — внезапная паника мелькнула у меня в уме. Я поеду на Цейлон, как и собиралась сначала, а потом вернусь в Англию, к своей работе в библиотеке Теософского общества. Но я отогнала эту мысль. Сердце моё было полно надежды. Я решила, что это добрый знак; слова «повеления дня» предназначались мне, ибо я направлялась к человеку, который, я была уверена, сможет помочь мне на Пути к Истине.

Конечно, все мы знаем, что делать свою работу должны сами. Он сможет лишь указать путь, создать нужные духовные условия, облегчить нам труд. Но идти, добираться — мы должны сами. Труд этот нам предстоит совершить в одиночку.

В его доме есть некая сила — это факт, я в этом почти уверена, а не плод воображения. Она очень тревожит. Я держусь в стороне, дожидаясь Л. Она должна помочь мне прояснить некоторые вопросы. А если не сможет... тогда я поеду в Мадрас, посмотрю Южную Индию и Цейлон, а потом забуду всё это. ЕСЛИ СМОГУ. Но это будет нелегко — если вообще возможно.

Стоит мне только подумать об отъезде, как что-то во мне начинает плакать. Это так глубоко, что я едва сознаю это; оно лишь на пороге понимания. Это похоже на тоску по дому. Великую тоску.

Тоску по нашему Подлинному Дому? По Дому всех нас, людей, и всего остального в этой Вселенной?..

О Ты, знающий все сердца, помоги мне распутать это! Помоги мне увидеть Правильную Дорогу! Я как раненый — вся в боли, и маленький голос внутри всё время плачет. Такое беспокойное состояние. Вот почему я работаю, работаю и работаю и жду Л.

Вчера пересаживала сорок шесть горшков, и горшки были большие. Тяжёлая работа. Нужно достать какие-нибудь палки, лучше всего бамбуковые, и сетку для вьющихся растений.

ЕСТЬ, непременно ДОЛЖНА БЫТЬ Дорога к Подлинному Дому. И потому, что я не могу доверять ему — единственному человеку, который мог бы мне помочь, — Я НЕ В СИЛАХ ЭТО ВЫНЕСТИ. Я молю лишь о капле света, об искре света — только бы увидеть верное направление, следующий шаг!

Сердце очень часто бьётся так быстро, словно в лихорадке, временами пропуская удары, и тогда в горле ощущается что-то вроде удушья. Я перестала пить чай ещё в Пахалгаме, когда это началось. Это совпало с прибытием Л. в мою палатку. И теперь это заставляет меня задуматься... Но теперь становится постепенно всё хуже... сердцебиение, боль в сердце и какая-то тяжесть, словно камень лежит на груди.

26 октября

ЖДУ Л.

27 октября

ЖДУ Л. и по-прежнему работаю в саду изо всех сил. Как прекрасны восходы, которые видны с крыши, — розовые, эфирные восходы индийских равнин, и как

исполнены мира закаты в жаркой дымке. Как ты прекрасна, Индия, даже здесь, где дальний горизонт напоминает лондонский Ист-Энд: дымящиеся высокие фабричные трубы, едва выглядывающие из-за деревьев парка.

28 октября

ПРОСНУЛАСЬ среди ночи. В последнее время ночи у меня беспокойные. Голова переполнена спутанными снами. Я проснулась, и в ушах у меня звучала фраза; мне казалось, что я всё ещё слышу её, пока окончательно пробуждаюсь: *«Нет никакого иного Пути, по которому можно было бы идти»*. Когда я уже совсем просыпалась, в уме вспыхнула Упанишада. Какая именно Упанишада? — вспомнить я не могла. Это показалось неважным. Нет иного пути. Важно было только это. Словно думала это не я, а кто-то другой.

Я чувствовала усталость, такую усталость... нет иного Пути... для меня нет иного Пути...

И мысль об отъезде, о том, что мне вдруг придётся уехать отсюда, как удар, наполнила меня невыразимым ужасом. Должно быть, именно так чувствует себя жертва перед тем, как её убьют, — вся эта окончательность. И тогда я с глубоким ужасом поняла, ЧТО УЙТИ НЕ МОГУ. Никогда не смогу уйти.

И в этом была абсолютная окончательность — как в самом действии смерти.

30 октября

Л. ПРИЕХАЛА В СУББОТУ утром. Я была на крыше, в своём садовом пижамном костюме, и возилась с жидким коровьим навозом. После её купания мы долго говорили, а потом беседовали ещё не раз. Особой помощи от неё не было. Она не могла понять, почему я так боюсь потерять все свои деньги. По-видимому, он отказывается от денег — Л. сама видела это. Он принимает деньги, но потом раздаёт их — это тоже правда. «Но почему, ради всего святого, ты предполагаешь, что он станет тебя принуждать?»

— Потому что я чувствую: в нём есть какая-то страшная сила; она тревожит меня. Она не кажется человеческой. Мне кажется, что он может сделать со мной всё, что угодно, совершенно всё, и что я в его руках абсолютно беспомощна — тем более что я уже открыла в себе: сама мысль об отъезде наполняет меня каким-то отчаянием, которому я не могу найти разумного объяснения.

Она странно посмотрела на меня и предположила, что, возможно, это испытание, ибо ей казалось, что деньги занимают в моей жизни столь важное место. Но я отвергла это объяснение как совсем неубедительное или, во всяком случае, такое, которое я не могла с лёгкостью принять. Сказала ей, как я разочарована. Я даже заплакала. Я всё же надеялась, что она попросит его объяснить, что

происходит с моим умом, — и что со мной происходит из-за этого состояния сердца. Собственно, я попросила её это сделать, но только не при всех; может быть, когда она останется с ним наедине и ничто не будет их прерывать.

Но, по-видимому, она спросила его, как только кто-то вышел, в тот краткий промежуток, пока не пришёл кто-то другой, так что их прервали. Всё, что он сказал, как передала мне Л., было то, что я страдаю от слишком беспокойного ума и боязливого воображения. Но, добавила она, она прекрасно понимает моё душевное состояние — состояние сомнения и тревоги. Возможно, на моём месте она чувствовала бы то же самое. Я видела, что она огорчена и жалеет меня. Она была другом — но могла ли я ей доверять? У меня закралось подозрение, что она говорила с ним, но получила указание не рассказывать мне результата. Одно из её замечаний заставило меня так подумать: когда я сказала ей, что, кажется, невозможно испытывать к нему доверие и уверенность, она в своей простой, серьёзной манере ответила, что вначале вовсе не так уж необходимо иметь безусловную веру и полное доверие; это потребует позже. А пока будут доказательства многих происходящих вещей; я многое открою и тогда, быть может, обрету доверие.

— Остайся ненадолго, — сказала она, — и посмотри, что будет.

Вначале это не нужно... Значит ли это, может ли это значить, что будет — или может быть — продолжение? И даже конец — когда-нибудь? Я сдалась. Уже не могла думать. Это казалось чрезмерным усилием.

У мужа Пушпы грипп, поэтому мы не пошли на занятия по «Гите». Л. взяла с собой несколько урду-стихотворений для Бхай Сахиба — от маленькой Парвин, очаровательной и хрупкой девушки, с которой я познакомилась в доме Камлы в Шринагаре.

Говорили, что эти религиозные стихи прекрасны, и я надеялась услышать перевод хотя бы некоторых из них. Я уверяла себя, что только ради этого и хочу пойти. Но, конечно, настоящая причина была в другом: мне хотелось снова оказаться в его атмосфере. Мне так её не хватало. Прошло десять дней — это было ужасно долго...

Этот глупый Шастри уже сидел там. У меня было время предупредить Л., какой он дурак, да ещё и тщеславный вдобавок. И, разумеется, вскоре Бхай Сахиб попросил его блеснуть своими познаниями и пропеть несколько стихов из Вед.

Он мало пел и много объяснял — на санскрите и на плохом английском, явно ради нас; и Л. afterwards сказала, что во всём этом не было ровно никакого смысла — ни в его санскрите, ни в его английском комментарии. Я так потеряла терпение с этим дураком — его визгливый голос, похожий на попугайский, действовал мне на нервы, — что вышла ненадолго в сад подышать свежим воздухом. Было прохладно, небо

было облачным, ветер бил мне в лицо. Я ходила взад и вперёд под деревьями, глубоко дыша.

Сад был тих; вокруг никого не было. Когда Шастри ушёл, все немало забавлялись его самомнением, а Л. комментировала «Гнездо Быка», тот отрывок, который она просила Ачарью объяснить, но он не смог. Я почувствовала сильное расстройство в сердце. Оно буквально всё время останавливалось, и каждый раз у меня возникало чувство удушья. Это было очень мучительно.

В Пахалгаме, после встречи с Л., это началось. Теперь это вернулось с новой силой, но на этот раз было иным. Это, несомненно, имело отношение к присутствию Бхай Сахиба — или, быть может, только к самому его месту? В этот момент он разговаривал со своей женой, которая вошла и остановилась в дверях. Я воспользовалась случаем, чтобы спросить Л., могу ли я спросить его, что делать с этой деятельностью сердца. Конечно, сказала она, я должна его спросить. Я сделала это, как только его жена ушла. Он сказал, что есть физическое сердце и нефизическое, и когда активизируется последнее, первое неизбежно должно это почувствовать.

— **С тобой ничего не случится,** — улыбнулся он. — **Не бойся, никакого вреда. Я здесь, чтобы за этим следить.**

Разговор всё ещё крутился вокруг Шастри Ачарьи и его пения. Через некоторое время Бхай Сахиб повернулся ко мне и спросил:

— **Теперь у тебя никакого беспокойства нет, не так ли?**

К своему изумлению я поняла, что сердце у меня совершенно спокойно.

— **Это потому, что оно сейчас у меня,** — ласково улыбнулся он.

— О нет! — воскликнула я. — Пожалуйста, верните его мне обратно! Я не хочу, чтобы оно было у вас, это было бы несправедливо по отношению к вам!

— **Разве я жонглёр,** — всё с той же тихой улыбкой сказал он, — **чтобы перекидывать его туда и обратно?**

Теперь он уже откровенно смеялся, явно забавляясь. Но я серьёзно просила его вернуть мне моё сердце.

— Я бросаю вам вызов — сделайте это! Я хочу увидеть, можете ли вы это; я хочу поверить, что у вас есть такая сила!

— Верните ей это вдвойне! — воскликнула Л. — Так ей и надо!

Разговор снова возобновился — о Ведах и о «Гнезде Быка», том самом месте, которое так озадачило Л. Потом наступило молчание. Когда я случайно взглянула на Гуру, он был далеко.

— Смотри, ах, посмотри на него! — прошептала я Л. — Посмотри на это выражение на его лице: словно высеченное из камня, древнее и жестокое; будто старше самой человечности!

И тут внезапно у меня снова начались сердечные приступы, а вместе с ними головокружение и головная боль. Но я сказала Л., что всё равно не верю, будто это сделал он; возможно, просто совпадение, что всё прошло, а потом снова вернулось. Она посмотрела с отвращением и сказала, что я хуже неверующего Фомы, что я без нужды всё усложняю, и так далее. Сидя, как обычно, скрестив ноги, Бхай Сахив мягко покачивался... он был в самадхи. Глядя на него, я говорила Л. по-французски, что лицо у него такое восточное — китайское или тибетское. Лицо, которое, казалось, знаешь всегда...

— А знаете ли вы, как вы выглядите, когда бываете в самадхи? — спросила я, когда он через некоторое время поднял взгляд и открыл глаза. — Тибетцем, да, тибетцем — и таким древним, как сами горы!

— **Тибетцем?** — медленно повторил он; голос его был странным, монотонным; и, глядя прямо на меня: — **Тибетцем; если ты это знаешь, почему же ты всё ещё сомневаешься?**

У меня перехватило дыхание. Я поняла, что он имеет в виду, и молча поклонилась ему, сложив ладони.

После этого мы с Л. ушли обедать.

Глава 5 Знак

31 октября 1961

ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ мы пошли гулять втроём: он, Л. и я. Я надеялась увидеть Гангу, но уже смеркалось, и я боялась, что мы мало что увидим. Он шёл очень быстро, и мы едва поспевали за ним. По дороге он рассказывал Л., как намерен научить её, что делать, когда приходит беременная женщина и просит, чтобы у неё родился мальчик.

— Это мантра? — рискнула спросить я.

— **Нет, вовсе нет, только намёк, один лишь намёк — и ребёнок без всякого сомнения будет мальчиком.**

Л. вот уже тринадцать лет бывает с ним — с перерывами, когда приезжает в Индию. Меня заинтриговало, что такие вещи вообще можно делать, и я надеялась узнать об этом больше, но они уже говорили о том, как большинство людей приходит к святому главным образом за мирскими вещами.

Мы дошли до гхата — возвышенного берега реки, где совершаются ритуальные омовения, а также кремации, — и увидели в темноте, что в этом месте почти нет реки. В это время года Ганга, по-видимому, течёт примерно в двух милях отсюда.

Как и почти все индийские реки, она время от времени меняет русло. В быстро гаснущем сумеречном свете ещё можно было различить лужицы стоячей воды среди песчаных отмелей, уходящих вдаль. Мы повернули обратно. Он говорил с Л., я слушала рассеянно. И вдруг меня поразила одна его фраза:

«...Мы, посвятившие себя служению человечеству».

Я наострила слух. Это был знак, которого я ждала... Я была уверена. Я знала, что это значит, подумала я с радостью и облегчением.

Это значит, что он принадлежит Иерархии, Великому Братству, помогающему эволюции человечества. Я попыталась поразмыслить над этим, но они уже заговорили о состояниях дхьяны, а Л. всё поддразнивала меня, отпуская замечания о моей боязни её.

Мы на минуту зашли в парк Дева Сингх напротив его дома, где была сооружена сцена для представления Рам-лилы — праздника в честь Рамы. Он коротко поговорил с одним из молодых людей, а потом мы все сели в саду перед домом.

Подошло несколько человек, большей частью мужчины из соседних домов. Я спросила у Л., который час — становилось поздно. Было восемь, и Л. поднялась.

— Я оставляю вас, — сказала она с улыбкой.

— **Можешь ли ты меня оставить?** — В его голосе слышался скрытый смех.

— Пора идти ужинать, — ответила Л.

— **Нет,** — покачал он головой, — **я хочу сказать... можешь ли ты, могла бы ты оставить меня?**

— Нет, никогда! — с силой ответила она.

Тогда он повернулся ко мне:

— **А ты, могла бы ты меня оставить?**

— О да, могу! — я поняла, что ответила слишком быстро.

Слишком быстро — и потому подозрительно.

— **ПОПРОБУЙ,** — сказал он очень тихо, глядя мне прямо в глаза, и я едва не ответила ему: «Погасите Свет!» — как иногда шутливо говорила, потому что когда в его глазах появлялся этот странный, неземной свет, я не могла смотреть на него; это было слишком, почти физически больно...

Мы ушли. Я чувствовала смятение и спросила Л., как она понимает его последнее замечание.

— Я не совсем уверена; но разве ты не говорила вчера, что самая большая твоя беда в том, что ты знаешь: не сможешь уехать? Думаю, именно к этому относились его слова.

Возможно, она права. Я и сама склонна думать, что именно это он и имел в виду.

— Я ничего не рассказывала ему о нашем разговоре, — продолжала она. — Я никогда ничего не рассказываю.

Я сказала, что верю ей.

Итак, это значит, что он ЗНАЛ. Он знает, что я уже не смогу уехать. Сегодня утром я не пошла к нему, потому что хотела сделать записи в дневнике и к тому же ждала садовника Пушпы, который так и не пришёл. Нужно подготовить горшки для рассады. Л. пошла туда одна.

Когда она вернулась, она рассказала мне, что он сказал ей: я не хочу дхьяны, а потому и не получу её.

— Меня это рассердило, — сказала она. — Какой смысл туда ходить? Только ради разговоров?

Я слушала её и думала... хотела ли я дхьяны? По какой-то причине меня отталкивала мысль стать бессознательной; это было совершенно верно. Было ли это потому, что я не доверяла ему до конца? В этом ли причина моей тревоги? Сказал ли он так Л. потому, что намерен направить меня на другой путь — Путь тьяги, полного отречения?

Не раз и не два я говорила ему, что хочу стать такой, как он, — обрести самадхи в полном сознании, а это, разумеется, и есть высшее йогическое состояние. Сделай высший Идеал своей Целью, а потом стремись к нему — помню, я так сказала. Он серьёзно ответил:

— Чтобы стать вполне сознательными на всех уровнях бытия, мы должны пройти через период бессознательности. Иначе как нам превзойти физический план? Полное отвлечение чувств, полное устранение мыслительного процесса и есть временная утрата сознания.

Итак, думаю, я всё же узнаю, ЧТО ТАКОЕ дхьяна, но мой Путь будет иным. Однако Л. я ничего об этом не сказала.

1 ноября

КОГДА МЫ С Л. ПРИШЛИ сегодня утром к нему, он уже был в саду. Л. начала ходить с ним взад и вперёд. Они были погружены в глубокий разговор, кажется, о кундалини — той книге, которую она собиралась издать. Я сидела в комнате на тахте, в обычном своём углу у двери, ведущей в сад. Через некоторое время он вошёл. Л. была во внутреннем дворе. Я слышала, как она смеётся с детьми.

Я спросила его о значении последних слов, которые он произнёс вчера вечером, когда мы уходили. Сказала ему, что несколько дней назад утром, ещё между сном и явью, с известным потрясением поняла: уехать я не смогу. Не это ли он имел в виду? Он весело рассмеялся и сказал, что именно это и имел в виду.

— Это твоё Высшее Я не даёт тебе уйти, это оно велело тебе остаться.

Он достал из ниши бумагу для писем и начал писать. Я некоторое время сидела молча. Вошла Л. Завязался разговор, в ходе которого Л. сказала, что ученики Сократа с горечью жаловались: они оказываются в невыгодном положении, ибо в его присутствии ум у них не работает, и они не могут вести беседу так, как от них ожидается. Точно как у меня, подумала я.

Что ж, значит, всё решено... я остаюсь. Я почувствовала какое-то облегчение; решение было принято.

— На тебя было употреблено некое воздействие, нечто нужно было принудить, и это будет продолжаться — не только сейчас, но годами, всегда, пока существует это физическое тело.

Я спросила, как же так вышло, что я этого не заметила, и когда это было.

— Это было в тот день, когда мы ненадолго остались одни, в самом начале. Его глаза словно пронзили меня.

— А почему ты должна была это почувствовать или заметить? — спросила Л. — Что знает ум за пределами своей способности познания?

— Эта сила, которая была применена к тебе, — продолжал он, — заставит тебя сомневаться, вызовет разного рода смятения, но это было необходимо.

Я сидела и думала... а сердце бешено колотилось в своей костяной клетке.

Быть может, теперь Дорога станет свободной? Дорога к Свободе откроется?

ВЕЧЕРОМ Л. спрашивала о том, как Гуру передаёт ученику — согласно суфийской системе; и так ли это во всех школах йоги? По-видимому, да. Это делается через прану — жизненную силу, эфирную энергию, — и главным образом через сердечную чакру. Во всех великих школах это одинаково.

Ранним днём, после обеда, сидя на веранде, я читала *La Vie de Mme. Gayon* — книгу о французской мистичке, которую одолжила у Л. Незадолго до того, как нам пора было идти к Бхай Сахибу, пришёл Джаган Натхджи. Он сел и начал говорить о Бхай Сахибе и о моих сомнениях, о которых я упомянула ему неделю назад. Я снова спросила, что находится по «ту сторону» дхьяны, и он подтвердил: это НЕ сон. Только вначале это может быть так — или казаться таковым, — но не потом. Он говорил о Бхай Сахибе с великим восхищением; было ясно, что он старается как может мне помочь.

Я заподозрила, что он заглянул сегодня именно с этой целью. Я была тронута. Какой это был добрый человек!

В меркнувшем вечернем свете, в его комнате, Л. сидела в глубокой дхьяне. Я наблюдала за ней больше часа; она не шелохнулась. Он лежал на тахте, а его ученик Пандитджи, деревенский брахман (он был одним из троих, что вышли встретить меня, когда я приехала впервые; другим, самым высоким, был Муншиджи — именно он тогда напомнил мне пророка из рождественского представления), массировал ему ноги. Несколько дней назад он сказал мне, что Пандитджи уже два года находится при нём, служа ему, и только теперь получил Посвящение по суфийской традиции.

— Он в хорошем состоянии, — добавил он.

Это и в самом деле было видно. У него были глаза блаженства. И теперь он медленно, методично массировал стопы Гуру уже больше часа. К этому времени комната почти погрузилась во тьму. Свет уличного фонаря, частично заслонённого деревьями в саду, смутно освещал комнату через открытую дверь. Я сидела, исполненная глубокого мира. Это была такая восточная сцена: шишья массирует стопы Гуру. Л. — в глубокой дхьяне, звуки кухни и голоса доносятся из внутреннего двора. Кто-то с прекрасным тенором проходил по улице... Жизнь была хороша...

2 ноября

УТРОМ Я БЫЛА С НИМ ОДНА. Л. пришлось остаться дома, чтобы исправлять гранки своей последней книги, пришедшие из Франции. Он сидел на тахте — я напротив, на стуле, — полузакрыв глаза и перебирая чётки. Он засыпал меня вопросами о моей жизни и обо мне самой. Мысли стремительно и ясно возникали у меня в голове; я не могла не льститься тем, что он, по-видимому, проявляет ко мне интерес. Потом пришла Л. Разговор перешёл на её книгу и состояния кундалини.

— **Не имеет никакого значения, веришь ты в существование кундалини или нет: кундалини ЕСТЬ. Кундалини — это не только сексуальный импульс; но сексуальная энергия составляет часть кундалини. Обычно эта Энергия, пребывающая у основания позвоночника, более или менее дремлет. В нашей системе её пробуждают мягко; она не доставит тебе слишком больших неприятностей.**

— **Не слишком больших,** — задумчиво добавил он, глядя на меня. — **С Л. было иначе. Её кундалини была пробуждена практиками хатха-йоги. Поэтому она так страдает. Я делаю всё, что могу, чтобы ей помочь, но,** — он пожал плечами, — **это в Руках Бога.**

— **Когда кундалини пробуждают хатха-йогой, она становится большой проблемой. Это трудный путь. Нужно уметь поднимать её и снова опускать через все чакры, а это сопряжено с большими трудностями. У нас же мы начинаем замечать её лишь тогда, когда она достигает сердечной чакры; тогда это означает мир, блаженство, состояния расширенного сознания. Мы пробуждаем Царя — сердечную чакру — и предоставляем Царю самому приводить в действие все прочие чакры.**

Вечером Л. пришла ненадолго и скоро ушла. Я осталась сидеть в своём углу на тахте. Он был в большом кресле. Медленно, одна за другой, бусины его чётки скользили между пальцами. Даже снаружи всё было неподвижно. Казалось, сад спит, едва слышался шум движения; улица молчала. Он встал и ненадолго вышел из комнаты, затем вернулся и на этот раз сел на тахту, погрузившись в глубокое

состояние самадхи. Я заметила, что он сидит не так, как обычно, не скрестив ноги, а на пятках, и обращён лицом ко мне, сидевшей в углу у двери.

Обычно с этого места я могу видеть лишь его профиль, когда он говорит с людьми, сидящими на стульях напротив тахты.

Он смотрел на меня невидящими глазами, и на губах у него играла странная улыбка. От внезапного страха сердце моё одним большим толчком подскочило к горлу... Никогда прежде я не видела его таким. Его лицо казалось сотканным из одной только энергии — трудно это описать. Может быть, девическим? Во всяком случае, человеческое лицо не может иметь такого выражения... Ощущение динамизма, колоссальной силы всё возрастало и возрастало. Я просто сидела; ум почти не работал. Мысли приходили и уходили как в замедленном движении — всякие незначительные мысли. Мне пришло в голову, что, возможно, он что-то делает с моими высшими оболочками, но, поскольку я ничего не чувствовала, я решила, что, наверное, ошибаюсь.

Время шло, может быть, час или даже больше — у меня кружилась голова. Я стала думать, что могла бы пойти домой и написать несколько писем. Он, казалось, был в очень глубоком состоянии; я тихо выйду, не потревожив его. На противоположной стене висел календарь. Я не могла вспомнить, какой сегодня день. Второго октября я приехала сюда — через семь лет после того, как впервые узнала о Теософии.

Ровно семь лет... странно...

По полу полз муравей — чёрный, очень большой, около дюйма длиной. В Индии многие насекомые вырастают до неправдоподобных размеров. Я некоторое время наблюдала за ним, пока он не скрылся под стулом.

— **Какие мысли у тебя в уме?** — Его голос заставил меня вздрогнуть.

— Ничего особенного, просто несколько глупых мыслей.

— **Иди домой и приляг,** — велел он. — **Ни с кем не разговаривай, постарайся отдохнуть; дай своему уму отдых.**

Мне не казалось, что уму нужен отдых, но я встала, готовая уйти.

— На сколько мне лечь?

— **О, на полчаса или около того, а если сможешь — и больше.**

Голос его был полон безразличия, совсем будничен. Я поняла, что произошло нечто совершенно особенное — но что именно? Узнать было невозможно.

Ум был спокоен, мыслей очень мало — смутных, расплывчатых.

И тело тоже было спокойно...

В нашей комнате Л. работала над гранками; свет был везде зажжён.

Она удивлённо взглянула на меня: так скоро домой она меня не ждала. Я сказала ей, что он отправил меня домой с приказом лечь.

— Ого, — сказала она и продолжила работать.

Я ждала какого-нибудь замечания, но она ничего больше не сказала.

После ужина я сразу ушла в комнату и попыталась уснуть. Вскоре я поняла, что вся взвинчена... Это было похоже на гудение, на непрерывную вибрацию во всём теле, как нервное напряжение без самой нервозности. Я сказала Л., что сегодня ночью не усну.

И действительно не уснула. Всю ночь я беспокойно ворочалась. Но, как ни странно, усталости не было. Я чувствовала подъём, возбуждение, но в остальном мне было хорошо. Совсем не хотелось спать; утром я была полна сил.

3 ноября

КОГДА Я ОДЕВАЛАСЬ и принимала ванну, я обдумывала, что скажу, ибо решила серьёзно поговорить с ним.

Подсыпала коровий навоз всем хризантемам. Полила их. Переделала множество дел. И чувствовала себя на вершине мира.

Глава 6 Один из Иерархии

- **Как вы И как вы себя чувствуете сегодня утром?** — спросил он, едва я села.

— Можно мне спросить кое о чём?

— **Можете спрашивать,** — улыбнулся он.

— Что произошло прошлой ночью?

— **Что вы хотите этим сказать?** — он едва заметно улыбнулся.

— Вы должны понимать, что я имею в виду.

— **А, вы о том, что происходило на внутренних планах? Я был вне тела и ничего не знаю.**

Я сказала ему, что не спала. Он ответил, что тоже не спал, и добавил, что обычно спит лишь минут двадцать, не больше получаса. От Л. я знала, что весь остаток ночи он проводит в глубоком самадхи. Я сказала ему, как хорошо чувствую себя этим утром, и объяснила смысл английского выражения *keyed-up* — как струны музыкального инструмента, которым слегка подкрутили колки, чтобы они могли откликнуться на более высокий звук или ноту. Он кивнул.

— **Именно так,** — просто сказал он.

Я подозревала, что произошло нечто необычное, но, поскольку в тот момент ничего не чувствовала, думала, что ошибаюсь.

— **Вчера и сегодня утром действительно произошло нечто удивительное.**

Он произнёс это медленно, глядя в окно.

— **Но физические оболочки не могут этого сознавать.**

Днём я осталась с ним наедине. Л. всё ещё была занята корректурой. Он сидел, скрестив ноги, на тахте и писал письма.

Когда я вошла, он одарил меня одной из своих едва заметных улыбок и продолжил писать. Я ждала удобного момента, и когда он запечатал два конверта и поднял глаза, я предложила отправить их по дороге домой. Он кивнул.

— **Они должны уйти сегодня. Кто-то нуждается в помощи.**

Тогда я сказала ему, какое облегчение для меня — знать, что он принадлежит к Великой Белой Иерархии: его слова, сказанные, когда мы возвращались от Ганги, — **«Мы, назначенные на служение человечеству»**, — подсказали мне это.

— **Иерархии?** — Он приподнял брови.

Было ясно, что он не понял, что я имею в виду. Хотя английским он владел очень хорошо, с лёгким библейским оттенком, возможно потому, что у него почти не было случая им пользоваться, он не знал не каждого английского выражения.

К тому же это было, во всяком случае, греческое слово. Я объяснила ему всё, что знала из книг о Великом Братстве и его назначении в мире — помогать эволюции человечества. Он сидел неподвижно и смотрел на меня. Лицо его было бесстрастно. Я глубоко вздохнула; сердце у меня билось так, что трудно было ясно мыслить. Я видела, что он слушает с величайшим вниманием.

— **И кто же они?** — Он бросил на меня косой, суровый взгляд.

Молниеносное чувство ужаса пришло и ушло... но внезапность вопроса заставила меня рассмеяться.

— **Почему вы смеётесь?** — Он пристально посмотрел на меня.

Я подалась вперёд:

— Потому что на это мне не нужно отвечать! Один из её членов прямо передо мной!

Он улыбнулся. А затем, совершенно неожиданно, откинул голову назад и рассмеялся своим мальчишеским смехом. «Как молодо он может выглядеть, — подумала я, — как поразительно молодо и весело».

— **Да,** — сказал он всё ещё улыбаясь, — **но обычно мы не говорим о таких вещах, так не принято.**

(Позднее всякий раз, когда я случайно заговаривала с его учениками об Иерархии, они переводили разговор на другое.)

Он осторожно и размеренно поставил кончик пера на лист бумаги перед собой и продолжил писать. В комнате стояла великая тишина: только скрежет пера, шелест потолочного вентилятора и бешеный стук моего сердца.

Наконец он кончил, убрал письменные принадлежности в нишу и откинулся назад, удобно вытянувшись на спине и сложив руки на подушке, поддерживавшей его голову.

— **Хм.**

Я поняла, что могу говорить. Я сказала ему, как сильно сомневалась, кто он такой, могу ли я и должна ли ему доверять. Теперь же я знаю, что могу, и рада этому. Я принесла с собой книгу «Письма Махатм» (*Mahatma Letters to Mr. Sinnet*, London: Fisher Unwin, 1924) и хотела показать её ему. Я объяснила, что в ней содержатся письма двух великих Существ, вдохновлявших мадам Блаватскую, основательницу Теософского общества. Восемьдесят лет назад они находились в своих физических телах. Мадам Блаватская двенадцать лет обучалась у одного из них, Учителя М., в Тибете.

Однажды, после лекции об этих письмах, я и двое моих друзей решили взглянуть на подлинники, которые хранятся в Британском музее. 2 ноября 1956 года мы пошли смотреть их. Сидя в тишине читального зала и читая пожелтевшие страницы подлинных писем, я внезапно увидела горы, покрытые снегом, глубокие долины и великое уединение. Я ЗНАЛА, что когда-то, очень давно, трудилась для этих Учителей, и поклялась трудиться для них вновь. И, приложив указательный и средний пальцы правой руки к подписи Учителя К. Х. — как делают, принося клятву, — я предложила себя навсегда, навечно; и хотя я знала, что ставить условия нельзя, я сказала ему, что, поскольку посвящаю себя полностью, без всякого остатка и оговорки, я чувствую, что вправе попросить об одном: НЕ ДАЙ МНЕ НИКОГДА БОЛЬШЕ ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ! Ибо в этой жизни я забыла и вела бесполезную, пустую мирскую жизнь, растрачивая своё время!

— И теперь, Бхай Сахиб, я уже никогда не смогу этого забыть, потому что встретила вас. Где-то в глубине я чувствую, что для меня нет никакого иного пути, как сказано в Упанишадах. Теперь я вам доверяю. Я больше не буду сопротивляться — по крайней мере, постараюсь не сопротивляться вам сознательно. Бессознательно же, конечно, я не могу знать...

— **Об этом я позабочусь**, — сказал он с какой-то странной, загадочной улыбкой и закрыл глаза.

— Сделайте со мной всё, что сочтёте необходимым, чтобы сделать меня пригодной для работы, ибо я прекрасно понимаю, что в том состоянии, в каком я сейчас, я бесполезна для того дела, которое вы, возможно, захотите мне поручить.

Он повернулся ко мне с улыбкой:

— **Я сказал вам, что прошлой ночью был вне тела. Всё, что я могу сказать: вас готовят к этой работе.**

Внезапно лицо его приняло то странное выражение, какое у него бывает всегда, когда он действует на ином плане сознания; бездонный взгляд в глазах, взгляд, обращённый внутрь и не видящий вещей этого мира.

— **Вы помните свою прошлую жизнь?**

— Нет.

Отражение беспредельной бесконечности в его глазах, лежащей вне пространства и оторванной от времени, казалось, пронизывало всё моё существо насквозь.

— Но, должно быть, она была плохой, потому что в эту жизнь я пришла с дурными наклонностями.

— **У всех нас достаточно дурных наклонностей,** — сказал он, а затем, словно говоря из очень далёкого далёка, с глазами, совершенно затуманенными каким-то голубым туманом, добавил очень, очень медленно: — **Может прийти время — я не говорю, что оно придёт, НО ОНО МОЖЕТ ПРИЙТИ, — когда у вас будут силы и вы будете знать многое.**

Я сказала, что подозреваю: развиваюсь по линии хатха-йоги, потому что в этой жизни, несмотря на мой возраст, моё тело могло сравнительно легко выполнять все упражнения, хотя я никогда им не училась, и мне нравится делать их.

— **Вот почему вы всё и забыли!** — И снова этот молодой, мальчишеский смех.

Я поняла, что он имел в виду. Но почему-то мне стало больно.

Я сказала ему, как-то раз, помнится, что боюсь ясновидения, а если человек чего-то боится, можно заподозрить, что в бессознательном живёт память о прошлом, о чём-то, что однажды пошло не так. Никогда не боятся без причины, скрытой где-то позади.

Любая сила может сбить человека с пути.

Было время, когда я жила этой книгой — «Письма Махатм». Не помню, сколько раз я её перечитывала. И я привезла её с собой в Индию. Я вынула книгу из сумочки и раскрыла, показывая ему страницы, где воспроизводились части писем и подписи Учителей. Он взял её, надел очки для чтения и внимательно посмотрел на письмо Учителя М. Потом медленно перевернул страницу и внимательно посмотрел на письмо Учителя К. Х. На его лице было странное выражение — настороженное, словно он прислушивался.

— **Этот,** — сказал он, указывая на подпись Учителя К. Х., — **этот выше другого.**

Я подумала, что, судя по всем мнениям, какие я слышала, казалось бы, скорее наоборот. Л., которая прекрасно разбирается в графологии, когда я рассказала ей об этом, не согласилась с его мнением. Ей казалось, что у Учителя М. больше гениальности.

Но ведь общеизвестно, что с духовной точки зрения быть гением вовсе не обязательно. Сколько было людей глубоко духовных, великих, не будучи гениями в собственном смысле слова.

— **Вы сказали мне, что понимаете: вам предстоит много трудностей, и вы готовы встретить их. Значит, вы делаете это по собственной свободной воле. Помните об этом. Вы испытаете несправедливость, и вас ранят именно там, где больнее всего. Там, где вы больше всего боитесь быть раненой. Вы это сознаёте?**

Я ответила, что да. Я знала, что делаю, но в то же время чувствовала, что У МЕНЯ НЕТ ВЫБОРА.

Тогда он спросил, почему я принесла обет; было ли это видением?

— Если вы называете видением то, что я увидела или услышала своими чувствами, — нет. Но если под видением вы понимаете ясный мысленный образ и уверенность, исключаящую всякую возможность сомнения, — тогда да.

— **Это, должно быть, связь из прошлой жизни... не обязательно последней.**

Он сказал это задумчиво, сузив глаза до щёлок. И вновь лицо его приняло то особое выражение, которое так меня завораживает и даже слегка пугает.

4 ноября 1961

Сегодня утром я думала, что семь лет назад, 23 октября, я впервые пришла в дом № 50 по Глостер-Плейс, в библиотеку Теософского общества. Помню, дверь была окрашена в зелёный цвет.

И сегодня она всё ещё зелёная.

Семь лет спустя, тоже в октябре, я встретила своего Учителя. А 2 ноября 1956 года я ходила смотреть подлинники Писем Махатм в Британском музее. Теперь же, 2 ноября, — простое ли это совпадение? — по его словам, было сделано нечто, чтобы повлиять на мою эволюцию.

Странно... или нет?

Спала плохо и беспокойно, но всё же лучше, чем в предыдущую ночь. Воздействие того, чем бы оно ни было, казалось, по крайней мере на физическом плане, ослабевало.

Когда после обеда я сидела на веранде и читала книгу, совершенно внезапно моё сердце наполнила странная сладость. Это было такое тонкое чувство. Стоило мне попытаться его проанализировать, как оно исчезало, потом появлялось вновь, выглядывая из-за моих мыслей. Это чувство, столь лёгкое, столь неуловимое, не

имело никакого отношения к моему окружению и не имело отношения и к нему — по крайней мере, не прямо. Оно уходит дальше него, к чему-то бесконечно сладостному, бесконечно дорогому...

ближе ко мне, чем само дыхание. Я поймала себя на мысли: да, вот что это... и это точно как начало влюблённости. Влюблённости — во что??

6 ноября

— Как **ПРИОБРЕТАЮТ** любовь, Бхай Сахиб? Как обретают смирение?

— **Как вы вдыхаете аромат цветов? Нет никакого усилия со стороны цветка и никакого усилия с вашей стороны; вы просто чувствуете аромат — без усилия.**

— Л. сказала мне, что с тех пор, как знает вас, всегда хорошо спит; а я почти не спала последние три ночи.

— **Путь подготовки бывает разным; придёт время, и вы скажете: «Я не спала годами».**

— Можно ли видеть прану?

— **Да, но не физическими глазами. В дхьяне течение праны обращается вспять, а во сне — нет. Вспять — в том смысле, что все чувственные энергии обращаются внутрь, поглощаются сердцем, а не изливаются наружу, как в бодрствующем состоянии сознания или во сне. Это движение внутрь, а не вовне. Первые несколько раз Учитель должен сделать это сам и ввести шишью в дхьяну; потом ученик учится делать это самостоятельно. Осознать Атман — это одно, но осознать Брахман — нечто иное.**

— Можно ли сделать это в одной жизни?

— **Это можно сделать, И ЭТО ДЕЛАЕТСЯ в одной жизни. С того мгновения, как началась подготовка, продвижение продолжается. Иногда человек получает Реализацию на смертном одре. Когда вчера я неправильно вас понял и подумал, что вам шестьдесят пять, а не пятьдесят пять, как на самом деле, у меня возникло сомнение...**

— Какое сомнение, Бхай Сахиб?

— **Видите ли, конечно, не полагается говорить людям, сколько им осталось жить...**

— Ах, Бхай Сахиб! — перебила я. — Пожалуйста, не удлиняйте обучение только потому, что теперь знаете: я на десять лет моложе! Не давайте мне реализацию на смертном одре!

— Нет, для тех, кто предназначен для работы, это делается быстрее. Вы ведь, конечно, знаете, что все кармы должны быть сожжены; я уже говорил вам это прежде; вам придётся испытать несправедливость, на вас будут нападать, вам будет больно.

— Да, я знаю и готова к этому!

Говоря об одном известном индийском святом, ныне покойном, он сказал:

— Он не был творцом святых. В мире очень мало тех, кто творит святых. Он не был Владыкой Сознания; он был владыкой бессознательного, но не мог перевести это в повседневную жизнь.

— Мне приснился сон, Бхай Сахиб; можно, я расскажу? Я была в машине Пушпы, вёл её муж. Мы подъехали к мосту, на котором лежала огромная куча мебели. Уродливая, старая, пыльная груда мебели. Чтобы переехать мост, машине нужно было пройти прямо по ней. Но груда была слишком крута, машина не могла взобраться. Тогда водитель свернул налево, в узкий переулок, вход в который преграждал большой грузовик.

Переключив машину на низкую передачу, он медленно приблизился к нему и очень медленно, намеренно проткнул радиатор стоявшего впереди грузовика заострённым прутком, торчавшим из нашей машины. Из пробитого отверстия стремительно потёк бензин. Пушпа держала под ним сосуд.

«Хорошо, — сказала я, — этот бензин пригодится нашей машине, чтобы переехать мост».

И я проснулась. Старая мебель, вероятно, означает старую обусловленность, которую надо преодолеть?

— Средство передвижения не ваше; машина принадлежит Пушпе. Это значит, что она помогает вам, позволяя жить в её доме. Таким образом она помогает вам. Благодаря бензину, взятому из другой машины, та, в которой вы едете, сможет пересечь мост.

— Скоро, — добавил он, — на мосту уже не будет никакой мебели, и машина легко переедет.

Вторник, 7 ноября 1961

Дивали, Праздник Света

Сегодня мы поехали к *самадхи* (здесь в значении «могила, место упокоения») его отца, в семи милях от Канпура. Ехали на большом грузовике. Это было весело.

Поехала вся его семья, и много других людей, и соседи тоже — всех нас везли грузовики, которые полицейский устроил для нашего транспорта.

Гробница суфия — белый мавзолей простых и строгих пропорций, довольно большой, открытый со всех сторон, поддерживаемый колоннами.

Пол выложен красной плиткой. Всё было освещено свечами и маленькими масляными светильниками. Вокруг поля, вдали группы деревьев.

Небо ещё оставалось розовым после заката, мягко-розовым с серыми облаками. В воздухе стоял сильный, пряный аромат, характерный для индийских равнин.

Здесь было много людей. Старые ученики Гуру и слишком много детей. Атмосфера была очень хорошая, но не такая динамичная, как иногда у Гуру дома. Слишком много народу и слишком много шума, дети бегали, кричали. Л. сказала, что я так думаю, потому что не понимаю. Могила суфия — место с очень сильным магнетизмом.

Когда мы вернулись, мы немного посидели в саду Гуру. За ужином я чуть не упала в обморок прямо за столом; все заметили, как я побледнела. Я боялась, что рухну — это было бы ужасно неловко. Но это скоро прошло.

8 ноября

В последнее время я стала осознавать в себе много мира. Он пришёл постепенно, как вор. Поначалу я едва замечала его. Это иной мир, не тот, что переживался мною последние несколько лет. Раньше это было чувство мира, соединённое с радостью, всё смеялось, и жизнь была хороша. Теперь же это похоже на глубокий тихий омут, полный тишины и мрака. Очень глубокий и очень, очень тихий. Это такое нейтральное чувство, что я прекрасно понимаю: оно может быть фоном для чего угодно — например, на него может наложиться радость, или любовь, или духовная сухость, или одиночество.

С ним может сочетаться всё что угодно, любое другое чувство или состояние, даже не нарушая его. У него нет цвета, по-видимому, нет субстанции, нет никакого иного свойства, кроме неподвижности, спокойного мира. Это заставляет меня думать о глубине океана, всегда спокойной, даже когда на поверхности бушуют огромные волны.

Прошлой ночью спала хорошо. Не потому ли, что Л. накануне вечером сказала ему, что я чуть не упала в обморок? Но нам показалось, что он не слышал, что она говорила. Вошла толпа людей, стала теснить нас, и её прервали.

Глава 7 Отголоски прошлого

9 ноября

Спала хорошо. Очень хорошо. Неужели действие того, что Гуру дал мне несколько дней назад, проходит? Мир всё же остаётся со мной. В те последние дни, когда я не могла спать, я находилась в каком-то полу-состоянии, которое, как кажется, является предварительным состоянием самадхи и в Писаниях называется «Сном Сильных»... так сказала Л. Оно было наполнено образами, большей частью его, или его лица, но особенно его глаз — всевозможными смутными снами, которые казались такими реальными, такими напряжёнными, больше самой жизни. А физическое тело испытывало большое беспокойство. Но по утрам не было ни малейшей усталости, напротив — огромная энергия. Каждое утро на рассвете я поднималась на плоскую крышу делать йогические упражнения — Сурья Намаскар (ритуальное приветствие восходящему солнцу) и остальные, — и смотрела, как солнце безмятежно поднимается за перистыми кронами далёких пальм.

Как только шумный, говорливый человек ушёл и мы остались с Гуру одни, я воспользовалась случаем спросить его о ледяном ощущении на макушке всякий раз, когда делаю упражнение Бхут (стойку на голове).

— **Вы принимаете что-нибудь после упражнений, как я велел вам несколько недель назад, когда вы начали их делать?** — спросил он.

Я сказала, что нет. Молоко и масло натоцак мне отвратительны.

— **Тогда выпивайте чашку горячего чая с небольшим кусочком масла, чтобы не допустить сухости мозга.**

Почти во всех книгах по йоге говорится о «сухости», которой следует избегать. Интересно, что это означает? Безусловно, в этом есть какой-то смысл, которого мы, люди Запада, не понимаем. Лично я ни на минуту не верю, что так называемую сухость мозга можно предотвратить или смягчить кусочком масла в чашке чая...

— **Вы думаете, что ваша Кундалини спит, но она может пробудиться в любой момент.**

Он смотрел прямо сквозь меня тем своим невидящим взглядом, когда смотрит не на физическое тело. Это как бездонный тёмный омут, глаза, покрытые голубоватой пеленой, глаза, которые как будто не видят.

Пожалуй, всё-таки стоит пить этот чай с маслом; мало ли что...

Потом он начал петь. Я это люблю. Это так тревожит. Не знаю почему. Голос у него приятный, и поёт он всегда по-персидски или по-урду. Как только его голос наполняет комнату, кажется, будто меня переносят на иной план бытия. Мозг перестаёт работать. Я словно слушаю не умом, а чем-то другим. Эти его песни, монотонные и на языке, которого я не понимаю, тревожат во мне что-то очень глубокое. Это похоже на попытку ухватить давно забытые воспоминания, погребённые в самом отдалённом прошлом, — проблески, пробуждаемые его голосом и каким-то образом связанные с ним. Как будто я так хорошо знала этот звук, что он был частью меня, того «я», которого я не могла ухватить и никогда не могла понять. Воспоминания столь смутные, столь тусклые, столь мимолётные, как клубы тумана, которые я видела среди сосен на склонах гималайских холмов. Когда пытаешься их удержать, сосредоточиться на них, они растворяются в ничто, как тот туман; он всегда исчезал прежде, чем доходил до тебя, потому что был так тонок, что, когда оказывался вокруг, его уже нельзя было увидеть.

Он перевёл песню:

— **Когда тебя жжёт жажда, не ищи воды, оставайся жаждущим.**

Это заставило меня улыбнуться. Со вчерашнего дня во мне горит жажда Истины. Глубокая. Сильная. Бесконечная. Никогда прежде такой не было. Она всё течёт и течёт, и всё моё существо изливается в бесконечную реку тоски.

Он начал другую песню, длинную и печальную. В припеве, который он повторял тихо, словно с покорностью, снова и снова звучало имя Мустафы. Мелодия была прекрасна, широка, как пески пустыни.

— **Когда последователи Господа Мухаммеда пришли к власти, Мустафа (одно из имён Мухаммеда) был похоронен без кафтана (длинной верхней одежды). Почему? Ответ пришёл спустя 1200 лет. Его дал суфийский святой Сармад. Правитель Аурангзеб Аламгир сказал ему: «Что же ты за человек такой — тебе и надеть нечего, посмотри на себя, ты наг! А я — царь. Я могу, если захочу, одеть весь народ, а мои собственные одежды богаты и великолепны!»**

Сармад ответил: «Тот же Бог, который сделал тебя царём, а меня нищим! Тем, кто ущербен, тем, кто грешен, даются одежды и мирские владения, но тем, кто свят, это не нужно, ибо они Возлюбленные Божии!»

Тело Мухаммеда не отбрасывало тени. Его тело не было по-настоящему физическим, потому и тени у него не было.

«Суф» означает «шерсть». Шерсть тёплая. Если сердце тёплое, значит, в нём есть любовь. Когда вы видите святого, чьё сердце мягко и тепло, — это суфий. Учение даётся в соответствии со степенью развития ученика, а также

с его темпераментом и обусловленностью. По мере продвижения ему открываются всё новые стороны Истины.

10 ноября

Когда он спросил, я сказала, что сплю хорошо. Он рассмеялся.

— Да, Л. на днях сказала мне, что вы чуть не упали в обморок; пришлось кое-что предпринять.

Я горячо возразила. Сказала, что это сущая мелочь и мне нравится это промежуточное состояние, после которого утром совсем не было усталости. Я была полна энергии — пожалуйста, я хотела его обратно. Я упрекнула Л. за то, что она сказала ему, разозлилась и чуть не поссорилась с ней, сказав ему, что если он не вернёт мне это состояние, то найдёт меня сидящей у своего порога в четыре часа утра. Он молча покачал головой с неодобрением. Л. рассердилась на меня и сказала, что так с Гуру не разговаривают.

Позже, около полудня, в воздухе разлился чудесный аромат — словно цветущие деревья, какое-то дивное благоухание, пришедшее издалека, и всё вокруг, в саду... лёгкий ветерок, полный кислорода, словно прекрасные свежие духи. Я обратила его внимание на это. Он велел мне пройтись по саду и попытаться выяснить, откуда идёт запах. Но куда бы я ни шла, он ускользал; оставались лишь запах кухни, или уборных, или пыли.

— Пойдёмте со мной: здесь? или здесь? — всё спрашивал он.

Но нигде его не было; он исчез. Он хотел знать, что это был за аромат, и добавил, что сам тоже чувствовал его и замечала ли я его когда-нибудь прежде.

Я сказала, что ощущала его в Кушинагаре, месте, где умер Господь Будда, а также на самадхи его почтенного отца на днях. Тогда я подумала, что это просто запах индийских равнин. Но никогда прежде я не чувствовала его в его саду.

Вечером мы были одни: он, Л. и я. Он спросил Л., как пишется её имя и фамилия. Она написала их печатными буквами; он долго смотрел на запись с закрытыми глазами, а потом сказал ей несколько вещей о её будущем. Потом он попросил мою девичью фамилию, и мне тоже пришлось написать её печатными буквами; ему даже было трудно произнести мою фамилию — Карпов.

— Зачем вам наши имена? — засмеялась Л. **— Вы ведь и без того можете узнать о нас всё другими средствами!**

— Зачем мне пользоваться своей *сиддхи* (йогической силой), если я могу просто проанализировать ваши имена? — ответил он, бросив на неё один из своих косых взглядов.

Он был прав. Согласно духовному закону, никогда не следует пользоваться Силой, если того же можно достичь обычными средствами. Медленно, словно говоря с трудом, он спросил меня, как долго я намерена оставаться в Теософском обществе.

— Навсегда, — сказала я, и мне даже показалось странным, что подобный вопрос вообще мог возникнуть. Жизнь без Теософского общества кажется невыносимой. Я словно естественным образом составляю его часть.

— **Да,** — продолжал он медленно, как бы погружённый в мысли, — **мне кажется, что вам предназначено, я не говорю, что это будет, или что вы должны, или непременно будете это делать, но вам предназначено совершить много работы. Очень много работы. Вам уготовано великое дело. Вам предстоит сделать много... да... и вы проживёте очень долго.**

12 ноября

Мы с Л. поехали на рикше в Алланский лес. На всё утро. Это чудесный лес. Небольшое озеро с огромными розовыми лотосами в полном цвету. Моё тело двигалось как автомат, как во сне. «Чувство сна», почти совсем исчезнувшее в Дарджилинге и с тех пор не возвращавшееся, теперь вновь было со мной — сильнее, чем когда-либо. Мы сидели на траве на небольшом холме, потом у озера. Мы говорили о Пути, об окружении Гуруджи, нелёгком для западной женщины, о дхьяне и тому подобном.

— **Чувство сна? Проблески буддхического плана. Оно возникает от неспособности ума примирить их с жизнью на физическом плане,** — объяснил Гуру, когда я спросила его.

Что-то вроде прорезывания зубов у ума, подумала я...

13 ноября

После своих йогических упражнений я впервые приняла немного масла и чашку горячего чая. Пришлось признать, что это очень заметно действует. Во всём теле возникает приятное чувство благополучия. Гуру знает, что говорит.

14 ноября

**«Если бы я знал, как мучительна Любовь,
Я бы встал у входа в Переулок Любви
И бил бы в барабан, крича: берегитесь,
берегитесь, держитесь подальше!
Это не проезжая дорога: туда ведёт только один путь,
И, войдя, я уже бессилён, я остаюсь здесь...
Но вы, кто ещё снаружи, — берегитесь!**

**Подумайте, прежде чем войти, как это мучительно —
Полное скорби хождение по Переулку Любви!»**

Он сиял, сидя на тахте со скрещёнными ногами и распевая эту персидскую песню, отбивая ладонью такт по бедру.

Позже Л. сказала мне, что суфии редко говорят прямо; они расскажут историю, споют песню или приведут притчу. Таков их способ Учения. И поучительные рассказы используются во всех суфийских школах.

— Он, например, мог говорить мне, а иметь в виду тебя, — сказала она. — Нужно научиться слушать. Учитель не имеет права испытывать ученика, подвергать его какой-либо трудности или испытанию без предварительного предупреждения. Предупреждение никогда не даётся прямо. Часто ученик его не понимает или ему даётся забыть о нём. Но предупреждение всегда бывает, ибо суфии верят в свободную волю человека. Человек должен согласиться — и это согласие даёт Учителю право действовать в соответствии с необходимостью и нуждами ученика, который, соглашаясь, сам низводит на себя Благодать.

Это заставило меня задуматься... Я всё думала об этом, засыпая наконец.

Эти песни — для меня или для Л.? Та, о мучительности любви... Интересно.

Глава 8 Путь без усилий

5 ноября

ЭТИМ УТРОМ, ПОКА МЫ ОДЕВАЛИСЬ, я услышала, как Л. ворчит и бормочет себе под нос в полном отчаянии.

— Что с тобой, старушка? — спросила я.

— Для философа очень плохо не уметь думать, — сказала она, и мы обе рассмеялись. — А ты только представь себе: люди сидят часами, стараясь управлять умом, сделать его пустым, остановить ход мыслей; а мы, мы должны прилагать усилие, чтобы думать!

Она была права. Что за Система! — подумала я. Благодарение Богу, или моим самскарам (кармическим семенам), или кому бы то ни было: какое счастье, что я пришла сюда!

Пошла к нему. Л. должна была присоединиться немного позже. Там уже сидел старик, и он с Бхаи Сахибом говорили о джиннах (ментальных элементах; согласно суфийским воззрениям — параллельной людям линии эволюции). Старик, сидевший напротив Гуру, говорил, что иной раз джинны приходят к святому, чтобы обучаться.

— Обучаться духовным вещам? Но зачем, если они и сами — духи? — удивилась я.

— Не только духовным вещам, но и чтению, письму или какому-нибудь иному знанию, принадлежащему этому миру, — сказал он.

— Это правда? — спросила я Гуру.

— **Иногда так бывает**, — улыбнулся он.

— А у вас есть джинны, которых вы обучаете?

Он улыбнулся своей загадочной улыбкой — той самой, которой улыбается, когда не хочет отвечать, — и переменял тему.

6 ноября

— **В НАШЕЙ СИСТЕМЕ** Реализация достигается за одну жизнь. Возвращаться уже не нужно. Ты здесь шесть недель. Замечаешь ли ты, какой большой сделала прогресс?

— Ум об этом не знает, так как же я могу знать?

— **Я не спрашивал твой ум, я спросил ТЕБЯ.**

Я немного подумала.

— Бхаи Сахиб, — сказала я, — разница есть. Я всегда думала, что жажду Истины достаточно сильно; но теперь это словно пылающий огонь внутри меня, томление, почти навязчивость.

Он ласково улыбнулся. Я сказала ему, что у него дома вижу много фиолетового цвета. Фиолетовые вспышки — даже когда глаза у меня закрыты.

— **У тебя чистое сердце; есть два вида низшего и высшего ясновидения: Питриян и Деваян соответственно. Ты принадлежишь к высшему.**

Он задумчиво посмотрел в окно. Свет зелени, листья, кустов отражался в его глазах, и кожа его казалась зеленоватой; лицо — словно не совсем из этого мира.

— В последнее время меня мучают волны жара; обычно всё начинается между лопатками, расходится по грудной клетке, не опускаясь ниже желудка, а потом поднимается к голове, так что лоб покрывается потом. Длится это недолго — быть может, от полуминуты до минуты. Не сердечная ли чакра за это отвечает?

— **Может быть, она, а может, и нет. Обычно я не говорю, какие чакры активированы, а какие — нет. Всей человеческой жизни не хватило бы, чтобы открыть все чакры. В нашей Системе это совершается посредством дхьяны. Я и сам несколько изменил Систему. Разумеется, с ведома моих Старших — моего почтенного Отца и моего почтенного Гуру Махараджа.**

Я открыл новые чакры; в Писаниях упомянуты не все. Не всё оккультное знание даётся сразу. Человечество развивается. Учение, некогда тайное, теперь открыто для всех. Когда-то в прошлом богатым людям не полагалось знать о нём, но ныне обучают всякого, кто хочет знать и искренен в своём стремлении. Санньяси, например, работают главным образом через лобную чакру. В санньяси не так уж много любви. В нашей Системе главным образом используется сердечная чакра. Конечно, когда сердечная чакра открыта, через неё течёт такая сила, такая мощь, что человек забывает обо всём.

Однажды моему почтенному Отцу его Гуру Махарадж велел идти и искать святых и йогов и задавать им один вопрос: „Можете ли вы дать мне что-нибудь безо всякого усилия с моей стороны?“ — „Нет“, — отвечал каждый из них, — „не можем. Никто не может. Уходи“. Он покинул наш дом в той одежде, что была на нём, ничего не взяв с собой, оставив жену и детей. А когда через несколько лет вернулся, на нём была та же одежда — или, по крайней мере, нам она показалась той же самой. Слышала ли ты когда-нибудь о такой Системе, как наша, где шишье вовсе не нужно прилагать никаких усилий?

Он посмотрел на меня с улыбкой, и мне пришлось признать, что я ни о чём подобном никогда не слышала.

— Никаких усилий не нужно; просто приходи сюда и сиди. Всё делается за тебя. Зачем прилагать усилия? Усилие никуда не ведёт. Если Гуру — подлинный Гуру, Сат-Гуру, и знает, как писать на обратной стороне сердца. Духовный Наставник не ставит условий; он подобен любящей матери. Ребёнок может сердиться, может убежать. Мать не принимает этого слишком всерьёз. Она всё равно заботится о нём и не любит его меньше из-за этого. Шишьи могут — и порой действительно уходят от Гуру, но Гуру не должен поступать так никогда.

И куда может убежать шишья? Куда он пойдёт? Отношения Гуру и шишьи — навеки. Если человек уже связан с одним Гуру, куда ему идти? Гуру подобен опытному всаднику; а опытный всадник заставляет коня идти туда, куда хочет.

Но шишьи — не рабы. Они свободны. И всё же, даже когда личность хочет убежать, ей трудно это сделать: Высшее Я знает лучше...

Наша Система — это Система свободы. Но большинство её не любит. Людям нужны телесные выкрутасы, хатха-йога, дисциплина, контроль ума, медитации. Иначе они недовольны: им кажется, будто ничего не совершается. Здесь я не прошу вас даже молиться. Просто сидите здесь рядом со мной. Даже речь не обязательна. Только кое-что иной раз нужно объяснить. Мы живём в эпоху ума. Ум, манас, правит. Большинство людей ничем не удовлетворяется; они не примут ничего, если им не будет дано хотя бы какое-то объяснение. Наша Система никогда не была широко распространена; она — для немногих. И она передаётся от сердца к сердцу, а Цель достигается в одной жизни. Но сколь многие хотят Истины? Сколь многие готовы предаться Истине? Не со всяким это возможно. Но ЭТО МОЖНО СДЕЛАТЬ.

17 ноября

УЖЕ ЛЁЖА В ПОСТЕЛИ, болтая с Л., я вдруг ощутила, как счастье накатывает на меня волна за волной — такое лёгкое, совсем никак не связанное ни с чем земным.

Проснулась я светлая, как бусина. Это особенное счастье ушло, но тело чувствовало себя хорошо, бодро и крепко. Упражнения на крыше. Ванна.

Работала в саду. Поливала лужайку. После поспешного завтрака пошла с Л. к Гуру.

Он диктовал Пандитджи свою корреспонденцию. Мы увидели, как он разрывает квитанцию от денежного перевода на мелкие кусочки. Когда Л. с улыбкой заметила, какие маленькие получились бумажки, он, пожав плечами, сказал, что некоторые люди слишком много извиняются по пустякам, и потому лучше, чтобы никто не смог это прочитать.

— Сперва я отказался от этих двадцати рупий; это было в октябре. Потому что мне сказали, на какую цель должны быть потрачены эти деньги. Я не раб. Я не позволю никому сделать из меня раба. Если у них недостаточно веры в то, что я сам правильно распоряжусь этими деньгами, пусть оставят их себе. Я уже однажды предался — и потому совершенно свободен.

Мастер есть Мастер, и никто не должен указывать ему, что делать, а чего не делать. Меня нельзя ограничить. В нашей Системе мы не хотим рабов.

Предание себя — НЕ рабство. Предание себя — это Свобода. И шиши — НЕ рабы, ибо они учатся предавать себя...

18 ноября

— ПРАВИЛЬНО ЛИ Я ПОНЯЛА, что в других Системах чакры пробуждаются одна за другой и потому человеческой жизни оказывается слишком мало, чтобы завершить этот процесс? Значит, его никак нельзя довести до конца за одну жизнь? Так ли это?

— В нашей йогической Системе конечный результат достигается в одной жизни посредством дхьяны. Пробуждается только одна чакра — сердечная. Это единственная существующая школа йоги, в которой ЛЮБОВЬ СОЗДАЁТСЯ духовным Учителем. Это совершается йогической силой. И тогда вся работа пробуждения, оживления совершается одной чакрой, которая мало-помалу открывает все остальные. Эта чакра — Вождь, и Вождь делает всё. Если ты хочешь купить часть моего имущества, разве ты идёшь к самому

имуществу? Разумеется, нет; ты приходишь ко мне. Ты имеешь дело с владельцем. Так и в нашей Системе мы имеем дело только с Вождём.

Я уже говорил тебе однажды, что мы принадлежим к раджа-йоге. Но если ты попытаешься изучать раджа-йогу по книгам, тебе скажут: делай то, делай это, сосредотачивайся, медитируй, сиди в такой-то позе. Сегодня всё это устарело. Времена изменились. Мир движется вперёд; эти методы пережиты. Они мертвы. Но наша Система жива; она сохранила свою динамичность, ибо меняется вместе со временем.

19 ноября

УТРОМ Я БЫЛА НЕМНОГО ПОДАВЛЕНА. Всё казалось таким трудным, что не стоило и пытаться.

Когда я пришла к Гуру, там сидел очень старый человек, и он изо всех сил старался не заснуть, пока Гуру непрерывно с ним говорил. Жалко было смотреть, как он едва-едва держит глаза открытыми. Из вежливости он ещё как-то умудрялся время от времени кивать или что-то невнятно бормотать в знак согласия. Но и это, очевидно, стоило ему больших усилий. Он был в глубоком состоянии, а Гуру безжалостно снова и снова выдёргивал его оттуда; бедному старичку это, казалось, причиняло настоящее мучение.

— Бхаи Сахиб, вы были совсем жестоки! — рассмеялась я, когда тот человек ушёл.

Он приподнял брови.

— Почему? Он должен научиться быстро выходить из этого состояния — вверх и вниз, так сказать, туда и обратно. Сознание должно уметь возвращаться быстро и действенно. Для некоторых людей — не для всех — наступает время, когда состояние дхьяны становится таким сладостным, что им хочется проводить в нём слишком много времени. Но мы в физических телах; нам не предназначено провести жизнь в бессознательном состоянии!

Я замолчала. Пора бы уже привыкнуть к мысли, что всё, что он делает, делается с целью, — и перестать его критиковать!

Есть четыре рода святых:

1. МАСДЖУ — всегда погружён, большей частью под вибрацией (бессознателен, под Любовью).

2. САУК — на Пути дхьяны, то в сознании, то вне его; продвигается вперёд (Любовь в известной мере присутствует).
3. САУК БИЛ МАСУ — дхьяна с Любовью, становящаяся теплом (бессознательное состояние).
4. МАСУ БИЛ САУК — пылает пламенем, совершенно сознателен в бессознательности (преобладает Любовь).

Я задавала множество вопросов просто ради самих вопросов — одни пустые, другие глупые. Делала я это лишь затем, чтобы подразнить его. Он сказал, что так делать не следует; это санкальпа-викальпа (проекция, отвлечения ума, беспокойство мыслей); это дурно, и умом ещё никогда ничего не было решено.

Л. сказала мне, что я невежлива и что он со мной слишком терпелив.

— Случай может прийти раз в жизни. Если его упустить, кто знает, как долго тебе придётся ждать другого. Может быть, целые жизни — кто знает? Мне кажется, ты упускаешь свой случай. Смотри, не пропусти лодку.

Её глаза, очень синие, очень серьёзные, были печальны. Пропустить лодку... Меня охватило чувство отчаяния: я должна, я просто должна... как-то я должна остановиться, должна принять... но как? Я не знала...

20 ноября

ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ я заснула, сидя в обычном углу на тахте в комнате Гуру. Никто не заметил. Было так тихо, так спокойно, так темно. Л. была в глубокой дхьяне. Последние несколько ночей я совсем не спала, но не чувствовала ни усталости, ни сонливости вечером — всё как в самом начале. Л. всегда говорила мне, что усталость — результат борьбы с «Этим»; полагаю, она имела в виду воздействие духовной силы.

Утром я свежа, как никогда. Голова ясная. Чувствую себя полной энергии.

Существуют четыре различные стадии продвижения:

1. САЛОК — входит на Арену; опасность — Манас, Ум, то есть сомнения и т. п.
2. САРУПА — стать подобным ТОМУ; опасность — Сатана (гордыня).
3. САМИ — так близко, что уже нельзя сказать, один ли это или двое. Опасность — дэвы; они восстают, чтобы человек не стал их господином. Иначе говоря, это все те иллюзии, от которых страдают люди: ясновидение, видения дэвов.

4. САЮДЖ — совершенное соединение, так что все стадии сливаются в единстве. Опасность — душа. Люди думают, будто реализовали всё, и отвергают Бога и Мастера (инфляция, по К. Юнгу).

Сначала приходит Реализация, потом — Сознание (полное знание Реализации). К примеру: я нахожусь в Дели. Это и есть реализация факта пребывания в Дели. Но ты можешь не знать Дели — только если знаешь город улица за улицей, ты обладаешь полным знанием о нём.

В мистических состояниях сперва бывает молниеносное соприкосновение, очень мимолётное; затем — непрерывное погружение, ставшее постоянным состоянием; и третье — это состояние СВАБХАВА, когда переживание становится частью самой природы человека.

САХАДЖА — человек пребывает в собственной истинной природе и владеет ею. У ведантистов это называется Самадхи без усилия.

Суфии называют первое состояние ХАЛ, второе — МАКАН, а третье — ФАНА ФИЛЬ-ХАКК.

21 ноября

СОН: я помню только его конец: я и моя сестра (или Л.?) вошли в очень большую пустую комнату, до сих пор закрытую и полную пыли. Мы сели на циновки или коврики, и в комнате было несколько небольших зверьков, которых я почему-то знала как «олений-пауков». Тело у них было как у крошечного оленёнка, не больше ласки, но на месте головы торчали щупальца, как у осьминога, и были злые глаза. Я знала, что они очень опасны, и боялась их, когда они пытались подползти ближе. Но сестра моя (или Л.?) говорила, что их довольно просто отогнать туфлей — и они уйдут. Я сделала, как мне сказали, и они действительно ушли. Потом мы снова вернулись в ту же комнату после множества событий, о которых я ничего не помню, но на этот раз олений-пауков не было видно, и я сказала об этом своей спутнице. Но вдруг увидела одного, идущего прямо на меня, чтобы напасть. Я схватила его сзади за шею, как хватают змей, прижимая голову к полу.

— Дай его мне, — сказал старик с бородой, подходя ко мне.

Я ответила, что не могу, потому что, если отпущу, он меня укусит; но старик не слушал и схватил зверька. И стоило мне отпустить его, как он мгновенно повернулся, вцепился мне в палец, и пока старик отрывал его, половина моего

пальца ушла вместе с ним — зубы зверя яростно рвали плоть. Боли не было, но выглядело это ужасно.

ТОЛКОВАНИЕ: «Нечто дикое и опасное было у тебя отнято, ранив тебя. Вещи происходят, и как же ты узнаешь, что они происходят? Тебе об этом сказано во сне».

Разве не говорил он недавно, что ко мне должна быть применена некая сила?

Не мог ли в этом и заключаться смысл сна? Опять спала хорошо. Сказала ему, однако, что если он совсем не спит, то и мне, пожалуй, спать не подходит.

— **Может быть... позднее, не сейчас,** — и он улыбнулся. Я всегда знала, когда говорила что-то, что ему нравилось, — по сияющей улыбке, наполовину скрытой в его бороде...

Пыльная мебель. Большая комната, вся в пыли, никогда прежде не открывавшаяся; злые зверьки, старик с бородой... хм... с юнгианской точки зрения всё это было весьма знаменательно...

22 ноября

ОДНАЖДЫ ОН СКАЗАЛ, что любовь создаётся или рождается в сердце ученика йогической силой Гуру.

— Как это происходит? — спросила я. Л. одевалась после ванны и стояла перед зеркалом, припудривая лицо.

— Не знаю, — просто сказала она, внимательно разглядывая свой лоб.

— Но как можно заставить меня любить его? Он мне чужой человек! Я уважаю его, он меня интригует, я нахожу его необыкновенно интересным; но любовь? Нет, ничего такого нет, и как это понимать?

Она медленно, с нарочитой неспешностью обводила губы помадой.

— Ну, — сказала она, глядя в зеркало на моё отражение и стирая маленькое пятнышко в уголке рта, — ученик продвигается через любовь. Любовь — движущая сила, величайшая Сила Творения. Поскольку в ученике недостаточно любви, а значит, и недостаточно движущей силы, чтобы достигнуть Цели, любовь увеличивается, или «создаётся», попросту через активизацию сердечной чакры.

— Но как я могу взять и полюбить его? — недоумевала я.

Она сощурила глаза и какое-то время молча смотрела на меня в зеркало.

— А ты уверена, — сказала она, — ты уверена, что будешь любить его?

Я уставилась на неё.

— Но... — начала было я.

— Ты вполне уверена, что любить ты будешь именно его?

Электрический чайник закипел; она быстро отвернулась и стала заваривать чай. Что она имела в виду? Не означало ли это, что любовь обращена вовсе не к Учителю — или только кажется обращённой к нему? Значит, это должно было значить... Я поняла. И всё во мне стало очень тихо. Очень, очень тихо...

— Что это было? Потому что что-то ведь было, — сказала я ему, как только он вошёл.

Но он повернулся и встал в открытом дверном проёме, глядя на розовое, мягкое небо заката. Высокий, прямой, он со спины казался совсем молодым.

— **Что это было? Именно то, что ты почувствовала!** — сказал он, входя в комнату, и сел в своё большое кресло.

Я пришла около пяти часов вечера. Л. должна была прийти немного позже. В комнате была его жена с внуком. Когда они ушли, мне пришло в голову, что он, быть может, делает что-то йогическое, о чём мой ум знать не может. И я оказалась права. Это пришло как поток «чего-то», ударивший в меня, — почти физически. Ничего определённого, просто ощущение. Ритм дыхания резко изменился, сердце словно взбесилось — то мчалось, то пропускало удары, то замедлялось, замирало, а потом снова мчалось. Это было явно неприятно; у меня закружилась голова, стало дурно. Я старалась взять себя в руки, глядя на розовое небо, полное закатного сияния. Дверь в сад была открыта; лёгкий ветерок шелестел в листве. Всё это время я гадала, что именно он со мной делает? Спустя некоторое время он вышел из комнаты. Когда вернулся, я спросила, что это было, но не получила внятного ответа; он только что-то пробормотал себе в бороду и тяжело опустился в своё большое кресло. Я рассказала ему, что чувствовала. Он только улыбнулся. Я сказала, что в последние десять дней мы с Л. проверяли пульс: он всегда держался около шестидесяти, а несколько ночей назад у меня стал куда медленнее — настолько медленнее, что я начала тревожиться.

— На прошлой неделе ты сказала, что хочешь чуда. Сказала, что это даст тебе веру и прекратит твои сомнения. Что я тебе тогда ответил? Что ты всё равно не поверила бы, а кроме того, чудеса не «производятся» по заказу, чтобы удовлетворить чьё-то любопытство. Но сколько чудес уже произошло с тобой с тех пор, как ты здесь? Спишь ты или нет — никакой разницы; тело не устало, и, несмотря на очень медленный ритм сердца, ты тоже не чувствуешь усталости, а бодра и полна сил. Мой обычный пульс — около 110; врач, если бы осматривал меня, решил бы, что у меня сильный жар, а его нет.

Я сказала, что, вероятно, позднее и моё сердце станет биться очень быстро, и я почти совсем перестану спать — как он; мне ведь говорили, что через некоторое время вибрации ученика приспособливаются к вибрациям Учителя даже на физическом плане. Он кивнул.

— Если я правильно поняла ваши слова на днях, то учение даётся в соответствии со степенью эволюции шиши и с его темпераментом. Истина открывается лишь частично, всё более и более по мере продвижения. Значит, если я верю в Карму и Перевоплощение, вы будете говорить со мной соответственно; а Л., которая не верит ни в то, ни в другое, вы их вовсе не упоминаете.

— **Не имеет никакого значения, верит ли кто-либо в эти вещи, и верит ли он в Великую Иерархию; Карма ЕСТЬ, Эволюция ЕСТЬ; человечество ведут вперёд. Верят они в некоторые вещи или нет — это ничего не меняет. Я никогда не говорю об этом мисс Л. — зачем? Совершенно не важно, во что человек верит, если речь идёт о нашей Системе Свободы.**

Внезапно охваченная чувством привязанности, я сказала ему, как рада, что пришла к нему, что это — самое чудесное, что могло со мной случиться, и кого же мне за это благодарить?

— **Благодари своё Высшее Я!** — сказал он, но в этот момент кто-то пришёл, и нас прервали. Нужно будет спросить его при случае, что именно он имел в виду.

Когда вечером пришла Л., мы втроем — Гуру, Л. и я — пошли гулять.

— Недавно вы сказали, что нас даже не просят молиться, но можем ли мы молиться?

Он сказал, что можно, если хочется. Я сказала ему, что запишу молитву, которую читала годами, и покажу ему, но он сказал, что молитва — не в словах, НИКОГДА.

Когда я спросила ещё раз, он ответил, что молитва есть совершенное единение с Богом, и только это — подлинная молитва.

Возвращаясь домой, я сказала ему, что чувствую себя безнадежно обескураженной — выходит, я даже не умею молиться. Похоже, состояние дхьяны и есть то, ради чего существует всякое духовное продвижение. Я чувствую себя ребёнком, оставленным по ту сторону забора, тогда как цирковое представление идёт внутри. Дхьяна представляется мне неким непереходимым кольцом, которое надо пересечь на пути к Богу.

Когда мы проходили мимо дома Пушки, я остановилась у калитки, чтобы войти туда, где киртан уже начался; они же пошли дальше. Я остановилась и смотрела, как они уходят, погружённые в глубокий разговор. Всё это почему-то показалось мне символичным: они уходили, оставляя меня одну, чтобы я присоединилась к толпе поющих людей, к обряду, который ничего для меня не значил... я чувствовала себя глубоко подавленной и унылой.

Глава 9 Мистический звук

23 ноября 1961

ЭТИМ УТРОМ МЫ ЧУДЕСНО ПРОВЕЛИ ВРЕМЯ и много смеялись. Чтобы получить дополнительные объяснения, Л. принесла свои записи о Кундалини, и остроумные замечания Гуру, а также её комментарии были очень забавны. Но лучше я опущу это. Здесь мне следует писать только о том, что происходит непосредственно со мной, и делать исключения лишь тогда, когда это затрагивает меня лично или связано с моим собственным опытом.

Он отпустил нас до двенадцати. Я, как обычно, прилегла ненадолго на кровать, вернувшись от него. Прислушиваясь внутрь себя, я заметила вибрацию. Это было похоже на мотор, работающий у меня внутри и вибрирующий во всём теле; но это описание не вполне точно: скорее, это был БЕЗЗВУЧНЫЙ сверхзвуковой Звук; ощущение походило на то, что бывает после сильного шума, большого напряжения, волнения без самого волнения.

Параллельно этому жило огромное томление по ЭТОМУ, по Безымянному. И в этом томлении был мир... только бесконечный мир... Я знаю, звучит это довольно сложно, но лучше я не умею описать.

Когда Л. вернулась с почты, она сказала мне, что это и есть знаменитый Мистический Звук, «ДЗИГ», предварительная ступень к дхьяне. Я была зачарована... наблюдала, как это происходит во мне... какой новый опыт!

Вечером напротив Гуру сидел человек и рассказывал ему о своих бедах, которых у него было немало. Когда он ушёл, Гуру запел. Я сидела там, и «звук» всё ещё продолжался у меня внутри, вместе с огромной тоской — но по чему? Я не была вполне уверена...

Я ждала удобного случая, чтобы спросить. Он пел на урду и переводил:

**«Я приду к тебе в образе соловья,
На дереве много ветвей, и на каждой ветви буду я.
Соловей здесь, там, повсюду...
Когда ты услышишь его, ты узнаешь, что я здесь,
Соловей, который во всякое время пребывает повсюду...»**

Комната была тёмная, полная покоя, наполненная его голосом. Мне казалось, что он поёт это для меня. Я должна полюбить его, думала я. Шишья должен любить

Гуру. Можно продвигаться только через любовь... а любовь к Гуру — это любовь к Богу. Он начал другую песню:

**«Я здесь и я там, и являю себя в разных образах.
И ты, быть может, станешь гадать, кто я и что я, — и не поймёшь...
Но со временем ответ будет дан...
Я здесь и я там, и всё это одно и то же,
Повсюду и всегда — я один...»**

Эту песню я не поняла и всё ещё размышляла над нею, когда он запел другую:

**«Должно быть полное предание — даже физически,
Предание всего без остатка и без сожаления,
Если ты хочешь увидеть подлинный Облик Гуру.
Либо Гуру должен сойти к тебе,
Либо ты должен подняться к нему, но полное предание необходимо,
Если ты хочешь увидеть подлинный облик Гуру!»**

— **Поняла мысль?** — спросил он.

Я рискнула сказать, что, может быть, это был ответ на мою просьбу, высказанную несколько дней назад, — позволить мне увидеть его таким, каков он есть в действительности.

— **Да, либо ты гостя на моём плане, либо я — на твоём, но сперва необходимо полное предание, полное предание, начиная с физического тела и на всех уровнях.**

Я сказала ему, что понимаю, и даже сказала Л. несколько дней назад, что моё физическое тело, по-видимому, подвергнется большому напряжению и я вполне готова к этому, готова ко всему, что потребуется, чтобы меня «взять галопом», — так он выразился несколько дней тому назад.

— **Не говори, что готова к этому; лучше скажи, что стараешься. Так будет лучше.**

— Да, Бхаи Сахиб, — ответила я, и сердце моё было полно благодарности.

— **Если человек дал обет, если он обещан духовной жизни и духовной работе, в нём не должно быть никакого остатка, никакой оговорки, необходимо полное предание на всех планах, когда он вступает на Арену. Что такое обет? Это обещание, которое нельзя нарушить — никогда, никогда.**

— Оно длится вечно, вечно и вечно, — тихо сказала я, вспомнив, как поклялась, положив пальцы на подпись Мастера, в тот роковой день в Британском музее — день, кажущийся таким далёким и в то же время таким близким, словно это было вчера...

Позже произошёл один случай. Некто, который уже много лет жил за его счёт, не работая, — ленивый, грязный человек, — вошёл и начал громко поносить его. Тот отвечал мягким, примиряющим голосом, и когда Л. стала отчитывать этого человека за его постыдное поведение, я уже не могла больше сдерживаться, сняла туфлю и хотела огреть его по голове. Только мягкий голос Гуру удержал меня: он попросил меня сесть. Тот человек сыпал ругательствами, всё это было очень тягостно, и наш прекрасный вечер оказался испорчен.

24 ноября

СЕГОДНЯ ЭТО БЫЛО КАК ГОРЯЩИЙ ОГОНЬ у меня в сердце. Томление по Богу...

— **Неужели ты думаешь, что я говорю просто ради разговора?** — сказал он Л. по поводу каких-то дел, касавшихся их обоих. — **О нет! Каждое слово сказано с целью и со смыслом! А говоря о Любви: Любовь никогда нельзя скрыть: НИКОГДА! Это нечто, что не может не сиять!**

Л. сердилась на меня. Она сказала, что в доме Гуру никто ночью не мог спать, потому что тот человек, которому я пригрозила туфлей, поклялся убить Гуру и меня и кричал всю ночь. Она сказала, что я слишком порывиста и не умею вести себя в присутствии Гуру.

Этот человек — брахман. По профессии он школьный учитель, но психически он неуравновешен. Он очень уродлив и похож на орангутана: маленький, волосатый, с очень длинными руками, как у обезьяны, и лицо у него тоже обезьянье. Л. сказала мне, что много лет назад он потерял работу из-за своей коммунистической деятельности, а по своему эмоциональному возрасту он мальчишка лет двенадцати. Он уже несколько лет живёт в семье Гуру и не работает. Я спросила Л., почему владения Гуру полны самых неприятных людей. Она сказала, что таков суфийский путь. Всем тем, кто без работы, кого отвергло общество, неловким, шумным, слабым умом, больным телом — всем он даёт приют и гостеприимство. Так много людей живёт у него во дворе, а одна или две соломенные хижины стоят даже в саду.

— Бедная его жена! Должно быть, она сама святая, если выносит такие условия!

— Да, — сказала Л., — быть женой суфийского святого, вероятно, нелегко!

Вечером мы быстро шли через парк. Он был совершенно бессознателен, шагал стремительно, длинными шагами. Мы едва поспевали за ним. Л. сказала мне, что, когда мы идём с ним, нужно стараться держаться с внешней стороны, чтобы защищать его от движения, потому что в своём физическом теле он пребывает совсем без сознания.

— Могут ли дэвы становиться людьми? Я где-то читала, что для достижения окончательной цели им нужно пройти через человеческую эволюцию.

— Как это возможно? Дэвы состоят из Света и только Света. Как они могут стать людьми? Люди состоят из четырёх элементов, из пяти, если считать эфир (Акаш); джинны состоят из Света, Огня и Воздуха и сильнее дэвов, которые, как я уже говорил, сделаны только из Света. Дэвы — это иная эволюция. Деваян — Путь, по которому идут люди к Совершенству. Дэвы тоже идут им, но их останавливают в Ниродике, на полпути. Только человек может пройти по Пути Деваяна дальше. Питриян — не путь; человек снова и снова возвращается на колесе возвращения.

Однажды я впервые увидел джинни. Я был тогда ещё мальчиком и задержался допоздна, потому что массировал ноги моему почтенному Гуру Махараджу. Около полуночи он сказал мне: „Иди, мальчик“. Я вышел из его комнаты — из этой самой, где мы сейчас сидим, — и увидел снаружи множество их. Я был в ужасе. „Что ты боишься?“ — рассмеялся Гуру Махарадж. — „Он твой раб! Ты больше его“. Джинны очень могущественны и пребывают по ту сторону добра и зла, как мы их понимаем. Так же как дэвы.

СОН: у меня украли пальто. Какой-то человек подошёл ко мне и сказал:

— Оно не украдено; пойдём со мной, и ты его получишь.

— Ты должна знать, как толковать этот сон, — сказал он. Лицо его было каменным, суровым. Глаза полузакрыты, холодны, и взгляд устремлён очень далеко.

— Но я не могу! — воскликнула я. — Как же я могу?

— Что может значить, что у тебя отняли пальто? Было ли это старое пальто?
— спросил он, не меняя сурового выражения лица.

— Нет, новое, из хорошего материала, и мне было жаль его, потому что я думала, что его украли, а оно мне было нужно.

Он скривился с отвращением.

— Как можно быть такой тупой? Что такое пальто? Покров, нечто, покрывающее тело. Покров был с тебя снят.

Лицо его по-прежнему было каменным и строгим. Я сказала, что всё равно не понимаю.

— Не настаивай; всё именно так, как я говорю. Ты веришь в Карму. Когда человек всерьёз и искренне встаёт на Путь, его кармы снимаются с него. Либо, как я уже говорил тебе на днях, он должен выстрадать их в своей физической жизни, либо они приходят к нему во сне. Одна секунда сна — это как три года реального страдания в жизни. Когда ты на Пути, тебя ускоряют, и за них платишь во сне. Если же ты, однажды решившись, остаёшься в стороне от Пути, тогда все кармы будут оплачены сполна в твоей повседневной жизни.

Но, став на Путь, ты достигаешь Благодати Божией, она настигнет тебя, схватит тебя, и умственные кармы уйдут через сны.

Эмоциональные страдания очищаются страданием, которое причиняет Любовь, но физические кармы человек должен выстрадать в физическом теле. Нам не полагается иметь ещё одно, если мы с Учителем. Ясно, стало быть, что всё должно быть очищено в нынешнем. Есть место, куда кармы не могут достичь, если так угодно Богу. Его Благодать бесконечна, и кармы отпадают от тебя.

Каждый сон имеет различное толкование в зависимости от того, мужчина его видит или женщина. Например, если мужчине снится, что крыша его дома рухнет и дом остаётся без крыши, это значит, что он останется без работы. Если тот же сон снится женщине, это значит, что она станет вдовой.

Я вдруг вспомнила, что Л. недавно рассказывала мне: ей приснилось, будто она потеряла своё нижнее бельё посреди улицы и ужасно смушалась. Я рассказала ему об этом.

— Если такой сон снится человеку на духовном Пути, это значит, что он приближается к окончательному просветлению; но если он снится мирскому человеку, это значит, что эта женщина **ОЧЕНЬ** мирская. Тебе это приснилось?

Я ответила:

— Нет, моей знакомой.

— **Ты обманываешь меня!** — воскликнул он и, кажется, очень рассердился.

Я заверила его, что и не думала его обманывать. Просто я не назвала имени Л., потому что не знала, вправе ли это сделать: сон ведь был не мой.

— Ты обманываешь меня! — повторил он.

Я почувствовала раздражение. Это было несправедливо.

— **Однажды, когда я был ещё молод, мой почтенный Гуру Махарадж спросил меня: „Сколько у тебя денег?“ Думая, что он имеет в виду, сколько денег у меня при себе, я ответил: „Двести рупий! У меня украли всё, кроме этих двухсот рупий!“ Он весело расхохотался — до чего же я был глуп, если подумал, что он спрашивает о тех деньгах, что были у меня в тот момент!**

— Но это несправедливо! — воскликнула я. — Если он святой и знает всё, почему же не знал, что вы его неправильно поняли? Он просто воспользовался случаем, а я считаю это крайне несправедливым!

— **Это глупое замечание,** — сказал он, на этот раз действительно рассердившись, и вышел.

Л. сказала, что я только трачу её время; ей нужно задавать важные вопросы о Кундалини.

— Не спорь так много, — сказала она, — это неверный настрой; постарайся понять.

Но я была в ярости и, как только он вернулся, прямо сказала ему об этом. Его так трудно понять; он выражается так туманно, что это ужасно раздражает!

— Я выражаю свои мысли достаточно ясно, но чаще всего ты только притворяешься, будто не понимаешь меня, а для меня, со своей стороны, — сплошная мука пытаться понять тебя! Ты говоришь таинственными притчами и часто противоречишь собственным словам!

— **Я противоречу себе,** — сказал он иронически. — **В самом деле, я совсем не знаю, о чём говорю! Какая жалость!**

Л. нетерпеливо сказала, что мой настрой неверен и я ничего им не добьюсь.

Вскоре после этого он отослал меня, потому что хотел дать ей некоторые объяснения о Кундалини. Я ушла в настоящем гневе. И к чему вся эта таинственность? Почему я не могу это услышать? Я чувствовала себя униженной.

Глава 10 Любовь рождается

Я была расстроена и несчастна. Я знала, что неуютна ему, и это мучило меня. К тому же я не понимала, как смогу ещё долго мириться с этой убогой обстановкой и часами сидеть там. Мириться с его несправедливостью, с грязными нищими, с этой зловонной, шумной толпой, которая собирается здесь во время Бандары (публичной церемонии: «открытия врат благодати»), как объяснила мне Л. На сердце у меня было тяжело. Когда вечером пришла Л., я уже сидела снаружи, погружённая в свои мрачные мысли, и смотрела на нежный закат — в серых и мягко-розовых тонах, постепенно таявших в небе.

— **Вы здесь? Пожалуйста, войдите!** — услышала я его голос, вошла и села рядом с Л.

Он разговаривал со своей женой и маленьким внуком. Потом взял своё одеяло, и мы вышли наружу. Свернувшись в кресле, вытянув ноги на другое кресло напротив, кутаясь в своё белое одеяло, он начал говорить.

— **Когда мой почтенный Гуру Махарадж был жив, к нему приходило множество людей только затем, чтобы слушать его речь. У него был такой прекрасный голос, и объяснять он умел так хорошо, что никто никогда не понимал его превратно; ни у кого в сердце не оставалось сомнения.**

Он повернулся ко мне.

— Я сознаю, что мой английский не безупречен, — продолжал он. — Я не притворяюсь, будто никогда не ошибаюсь; я не мастер вашего языка.

Я ответила, что его английский очень хорош; смущает меня не язык, а его тёмная, неясная манера выражаться; английский ведь не мой родной язык тоже. Мне трудно принять что-либо, пока я этого не пойму. Но здесь я не только почти ничего не понимаю, но и он сам неверно понимает меня и обвиняет в том, что я его обманываю; положение становится безвыходным.

— Я задаю вам вопрос. Вы отвечаете прямо, а потом сердитесь на меня! — заключила я.

— **Я не Бог; лишь если я сосредоточусь на каком-то предмете, я его узнаю, но это не всегда возможно.**

— Но в таком случае всё совершенно безнадежно, потому что я не могу достучаться до вас — ни на уровне ума, ни на уровне интуиции.

Я почувствовала себя подавленной. Он замолчал.

Потом он рассказал нам историю о Царе и Святом. Когда у Царя возникло желание увидеть Святого, у него не было времени самому идти к нему, и однажды Святой пришёл к нему сам. Царь стоял на крепостной стене, осматривая своих воинов, и хотел спуститься вниз, когда увидел приближающегося Святого, но Святой поднялся к нему по верёвке. Эта история должна была показать, как Мастер приходит навстречу ученику, если ученик готов. Пока он говорил своим мягким, ласковым голосом, в его отрешённом лице было столько нежности, что всё время у меня было чувство какого-то великого и таинственного смысла всего этого...

— То, что не даёт мне покоя и чего я решительно не могу понять, — это как любить духовного Учителя. Нельзя же просто так сказать человеку: ЛЮБИ! — или: НЕ ЛЮБИ! Как можно приказывать такое! Это просто невозможно! Любовь либо есть, либо её НЕТ. Я глубоко вас уважаю — я вами очарована, — но любовь? Нет, конечно же, в эту минуту я вас не люблю.

— Любовь рождается... рождается ВСЕГДА, — повторил он. — Шишья не может сам собой любить вот так. Здесь ведь речь не о человеческой любви. Это нечто совсем иное. И отношения с Учителем — вещь очень трудная. Потому любовь рождается — и затем продолжается.

26 ноября

УТРОМ Я ПОШЛА С ПУШПОЙ в питомник, принадлежащий богатому торговцу тканями. Мы вдоволь насмотрелись на красоту. Какой чудесный сад: бугенвиллеи, кротоны, розы, буйство красок — великолепные тысячи горшков с огромными хризантемами для выставки, уже приготовленные и стоящие рядами, розы всех цветов и размеров, цветущие лианы — столько их, таких ярких, таких экзотических! Настоящий тропический рай, и аромат был так силён, что кружил голову.

Вечером, когда мы пришли, уже был профессор Батнагар. У нас завязалась оживлённая беседа о Системе, о Боге и о прочих сбивающих с толку вещах. Он красив, очень умен, учёный и утончённый индуистского склада человек, и к тому же блестящий оратор. Я сказала ему, что не могу проглотить идею Божьей Благодати, и он начал излагать мне свою версию — совершенно неверную, ограниченное представление о ещё более ограниченном Божестве, чем даже в ортодоксальном понимании. Я сидела на тахчате и, когда нечаянно взглянула в его сторону, вдруг увидела, что Бхай Сахиб смотрит на меня с этим странным выражением любви и нежности... глаза, которые не видят и всякий раз словно поражают меня электрическим ударом. «Он что-то со мной делает», — подумала я, и несколько раз

за время разговора я замечала его немигающий взгляд и была совершенно уверена, что что-то совершается, хотя в ту минуту я ничего ещё не чувствовала. Но было предчувствие и глубокий страх...

27 ноября

ВЧЕРА НОЧЬЮ, около десяти или половины одиннадцатого, меня вдруг охватило беспокойство. Какая-то тревога, какой-то страх — без всякой видимой причины — навалились на меня и нарастали скачками, всё сильнее и сильнее. Наконец я больше не могла этого вынести и рассказала Л. Она тоже встревожилась и спросила, не чувствую ли я, что с Гуру что-то случилось. Объяснить я не могла, но была уверена, что это связано с ним. Этим утром тягостное уныние всё ещё держалось — тупое, тяжёлое. Позже Л. пошла к нему около восьми, а я в это время занималась хризантемами. Вернувшись, она сказала, что его нет дома, но, по-видимому, всё в порядке.

Я расчёсывала волосы перед большим зеркалом, и вдруг сердце у меня бешено заколотилось, голова пошла кругом, в ушах поднялся шум — словно все океаны мира ревели внутри моей головы. Всё стало походить на далёкий сон и казалось совершенно нереальным. Пошла завтракать. Люди, которые говорили, ели, ходили... были как пустые куклы, лишённые сущности.

Ничто не имело смысла. Нужно было сосредоточиваться, нужно было собирать мысли, чтобы понимать и уметь координировать свои движения. Всё было до такой степени плохо. Я пришла к Гуру раньше Л. Он сидел снаружи с малой, безмолвно молясь. Я села позади него в тени.

— **Когда вы решили ехать в Бенарес?** — спросил он.

Я сказала, что не знаю, ещё не решила, какого числа.

— **Когда в этом году Страстная пятница?** — захотел он узнать.

Я не смогла ответить как следует, запуталась, стала смотреть дату за 61-й год вместо 62-го.

— **Хо, хо, вы не можете ясно мыслить,** — сказал он добродушно.

Я сказала, что действительно не могу. Потом спросила, что с ним случилось вчера ночью, около десяти или позже, и рассказала о странной тоске, которую ощутила.

— **С моим физическим телом всё в порядке,** — сказал он и больше ничего не добавил, только слабо улыбнулся — словно внутренней улыбкой.

Когда я рассказала, что чувствовала этим утром, он заметил:

— **Манас был приостановлен, и осталась одна лишь Буддхи.**

Так я поняла, что была применена какая-то сила; вероятно, ему надоели мои сомнения и споры. И я была уверена, что вчера что-то было не так, хотя с его физическим телом всё было в порядке.

— **Сегодня до пяти утра я пошёл гулять и гулял до получаса назад. Минут двадцать я чувствовал острую боль в спине.**

Л. подняла голову.

— Я дала Пушпе сидение, и она сказала мне, что упала и повредила спину.

Он и Л. сопоставили время. Это было в одно и то же время.

— **Видите, вы медитируете с нею, и между вами уже есть связь!** — воскликнул он.

Потом он стал говорить нам о том, как человеку необходимы трудности, чтобы продвигаться вперёд.

— **В нашей Системе мы живём в мире, у нас есть заботы о деньгах, семье и тому подобном. Как продвигаться без забот? Когда вас что-то тревожит, вы делаете усилие, совершаете скачок.**

Я сказала, что если у людей нет забот, он сам создаст их своим ученикам.

— **Нет, я не устрою так, чтобы вы сломали руку или ногу; но самая большая тревога начинается тогда, когда человек начинает любить духовного Наставника. Вот тогда и начинаются настоящие тревоги. В начале тревог нет: Учитель хочет, чтобы ученик остался; но как только ученик его полюбит, как только исчезнут сомнения, для ученика начинаются беды. Ему захочется плакать... почему, почему Мастер не замечает меня, не говорит со мной — неужели он сердится? Почему он здесь, а я там? — и так далее! Прежде чем настанет это время, надо бы поскорее убежать,** — добавил он, глядя на меня.

— **Что именно вы чувствуете?** — вдруг перебил он самого себя, резко всматриваясь в меня.

— Ну, словно все океаны и все моря мира сосредоточились у меня в голове. Когда я шла к вам по улице, у меня едва хватало сознания, чтобы держаться правой стороны дороги и стараться не попасть под движение. Переходя улицу, я не видела, куда иду. Мне казалось это опасным. Я могла видеть только прямо перед собой — вправо и влево я не различала ясно, всё будто стиралось, было как в тумане. Если я вижу предмет — к примеру, этот стул передо мной, — то между образом стула, как я его вижу, и сознательным пониманием, что это именно стул, а не что-то другое, проходит доля секунды. Мне приходится сосредотачиваться на каком-нибудь отдельном звуке, образе, предмете или ощущении, чтобы суметь назвать его. В связи с этим я вспоминаю, что у Дж. Кришнамурти где-то сказано: нам следует воздерживаться от называния вещей вокруг нас. Если удастся это сделать — если между образом предмета, скажем, розы, и его названием, которое определяет его как розу, а не как собаку или стул, — если этот промежуток между видением и воспоминанием станет всё длиннее и длиннее, то, может быть, однажды именно в этот миг и придёт озарение.

Он кивнул.

— Несколько дней назад вы говорили о чуде, — сказал он очень медленно. — Хватит ли у вас и теперь смелости говорить о чудесах? Рёв всех океанов у вас в голове; или же ума вовсе нет; или вы не спите, не испытывая усталости; ваш мыслительный процесс у меня настолько замедляется, что вы как бы «спите»; в вас есть покой не от мира сего, который вы не можете объяснить, — или такая сильная тоска, что жить не стоит; потрясения, предчувствия. Скажите мне: разве это не чудеса? Не великие и важные чудеса?

Голос его был мягок и необыкновенно нежен, как будто полон глубочайшего сострадания. Я опустила глаза и почувствовала себя маленькой... меньше песчинки.

Затем Л. задала ему несколько вопросов о Кундалини и различных пранах, и об их функциях — обо всём том, в чём я ничего не понимаю даже тогда, когда мой мозг работает исправно. В том состоянии, в каком он был сейчас, я не понимала даже того, о чём именно она говорит...

Вечером я пошла туда и, как обычно, пришла первой. Когда он спросил, как я себя чувствую, я сказала ему, что ум у меня всё ещё работает плохо, но днём, когда я писала дневник, было не так уж скверно.

Он снова спросил, когда я собираюсь в Бенарес. Сверившись с календарём, висевшим на стене у двери, я предположила, что, возможно, могла бы поехать 4

декабря, в понедельник. Он сказал, что ему нужно ехать в Аллахабад и что он никогда не путешествует один; он поедет со мной, в Аллахабаде его встретят, а я смогу продолжить путь в Бенарес.

— **Завтра я дам вам знать,** — сказал он.

Я спросила, будет ли мой мозг по-прежнему таким оцепенелым и неповоротливым, когда мне придётся ехать, потому что в таком случае путешествие может оказаться очень неприятным.

— **Это будет отмечено в моём дневнике.**

— Хотите сказать, вы запишете в своём дневнике, когда следует вернуть мне мои умственные способности? — засмеялась я, а он только кивнул.

От этого мне стало ещё смешнее, и мы оба в конце концов развеселились, смеясь над этой невероятной мыслью, если смотреть на неё с точки зрения обыденного мира.

Он ухмылялся в бороду, что-то записывая на листке бумаги, который потом отдал своему сыну, прибавив несколько указаний на хинди.

Я задала несколько вопросов:

— Почему память совсем плохо работает? Память принадлежит уму?

— **Память работает плохо потому, что Манас (ум) был приостановлен; и хотя память, строго говоря, не принадлежит уму, поскольку у неё иной центр, всё же действовать она должна через ум.**

Этот Путь нашей Системы вовсе не мучителен; это самый лёгкий Путь. Трудным он кажется лишь тогда, когда в уме царит смятение.

Что ж, было очевидно, что в моём уме за последние дни, а то и недели, смятения было предостаточно...

Позднее, в разговоре:

— **ВОЙТИ НА АРЕНУ — ЗНАЧИТ ПРИНЯТЬ ПУТЬ МАСТЕРА.**

Мир для нас таков, каким мы его создаём: если вы говорите, что в дереве сидит Бхут (дух), значит, для вас в дереве будет Бхут.

Это всё Манас. Но что такое Манас? Ничто! Манас — это Майя (иллюзия). Вы хотите всего, но не готовы приносить жертвы, платить цену. Вот сидят здесь и говорят: «Я была умной, а теперь даже думать не могу; где моя память, что со мной случилось?» Люди не готовы ничем поступиться. Если вы хотите куда-то поехать, вам придётся сесть в поезд или в самолёт — и вы должны заплатить за проезд, не так ли?

Будьте всегда другом Всемогущего — и ВЫ НИКОГДА НЕ УМРЁТЕ!

Молитву следует творить всегда; даже обычную молитву следует творить, но, конечно, единственная НАСТОЯЩАЯ молитва — это слияние, ЕДИНСТВО с Богом; только это и есть истинная молитва. Достигнув этой точки внутри себя, мы уже не нуждаемся ни в какой внешней опоре.

Согласно суфийской Системе, у мозга три вида деятельности: Манас (ум); Память (действующая через Манас); Бессознательное независимо от Манаса.

Л. сказала мне прошлой ночью, что всё-таки было какое-то затруднение, хотя и не физическое — у Гуру. Бхай Сахиб сказал ей, что между десятью и половиной одиннадцатого вечера он возвращался от женщины, попавшей в аварию. Её сбила машина, и она была ранена сильно, но не опасно. Л. предположила, что, вероятно, он принял на себя её страх, как это легко можно сделать, и он часто так делает, сказала она.

— **Я сильный,** — говорил он с улыбкой. — **Я могу это взять.**

Я задумалась, верно ли то, что она мне сказала. Если верно, это могло оказаться для меня делом серьёзным, ибо я, так сказать, получу всё это из вторых рук. По мере того как идёт время, человек всё сильнее и сильнее отождествляется с Гуру, и я уже вижу впереди трудности. Тем более что в последнее время я перенимаю всякого рода тревоги и беды от людей, которые приходят к нему. Я, кажется, всё это подхватываю. А значит, в будущем это наверняка станет ещё более тягостным.

И я всё размышляю, что же будет сделано, что же произойдёт с этим вопросом любви... Любовь будет рождена. Так он сказал.

Рождена... но как? Недоумеваю...

29 ноября

ОН ГОВОРИЛ С Л. о ком-то во Франции.

— **А теперь,** — продолжал он, поворачиваясь ко мне, — **оставим в стороне случай Л. Зачем вы здесь? Вы пробыли здесь последние два месяца, ничего не получили, я вам ничего не дал — и всё же вы здесь. Почему?**

— Потому что думаю: так правильно, — ответила я.

— **Нет!** — возразил он. — **Вы остаетесь потому, что сердце велит вам это. В сердце есть некая субстанция, которая побуждает вас оставаться.**

— Вы правы; потому-то я с самого начала и не могла уехать, и именно это открытие так меня потрясло. Я так дорожу свободой и так ненавижу, когда меня вынуждают делать что-либо. Где-то скрыта тайна, и мой ум очень испугался. Я подозреваю, что испугался именно ум, потому что он знает: проиграет именно он; но ум силен, и он ещё причинит немало хлопот. Только мне кажется, что вы вообще его выбиваете из игры, — сказала я с сомнительной улыбкой.

Но он лишь засмеялся своим добродушным смехом.

Позже он сказал Л., говоря о ком-то:

— **Ваше отношение должно вынудить Мастера, ваша жизнь должна быть прожита так, чтобы он увидел: вы всерьёз, — и был ВЫНУЖДЕН принять вас.**

1 декабря

— **ХРИСТИАНЕ ВЕРЯТ В ЭВОЛЮЦИЮ?** — спросил он.

— Некоторые верят, — ответила Л.

— **А наука верит в эволюцию?**

— Да, — сказала Л., — наука верит, но в отношении растений, животных и так далее; даже многие учёные считают, что человек был сотворён.

— **Как доказать атеисту существование Бога? Дав ему это пережить?**

— Да, полагаю, только так и можно заставить его поверить в Бога.

«Это для меня, — подумала я. — Он говорит с Л., но имеет в виду меня». Он знает, что я верю в эволюцию и что в Бога, по-настоящему, не верю.

2 декабря

ПОСЛЕ ОБЕДА я не помнила, что происходило в первой половине дня, кто был за обедом, какую еду нам подавали. Совершенный провал в памяти. Л. сказала, что ничего важного не случилось. Я кормила белок (бурундуков), которые впервые брали орехи у меня из рук, а Вина, дочь Пушпы, ушла на тестовый матч с отцом.

Написала в Бенарес насчёт жилья и в Адьяр; поеду на Конвенцию Т. О. Во вторник отправляюсь в Бенарес вместе с Гуру. Он едет в Аллахабад, который по дороге, так что мы будем путешествовать вместе.

Сидя после заката в темноте на своём обычном месте, я молилась.

Как легко теперь молиться! Никогда прежде я не могла молиться так! Мой ум тих, прозрачен, словно парализован, а сердце моё улетает, как дрожащая птица... улетает в мир...

Бога? — или просто покоя??

3 декабря

МНЕ ПРИСНИЛОСЬ, что с моря надвигается буря. Огромные чёрные тучи катились и катились, всё ближе и ближе. Я начала закрывать окна с той стороны, откуда шла буря, но оставила открытыми окна на противоположной стороне дома, решив, что там безопасно, потому что они обращены к солнцу; на этой стороне горизонта небо ещё было голубым и ясным.

— Сон неполон. Не очень-то полезно говорить вам, что он мог бы означать, потому что это только введёт вас в заблуждение. Я же говорил вам, что теперь, с течением времени, прошлое будет всплывать в снах. Девяносто девять с половиной процентов карм будут отрабатываться во сне; оставшиеся полпроцента, конечно же... — он умолк, глядя в далёкую даль.

В моё прошлое? Или в моё будущее? — подумала я, наблюдая его спокойствие, безмятежный лоб, совершенную неподвижность.

Небо сегодня утром было таким голубым, таким прекрасным, воздух — таким благоуханным. Зима чудесна на равнинах Индии. Глубока моя любовь к тебе, прекрасная Индия, столь многоликая, столь непостижимая, тёмно-таинственная для нас, пришедших с Запада.

— Бхай Сахиб, что делается с моим сердцем? Оно совсем сходит с ума. То перестаёт биться, то несётся вскачь, то снова останавливается, то бьётся медленно, то трепещет, как птица, пойманная в клетку.

Мы сидели снаружи; его мала медленно скользила сквозь пальцы; губы едва шевелились в безмолвной молитве.

— Пожалуйста, помните, что мне придётся ехать. Я бы не хотела, чтобы что-то случилось, пока я в отъезде. Если это случится, я всё брошу — Конвенцию, налоговое управление, банк — и сяду на первый же поезд к вам!

Он улыбнулся.

— Конечно, когда вы уедете, кое-что может произойти, пока вы далеко от меня. К суфийскому святому пришёл ученик и сказал ему: «Я хочу, чтобы эта ночь никогда не кончалась и чтобы для меня не настало завтрашнее утро!» Святой, тронутый такой любовью, не молился об этом — но для ученика в течение нескольких дней не было утра, для него не восходило солнце.

— Но я не понимаю, какое это имеет отношение к моему страху, что что-нибудь случится, пока я буду далеко; хотя история, конечно, прекрасная, — сказала я. — Похоже, ум сейчас не в лучшем состоянии.

Он снова улыбнулся.

— Я только хотел сказать, что многое может случиться, если человек любит. Когда Л. много лет назад впервые уехала отсюда, такие токи любви шли от неё, что даже здешние люди спрашивали меня о ней и о том, как она.

Но люблю ли я? Не похоже. Так что я только удивилась...

Глава 11 Бенарес и Адьяр

ПОЗДНЕЕ, ВОЗВРАЩАЯСЬ К МОЛИТВЕ и к тому ответу, который он дал мне некоторое время назад, сказав, что молитва словами совершенно бесполезна, — я тогда так пала духом, что на время вообще перестала молиться. Только теперь вернулась к молитве. Он сказал, что порой недостаточно хорошо объясняет, возможно, дело в языке. Молитва словами хороша, если её сопровождает молитва сердца.

— **Если молится сердце — всё в порядке! Если твою молитву услышало сердце, её услышал и Бог!** — так поётся в одной персидской песне.

— **Мусульмане молятся пять раз в день. Но многие лишь механически повторяют молитву. Какая в том польза? Постарайтесь понять меня, понять, что я действительно хочу сказать, не цепляйтесь к словам — тогда мы преодолеем языковой барьер.**

— Может быть, это придёт позже, Бхай Сахиб; а пока мне кажется, что вы требуете невозможного. Но поскольку ум не работает в полную силу, молитва идёт чудесно, как никогда прежде.

И снова эта улыбка — такая тихая. Он закрыл глаза.

Глядя на него, я всё не переставала удивляться, почему его глаза были полны слёз, когда он рассказывал мне историю о святом и ученике, не увидевшем утра. Быть может, это был его собственный опыт, связанный с его возлюбленным Гуру Махараджем, как он почтительно его называет.

Я сплю хорошо, но сон мой полон ярких, цветных сновидений, которые я сразу же забываю. Единственное, что я знаю, — он присутствует во всех моих снах. Я сказала ему об этом на прошлой неделе. Он ничего не ответил, только улыбнулся, как делает это так часто. Никогда прежде я не видела никого во снах с такой навязчивой постоянностью. Даже если я забываю или не могу вспомнить, я всё равно знаю, что он всегда в моих снах, во ВСЕХ моих снах, так естественно, словно он принадлежит им, словно он всегда был частью моей жизни во сне, в самой глубине моего существа.

9 декабря 1961

БЕНАРЕС БЫЛ ПРЕКРАСЕН. Полон мерцающего света, движения и солнца. Я получила ту же комнату, что и в прошлом году, в Шанти Кундж, а ела в общежитии

для девушек. Гуру со мной не поехал; когда моя рикша остановилась у его ворот по дороге на станцию, чтобы забрать его, он лежал в постели с приступом боли в спине.

Причина моей поездки в Бенарес заключалась в том, чтобы забрать свой цинковый сундук, который кое-кто из членов Т. О. хранил для меня. Я никуда не ходила, даже к Ганге. Ничего не делала — только гуляла по территории — и осталась всего на два дня. Я заметила в себе явную перемену. Кажется, я потеряла интерес ко всему.

Когда участвую в разговоре, мне приходится делать усилие, чтобы следить за ним, потому что это так мало меня занимает. И ум стал негибким, уже не таким острым. У меня нет ни желания возвращаться, ни желания остаться, но во мне много покоя.

Когда я гуляла по саду, глядя на деревья, цветы, прозрачное прекрасное небо, бывали мгновения, когда вдруг мысль совершенно замирала в пустоте; просто смотреть, просто чувствовать; то же сновидческое качество, которое так часто было у меня в детстве, когда я оставалась наедине с природой, и которое совершенно исчезло после школьных лет, теперь вернулось вновь — резкое, ясное. Только на этот раз оно было глубже, чище, почти пугающе для ума.

Оно приходит внезапно, в мимолётные мгновения, и всякий раз, когда это случается, на секунду или больше — кто знает? — я теряюсь в этом состоянии, но затем оно тотчас же тонет в каком-то страхе; ум впадает в панику перед этим блаженным небытием, и я ловила себя на том, что отчаянно стараюсь вспомнить, где я нахожусь, и связать это состояние с памятью, которая на это время словно исчезала. Разумеется, мне быстро удавалось вспомнить, но блаженное состояние уже уходило. С самого детства я знаю — и всегда знала, — что во сне, по ночам, это состояние в своей чистой сущности, без страха, присутствует так естественно и принадлежит мне в том, что я называла «своей другой жизнью», жизнью сновидений. Странное чувство — улавливать его проблески в состоянии бодрствования.

11 декабря

ВЕРНУВШИСЬ В КАНПУР, я видела Бхай Сахиба всего дважды и лишь ненадолго; пробыла там только два дня, прежде чем отправиться в Мадрас. Сегодня утром, совершенно неожиданно, я получила квартиру. Вообще-то её предлагали Л., но для неё она слишком мала: она ждёт подругу из Франции. Две крошечные комнаты, выбеленные, чистые. Они находятся в доме, принадлежащем индийским христианам. По-видимому, это хорошие люди, но во дворе живёт несколько семей, и там много детей. Моя дверь тоже выходит во двор, так что, думаю, большого

уединения там не будет. Но я ухватилась за эту возможность мгновенно — выбора у меня не было, — и с первого января смогу въехать. Когда я рассказала об этом Гуру, он одобрил. Он видел это место: вчера вечером он ходил смотреть его вместе с Л. Теперь, когда я вернусь, не будет тревоги насчёт жилья. Одно препятствие моему пребыванию здесь устранено.

— **Нет, нет,** — быстро сказал он, — **никаких препятствий вообще!**

Он ещё раз сказал мне, чтобы, вернувшись, я ни на что не соглашалась и ни с кем не связывала себя обязательствами.

— **Квартира сейчас хороша. Мы много будем там работать,** — сказал он, и этого для меня было достаточно.

13 декабря

И ВОТ ОНА ПРИШЛА... она прокралась в моё сердце на цыпочках, тихо, незаметно, и я смотрела на неё с удивлением. Она была ещё мала — светло-голубое пламя, мягко дрожащее. В ней была бесконечная сладость первой любви, словно подношение благоуханных цветов нежными руками, когда сердце полно тишины, изумления и мира.

Я смотрела в окно на пейзаж, проплывавший мимо; группы манговых деревьев, плантации сахарного тростника, каменистые невысокие холмы, затем снова равнины — бесконечно. Поезд увозил меня на Юг и опаздывал на одиннадцать часов. Я лениво размышляла о том, что только что сказали мне попутчики: Керала так прекрасна, и сейчас как раз самое подходящее время года, чтобы поехать в Кочин. Моим первоначальным намерением было этой зимой увидеть Юг, и мне казалось довольно жаль, что я этого не смогу. Ведь я хорошо знала, что останусь в Канпуре — Бог знает на сколько. Деньги можно перевести из Лондона куда угодно в Индии. Мне действительно следовало бы поехать, подумала я. Это было бы так приятно, даже волнующе — увидеть новые места, красочный тропический Юг. Богатый растительностью и дикой природой. Но люди там так бедны, ещё беднее, чем на Севере, если такое вообще возможно.

Но я знала, что обманываю себя, знала, что никогда не поеду.

Я НЕ МОГЛА УЕХАТЬ. Это «нечто», этот могучий импульс, который годами заставлял меня делать то, что я просто обязана была принять, чему должна была повиноваться, потому что не могла иначе; это «нечто» заставило меня продать дом, чтобы стать свободной, заставило меня уехать в Индию и, наконец, шаг за шагом

привело меня в Канпур, чтобы предпринять самое долгое путешествие, величайшее приключение моей жизни; и теперь оно не позволило бы мне поехать никуда, кроме как обратно в Канпур, в будущее, полное тёмных, полуосознанных страхов.

И тогда я заметила это маленькое голубое пламя, тихо горевшее в моём сердце.

«Любовь будет рождена», — сказали вы. И с тех пор я всё гадала, как же она придёт ко мне. Будет ли это как Голос из Пылающего Куста, Голос Божий, как некогда услышал его Моисей?

Будет ли это как вспышка молнии и гром посреди ясного неба, превращающие мир вокруг в сияние славы? Или же, как предполагала Л., вы породите Любовь вообще — любовь ко всему, и Учитель окажется в неё включён? Но я сказала ей, что для меня это невозможно; чтобы суметь отдаться полностью, смести всякое сопротивление, это должно быть чем-то огромным, грандиозным, всецелым, без остатка, без предела — абсолютным забвением себя.

Но то, что я чувствовала теперь, было не таким... это была лишь нежная тоска, столь мягкая, столь исполненная бесконечной сладости. Как и все законы, управляющие этой вселенной, Любовь следует путём наименьшего сопротивления. За всю свою жизнь я никогда не знала чувства любви, внезапно вспыхнувшей в моём сердце. Она всегда приходила тихо, робко вырастая, как маленький голубой цветок на обочине дороги, который так легко раздавить сапогами проходящих мимо. И если в моей прошлой жизни была любовь, она всегда росла медленно, неуклонно, возрастала, пока не становилась большой, необъятной, сметающей, как приливная волна, всё, что вставало на её пути, и в конце концов заполняла всю мою жизнь. Так было прежде, и на этот раз она тоже приходит ко мне таким же образом... вероятно, потому, что наши сердца устроены определённым образом, и мы не в силах перестать быть тем, что мы есть.

Весь день я проспала, а когда вечером вновь заглянула в своё сердце, мне показалось, что там ничего нет, только тонкое чувство покоя. И тогда я решила, что ошиблась; это была не любовь, а всего лишь воображение, ошибка суждения. Значит, это было заблуждение.

16 декабря

НО ЭТО БЫЛО НЕ ТАК. Напротив, я заметила, что оно безмолвно растёт, пока я бродила по здешней прекрасной территории в Адьяре. Первым моим впечатлением от Адьяра было: как он мал. Когда я приехала сюда впервые, более двух лет назад,

я прибыла из тесноты Англии. Тогда Адьяр казался мне таким огромным. Но теперь, после сотен миль волнистых холмов и бескрайних пейзажей, словно уходящих за самый горизонт, Адьяр оказался крошечным, совсем маленьким местом. Люди, которые здесь живут, всё те же, как и всё прочее — всё осталось тем же самым. Мне всегда казалось таким странным находить людей и места всё такими же, какими ты их оставил, даже спустя много лет. Странным и невероятным это кажется особенно тогда, когда для тебя самого столько всего изменилось и мир уже не тот. Меня всегда изумляло, как может быть, что в людях и в образе мыслей так мало перемен.

И здесь всё тоже было таким же, каким я оставила это место. Но хотя теперь Адьяр казался мне маленьким, он был всё так же прекрасен и всё так же благоуханен, с множеством цветущих кустов и деревьев. Поднимая взгляд к глубоко-синему небу, к белым облакам, как я привыкла делать, я посылала быструю мысль-привет Бесконечной Жизни, всей этой чудесной синеве. Но всякий раз, когда я это делала, я ясно видела ваше лицо, вырисовывающееся на лазури неба, — может быть, не совсем лицо, а скорее его выражение, как я видела его, когда вы улыбаетесь сначала глазами, а потом улыбка углубляется и исчезает в бороде; или тот дальний взгляд и бесстрастное выражение, когда вы неподвижны и собранны, перебирая бусины малой; или лицо, как будто высеченное из камня, суровое, древнее, старше холмов, древнее, как само человечество. Невидящие глаза, широко раскрытые, излучающие тёмный свет; лицо, от которого я в первый раз едва не выпрыгнула из кожи от страха и которое кажется таким восточным, китайским или тибетским; лицо, которое с тех пор я видела часто и поняла, что таким вы становитесь в глубоком самадхи, когда выходите из тела.

К моему изумлению, между мной и моими мыслями о Бесконечной Жизни всегда было ваше лицо — во всех его выражениях; нет, скорее, как если бы оно само стало частью Бесконечной Жизни, уже навсегда неотделимой в моём уме. Тогда, только тогда я наверняка поняла, что потеряла себя в вас и что никогда, никогда уже не верну себе своё сердце. «Ибо моё сердце было потеряно в Небе и осталось там со звёздами». Я вспомнила эту строку, но не помнила, кто её написал. А когда я взяла в библиотеке Адьяра несколько книг и статей о суфизме, это пламя разрослось так, что воспламенило всё моё сердце, затопив его радостью!

Когда я пришла к вам чуть больше двух месяцев назад, я ничего не знала о суфизме. Ничего — ни о его славе, ни о его традиции, ни о его безграничной свободе, ни о его бесконечной любви! Это было как откровение, и я осознала, сколь многое потеряла, не узнав этого раньше. Даже то небольшое, что мне удалось узнать о нём — ведь сейчас у нас в библиотеке не так уж много книг по суфизму, —

наполнило меня восторгом. И я снова поблагодарила свою счастливую звезду (или судьбу?) за то, что она привела меня к вам.

18 декабря

— СВЕТ ПРИДЁТ К ТЕБЕ ЧЕРЕЗ ТОСКУ, — говорит Дарья Хан.

Я ничего не знаю о Свете, но Тоска у меня есть, и она сильна, ровна, непрерывна, словно зов издалека.

Сегодня днём я пошла в Сад Медитации слушать хорошую западную музыку, по которой так сильно скучала все эти последние годы в Индии. Я чуть не расплакалась и была глубоко взволнована. Способ слушать, кажется, стал иным. А небо было полно перисто-розовых облаков.

Адьяр полон делегатов Конвенции. Чтобы избежать неудобства делить комнату с другими делегатами, Норма предложила мне их флигель на краю казуариновой рощи у самого берега. Туда поставили чарпой (верёвочную кровать), я нашла несколько длинных палок, натянула москитную сетку и устроилась вполне удобно. По утрам Норма присылала мне чашку кофе и чапати со своим слугой. Место было чудесное, уединённое. Там была старомодная раковина и вода, потому что в старые времена это помещение служило прачечной.

Шум «сосен» (казуарина — это нищая сосна, растущая на песчаных берегах) и шум прибоя — день и ночь. Вообще, в Адьяре везде слышно море. Особенно по ночам слышно непрерывное приближение и отступление волн.

Песчаный берег там очень пологий; можно уйти далеко в воду, а она всё ещё только по колени. Длинные высокие волны величественно накатывают издалека одна за другой. Непосредственно перед тем как рухнуть вниз, увенчанные белой пеной по гребню, внутри изгиба они зелёные, полупрозрачные, а позади них — свет восходящего солнца. И прямо там, в этом изгибе, в жидкой зелени, было ваше лицо...

Ваше лицо смотрело на меня из каждого цветка лотоса; оно было внутри цветков гибискуса, в каждом из них; в тёмной воде пруда оно тоже тихо смотрело на меня... Тогда я поняла, что выхода нет, что я дошла до конца своей дороги. И куда бы я ни пошла отныне, возврата для меня уже не будет.

Нет, я ничего не знала об учении суфизма. Я — как чистый лист бумаги для вас, чтобы вы написали на нём веру вашей славной Системы буквами Любви. Простите ли вы меня за то, что я боролась с вами больше двух месяцев? Если вы знаете

человеческие сердца, а я уверена, что знаете, то должны были знать, сколько недоверия, сколько сомнения было в моём сердце. (Может быть, оно ещё и теперь там? И ещё будет?) Но я знаю, что вы уже простили меня, потому что поняли. **«Чтобы сделать святого, много времени не нужно, — говорили вы, — но кто готов пожертвовать всем? — чтобы этот мир стал для тебя ничем, более несуществующим. Кто готов это принять?»**

Я думаю — я готова. Ибо процесс этот уже медленно начался ещё до встречи с вами. Постепенно я, кажется, теряю интерес ко всему. Ничто меня не радует. Ни прекрасные окрестности, ни интересные люди, ни лекции, ни друзья. Лекции — лишь слова, а так много среди них всё равно бессмысленного. В людях так мало любви, они замкнуты в себе. Даже красота пейзажа — ничто, если я должна быть от вас вдали.

«Ибо пришёл бородатый человек со своей песней и ослепил меня к красотам мира». Вы перевели нам это персидское двустишие.

— Когда человек — создатель святых и знает, как писать на обратной стороне сердец...

Я помню, как однажды вы сказали нам это. Вы знаете, как это делается, Бхай Сахиб. Я бросаю своё сердце к вашим ногам, и если вы растопчете его — не беда! Напишите на обратной стороне моего сердца одну букву: только одну — Алиф. Напишите её живым огнём, чтобы мне сгореть у ваших ног в вечной тоске. Я оставлю его там; никогда не попрошу назад. Оно всё равно мне не принадлежит. Оно всегда было вашим. Только на этот раз, из-за моей обусловленности, из-за моего западного воспитания, я забыла это. Я не узнала вас, Бхай Сахиб. Я была слепа и не видела, что Стопы Великого Любящего, Творца всякой Любви, и ваши стопы — одно и то же...

Вы говорили нам, что необходимо полное предание себя. Но теперь я читаю, что требуется даже большее. В вашей Системе от ученика требуется состояние самоаннигиляции. Самоуничтожение в Мастере.

«Последний удостоверяется собственными силами, достигнуто ли “Единение” в совершенстве. Если да, ученик передаётся Мастеру своего Учителя — духовному Влиянию изначального Основателя “Пути”, или Системы, к которой они принадлежат. Этот Основатель, разумеется, давно умер, и некоторое время ученик может вступать с ним в сознательное отношение лишь при помощи своего первого Учителя. Со временем сознание ученика настолько поглощается этим великим Мастером, что он овладевает всеми его духовными силами. Тогда его передают ещё выше по этой цепи, пока он не достигнет “самоуничтожения в Пророке”. Под Пророком здесь понимается

не Мухаммад как человек, а как “Первичный Элемент”, Первый Разум, Слово. За этим лежит лишь последняя, окончательная ступень — “Единение”, “Бог”, “Истина”, как угодно; слова здесь бессмысленны; это лежит по ту сторону всякого изречения, и суфий говорит: “От того, кто совершил путь, вестей не возвращается”».

— из текста Дж. М. Уоткинса о суфизме.

Итак, в этом и цель суфизма. Тогда как же вы могли говорить, как говорили нам снова и снова, что это путь без усилий? Зачем вы выбираете обманывать своих учеников? Но меня вы не обманете. Я никогда в это не верила и так вам и говорила. Может быть, это и вправду может быть путём без усилий для тех, кто доволен годами сидеть возле вас, получить немножко дхьяны, потому что не готов заплатить полную цену, боится идти дальше. Но если человек идёт за ЦЕЛЫМ, если готов всё отдать за это, поставить всё на одну карту, без оглядки, — как может это быть без усилий???

Как и рождение, Творение — процесс мучительный. Чтобы суметь творить, нужно сперва разрушить. Разрушение равнозначно боли. Я видела людей, которые уже сорок лет с вами, и они всё ещё мелки, всё ещё полны маленького «я». Я этого не хочу. Поёт персидский поэт:

«Господь мой, это моё малое “я”, и ему неведом стыд;
Но мне стыдно являться к Твоей двери в его компании!»

Если хочешь великого, Величайшего, ты должен заплатить великую цену. Какую цену можно заплатить больше, чем собственную жизнь, собственное сокровеннейшее существо?

Чтобы достигнуть Цели, тебя надо вывернуть наизнанку, сжечь огнём Любви так, чтобы не осталось ничего, кроме пепла, — и из этого пепла восстанет новое существо, совсем не похожее на прежнее. Лишь тогда возможно истинное Творение. Ибо этот процесс — разрушение, творение И Любовь. Другое имя Любви — Боль и Усилие.

«Жизнь означает Тоску. Продвижение возможно только через Тоску. И поскольку Путь Продвижения бесконечен, Тоска тоже должна быть бесконечной. Так Тоска сама становится одной из форм Бесконечного, желанной ради неё самой. Вот почему мистики идеализируют Тоску. Другое имя Тоски — Любовь. Тоска для души то же, что вода для почвы. Как земле нужна вода, чтобы смягчить её частицы и дать семени прорасти, так и человеческой душе нужна скорбь, чтобы сделать её плодородной. Без тоски, без скорби, смягчающей душу, не может быть продвижения, не может быть прорастания семени. Таков закон духовной жизни, как и

физической. И потому, пока душа ещё стремится, пока ещё несовершенна и подвержена искушению, как каждый из нас в этой жизни, ей необходимы тоска и скорбь, возникающие из памяти о Возлюбленном, чтобы хранить её от опасности самодовольства и вести её благополучно к Цели. Тоска не только даёт жизни побуждение, но делает человека кротким и смиренным. А смирение — весьма необходимый фактор духовной жизни. Оно — дитя Тоски. Оба живут вместе. Смирение и Тоска предполагают несовершенство. И именно неопределённость совершенства в человеческой жизни делает Тоску и Смирение необходимыми для духовного искателя. И потому Мадан, синдский певец, говорит: «Даже достигнув, продолжай бояться, о Мадан!»»

— из *Духа суфийской культуры*, Акбат Ашрам, трактат № 12, 31 сентября, А. Х. Джайсингани.

Поэтому никогда больше не говорите мне, что это путь без усилий. Никогда.

Но дайте мне скорбь, боль и тоску.

Позвольте мне стать подобной вам. И не говорите мне, как однажды сказали:

— **Почему подобной мне? Почему не выше? Ведь предела нет, знаете ли!**

— Что ж, думаю, это никогда не будет возможно, Бхай Сахиб. Потому что даже если однажды, по вашей Милости, я окажусь там, где вы теперь, — вы сами будете уже гораздо, несравненно дальше. Суфии не верят в неподвижность. Вы сами это сказали. Великий Ибн Араби говорит:

«Никакое обратное движение или нисхождение ни в каком смысле не может быть применено к Воле. Она не знает ни остановки, ни отступления. Этот процесс вечен, и поскольку мы — часть Его Творения, часть Его Воли, легко понять, что как отдельные существа мы никогда не сможем постичь Его полностью».

Так как же я могу быть больше вас — или хотя бы такой же, как вы? Вы всегда будете впереди меня. Но я всегда буду благодарна, если вы даруете мне вдохновение от вашего Света, если протянете руку, чтобы помочь мне продолжить путь, совершить до конца то странствие, на которое способна человеческая душа, — «ночное путешествие через море за жемчужиной великой цены», говоря словами Карла Юнга.

19 декабря

СЕГОДНЯ ВЕТРЕНО. Всю ночь ревело море. Вчера река была как зеркало; облака стояли в небе неподвижно. Стоит мне остаться одной, как чувство нереальности становится таким сильным. Удивительно — почему? — словно всё вокруг только сон, безумный, пустой сон.

Не могу объяснить причины... конечно, есть эта тоска...

Гуляя вчера ночью одна при луне, думая об Адьяре и о том, как теперь изменилась моя реакция на него с прошлого раза, мне вдруг пришла мысль: что будет, если по той или иной причине я не смогу вернуться и вынуждена буду остаться здесь навсегда? Сердце моё сжалось от ужаса и безысходного отчаяния, так сильно, что я сама изумилась себе. Неужели всё настолько плохо? — подумала я.

Мне стало совершенно ясно, что я уже не могу вернуться к своей прежней жизни.

Возвращаться не к чему. Пустота, ничья земля. Единственное, что теперь имеет значение, — это вы и моё будущее, связанное с вами, — теперь мне кажется, навсегда. Быть может, так было всегда. Слепая и обманутая, я этого не знала.

Глава 12 Полет в неведомое

ВО МНЕ МЕДЛЕННО НАРАСТАЕТ некое качество, которое я тщетно пытаюсь уловить и определить. Особенно заметным и острым оно становится, когда я одна брожу по саду, ЧУВСТВУЮ всё вокруг себя и стараюсь разобраться в этом чувстве. Вот, например, эти водяные лилии здесь, в Саду Воспоминания, в прелестном месте у реки, откуда видна полоска моря и берег.

В нескольких маленьких прудах вокруг шестиконечной звезды растут они — лотосы, прекрасные, огромные, розовые или белые с жёлтыми сердцевинами. Клумбы пёстрых цинний, цветущие кустарники и деревья, насекомые, трава — всё, что РЯДОМ со мною, вступает со мной в непосредственное соприкосновение, становится частью меня, тесно, абсолютно, совершенно естественно, каким-то таинственным образом. Это чувство полноты бытия, не требующее никакого усилия. Они близки и дороги мне, но как бы отрешённо, если можно так выразиться, и в уме моём почти нет мыслей, почти ничего — одно лишь чувство.

Кажется, это совершается само собой — просто происходит, а не создаётся мною намеренно.

Всё, что дальше, как будто не существует. Деревья уже дальше, небо, река, море. Чтобы осознать их, мне нужно сделать как бы усилие, сдвинуть своё сознание, всмотреться в них, сосредоточиться на них. Это требует лёгкого усилия.

Но едва я это делаю, и они тоже становятся частью меня, входят в это чувство взаимной «принадлежности» — их друг другу и мне. И вот я брожу, дивясь, гляжу на мир, который меняется, и, конечно, знаю, что не изменилось ничего, кроме меня самой. Адьяр всё тот же, что и был всегда. Это я открываю в себе новое качество, новые ценности; они поднимаются, всплывают из какой-то глубины во мне, но ведь они всегда были там; должны были быть...

Странная судьба, что я не встретила вас раньше, Бхай Сахиб... прожила столько лет пустой, бесполезной жизнью. Ибо именно вы, и только вы один, можете теперь помочь мне научиться любить Царя. Великого Царя наших сердец.

Вот почему я умерла бы от разрыва сердца, если бы не могла вернуться к вам, Бхай Сахиб, к вашему тусклому окружению, к дымному городу, шумной улице, пыльному саду, ибо каким-то необъяснимым образом вы и Царь в моём сердце сливаетесь в одну бесконечную тоску.

Голос ветра в казуаринах. Голос птиц.

Танцующие тени на сверкающей воде бассейна, покрытого круглыми, восковыми листьями лотосов. Сидящие на воде, как звёзды. Розовые. Белые. И дивные бледно-жёлтые, с полупрозрачными лепестками.

Ветер с моря, пахнувший кислородом и солью. Свободен ты, ветер, но я уже не свободна, навеки связана цепями Тоски. Никогда мне больше не быть свободной. Эта жажда во мне — глубокая, тёмная, неугомонная. Как же полон боли твой «путь без усилия», Бхай Сахиб!

«Мир полон прекрасных вещей, пока в мою жизнь не вошёл старик с бородой, не воспламенил моё сердце тоской и не сделал его беременным Любовью. Как мне смотреть на красоту вокруг, как видеть её, если она скрывает Лик моего Возлюбленного?» Это вы пели накануне моего отъезда и смеялись, переводя нам эти слова.

Длинные валы прибоя, мерный, неумолкающий шум моря...

21 декабря 1961

БЕНГАЛЬСКИЙ ЗАЛИВ лежит к востоку. Как пахнет солью ветер с моря. Этим утром лотосов будто ещё больше, и они прекраснее, чем когда-либо. Удивительно наблюдать, как они цветут: видишь бутоны глубоко в воде, листья, наполовину сложенные, стоящие прямо, напряжённые, словно томящиеся, ждущие, когда достигнут поверхности воды, выйдут в воздух, к свету. Они зелёные, круглые, хрустящие. Цветы покоятся мягко, раскрываясь прямо под поверхностью, первые несколько лепестков уже над водой, тогда как сама чаша ещё погружена и полна воды. Воистину, лотос — благороднейший из всех цветов!

Любой другой цветок, если оставить его в воде на несколько дней, загниёт — но не лотос.

Вот они стоят, звёзды небесные, глянцеви́то-розовые, чистейше-белые, бледнейше-жёлтые или густо-синие. Вся эта прелесть поднимается из ила речного дна или пруда — совершенный символ Души, напряжённой жаждой достигнуть Света.

С той минуты, как я открыла глаза этим утром, я лежала без сна, полная тихой радости, потому что вчера заказала себе место в поезде — на пятницу, 29 декабря. Где-то на заднем плане сознания жила эта радость, пока я шла от железнодорожной кассы, надёжно спрятав билет в сумку. Теперь уже наверняка: скоро я вернусь к вам. В унылый Канпур. Целая Вселенная, полная прекрасных

вещей, уже не может удержать меня здесь, потому что у меня есть билет. Я не останусь до конца Съезда.

22 декабря

СОН: Я села в поезд, а потом заметила, что это всего лишь паровоз с машинистом, который чуть не врезался в стену, но всё же сумел развернуть его, не повредив стены. Когда мы прибыли, я вспомнила, что оставила позади свою куртку — жёлтую, вроде короткого пальто. — Я повесил её на дерево, — сказал маленький мальчик. — Сейчас принесу!

Я увидела свою куртку, висящую на ветке дерева, и мальчик побежал по ветке за ней, но вместо того чтобы отдать её мне — а я стояла неподалёку, на верхнем этаже здания, до которого дерево почти доставало, — он бросил её вниз и сам прыгнул с дерева, полетев, как птица. Я изумилась, как грациозно он спланировал вниз, но ужасно рассердилась, потому что знала: в кармане был кошелёк, полный мелочи, и теперь он наверняка пропал! Когда я получила куртку, кошелька и впрямь не было, и я страшно расстроилась. Я спросила, где полицейский участок, чтобы заявить о пропаже, но мне сказали, что он далеко, за полями — у меня не было времени идти туда: поезд должен был отправляться. Тем временем я встретила человека из полиции и, жалуясь ему на потерю, проснулась.

23 декабря

ВЧЕРА Я ВСЁ ВРЕМЯ СОМНЕВАЛАСЬ, являетесь ли вы тем самым «Владыкой трёх миров», о котором однажды сказала мне Л., ссылаясь на Писания, и можете ли привести меня к высшей Цели. Ум всё насмеялся надо мною, твердя, что нет, не можете, и что я только напрасно потрачу время.

Я не могла спать из-за москитов и рёва моря.

Наконец среди ночи я встала и получше закрепила москитную сетку, но эти мерзавцы всё равно проникали внутрь, потому что ветер всё время её шевелил. Джунгли кругом были полны незнакомых звуков, и всё время слышался прибой и ветер в деревьях. Рассвета я сегодня не увидела — была слишком утомлена даже для того, чтобы думать.

Сидя одна среди сосен, я изнемогала от тоски. Сомнение, мой ум, сомнение... сомневайся дальше. Что в этом толку?.. Может ли он привести меня к высшей Цели или нет... тот ли он Учитель или нет... ведь это он зажёт моё сердце. И оно тоскует без конца. И у меня больше нет покоя. Я считаю дни до возвращения. Эта могучая

тяга делает меня больной сердцем; даже пища отвратительна на вкус. И всё это постоянное качество сна, какая-то головокружительность, сопровождаемая лёгкой болью в области сердца, от которой всё вокруг кажется таким нереальным.

24 декабря, канун Рождества

Я ПЛОХО СПЛЮ. Рёв моря стал навязчивым. Я знаю, что отныне шум волн в моей памяти будет синонимом Тоски. Как и Тоска, этот звук не прекращается — наваждение. Без конца, без конца, всю ночь, весь день.

Я с удивлением обнаружила, насколько напряжённой была атмосфера на собраниях Э. С. Я словно уже забыла об этом. Позже, гуляя одна, я думала о своём открытии: во всей Вселенной нет ничего, кроме Любящего и Возлюбленного. Это и есть Истина; только они двое и существуют, только это и есть реальность. Бог и Его Творение — и Творение любит Бога, и Бог любит Своё Творение. Ничто иное не имеет смысла, кроме этого одного; и чем больше я думаю об этом, перебираю это в уме, тем яснее вижу, как это истинно и как всё без исключения есть эта двойственность, которая в конце концов разрешится в Единстве. Когда этот день придёт для меня, тогда я рожусь вновь.

В квартире Нормы на первом этаже ставили граммофонные пластинки с записью симфонического концерта. Я сидела под деревом и слушала. Прямо передо мной пылала багряно-алая бугенвиллея, а рядом куст, усыпанный большими жёлтыми цветами, похожими на колокола. Меж ветвей казуарин виднелось большое белое облако, вздущееся, словно воздушный шар. Небо было молочно-голубым, и стоял такой мир... богатый звук полного оркестра — дирижировал сэр Томас Бичем, звучало море. Было чувство свободы. Жизни. А глубоко, глубоко в сердце — тёмное предчувствие какой-то надвигающейся беды. Мрачное будущее, Великое Неведомое...

25 декабря

СЕГОДНЯ РОЖДЕСТВО. Я часами сидела в роще казуарин на мягком песке и читала *The Reality of Religion*, которую мне одолжила Норма. Сегодня утром я проснулась усталой, хотя спала хорошо. Я сидела на берегу, чтобы увидеть восход солнца. Оно поднялось из воды среди тумана и низких облаков, а я чувствовала такую тревогу и печаль. Ничто мне не мило. Есть только одно желание — скорее вернуться. Ничто не имеет смысла — «и все прекрасные вещи мира...» О, оставим это...

Вчера вечером я пошла к Норме около восьми часов послушать музыку — четвёртый фортепианный концерт Бетховена. Мы сидели на веранде, обращённой к берегу и морю, и смотрели на только что взошедшую луну — низкую над горизонтом, жёлтую, большую. Море было тёмным. Потом поставили вступление к *Парсифалю* Вагнера, затем музыку Страстной пятницы, затем *Liebestod* из *Тристана и Изольды*, затем путешествие Зигфрида по Рейну из *Гибели богов*. Всё это казалось невыразимо прекрасным. Море, луна, пляж, пятна лунного света на белом песке, свежий аромат моря и цветов — и я переживала в себе странное явление: Я СЛУШАЛА СЕРДЦЕМ. Да, именно так: музыка достигала меня через сердце. Ум молчал. Сердце было широко раскрыто, чтобы принять звук, и звук входил в него. Звук был, а ума не было... никогда ничего подобного я не испытывала! Конечно, это была великолепная запись под управлением Тосканини, но всё же я не могла объяснить, как можно слушать сердцем. Разумеется, я могла переключиться и слушать умом — но тогда всё было, как прежде: наслаждение музыкой, её оценка — и это тоже приносит большое удовольствие. Но если я просто слушала сердцем, просто слушала, и в этом не участвовало мышление, тогда сердце пело вместе со скрипками, оно БЫЛО трубным зовом, оно БЫЛО деревянными духовыми, и Я БЫЛА МУЗЫКОЙ.

Никто, как великий Артуро Тосканини, не умел сделать звучание струнных таким нежным, деревянных духовых — такими полными тоски, а медных — криком из самых сокровенных глубин сердца. Я с изумлением наблюдала за самой собой. Это был новый опыт, поистине выдающийся, и мне пришло в голову, что, быть может, именно так и следует переживать музыку. Никакой оценки, никакого мышления — но БЫТЬ ею, быть самим звуком, его тоской и любовью, следовать за каждым оттенком, каждой нюансировкой, каждым изгибом, каждым настроением. Остаётся узнать, возможно ли это с любой музыкой, с менее совершенными исполнениями, и смогу ли я сама удерживать это состояние.

Эмоционально я была так изнурена, что думала — не усну, и потому сидела одна на берегу под луной, с холодным ветром в лицо. Думала и тосковала, тосковала и думала, была тревожна и печальна — считала дни до того, как отправиться навстречу своему будущему, с надеждой, предчувствиями и страхом.

29-го, в 4:45 пополудни, я отправилась на север, чтобы начать: «Ночное странствие по морю за Жемчужиной Великой Цены» (К. Юнг).

В последний вечер моего пребывания в Адьяре пришла Джойс, и мы сидели под деревом и слушали концерт Вивальди, который звучал наверху, в квартире Нормы. Ночь была очень тёмная, без луны. Потом мы сидели на берегу и говорили о столь

многим — о будущем и о том, что оно может принести, об Адьяре, о ней и обо мне — а я была счастлива, потому что уезжала.

Путешествие было утомительным. Поезд опоздал на много часов, так что я пропустила пересадку и была вынуждена ждать десять часов в Джханси, чтобы в час дня сесть на лэкнауский экспресс. К Пушпе я приехала в семь вечера. Дома никого не было. Я приняла ванну и вымыла голову — в индийских поездах так много дыма.

На моей постели лежало письмо. Оно было от моей сестры Милы. Едва я взяла его в руки, как почувствовала: внутри беда. И большая беда. Последние два года Мила очень тяжело болела, страдая прогрессирующим параличом. Ей придётся продать свой дом, и она просит моей помощи на жильё для отца, потому что теперь ей нужно будет снять квартиру для себя и для него. Я сидела на кровати, тревожась, когда вошла Л. и сказала, что Бхай Сахиб всё время беспокоился о письме, которое должно было прийти для меня. Я рассказала Л. о положении дел и сказала, что, конечно, помогу. Мой отец последние шестнадцать лет жил у моей сестры. Всё это время она несла это бремя одна, не прося нас участвовать в расходах. Теперь мой долг — помочь. Я уверена, что младшая сестра поступит так же.

1 января 1962

УТРОМ Я ПОШЛА С Л. Он улыбнулся, и я обрадовалась, увидев его.

— Бхай Сахиб, — сказала я, — я вернулась, чтобы быть в вашем распоряжении.

— Да, да; садитесь там! — сказал он нетерпеливым движением головы, указывая место, где я должна была сидеть. Я села.

Моя новая квартира, кажется, может оказаться удобной. Только уборная далековато, да ещё эти дети во дворе; ещё посмотрим, как это будет. Но там чисто, и атмосфера довольно хорошая. Приятно иметь возможность готовить себе пищу самой.

2 января

ВЧЕРА Я ПОЧУВСТВОВАЛА НЕКОТОРОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ, потому что он со мною не говорил, в сущности, совершенно меня игнорировал. Он пошёл гулять со своей женой и Л., а вернулся на рикше. Я сидела одна в саду; они все ушли внутрь. Через некоторое время я подошла к двери его комнаты и спросила, можно ли мне войти; вечера становятся довольно холодными, воздух сырой. Он не ответил.

Он лежал на своём тахте, заложив руки под голову и глядя в потолок. Я села. Потом вошли все его домашние, и началась бесконечная болтовня, дети шумели невыносимо; это было очень тяжело. Эта bargaonda, этот сущий бедлам, тянулся и тянулся; жена начала массировать ему ноги, потом её сменил молодой полицейский.

Бедная Л. очень старалась оставаться в дхьяне. Я становилась всё беспокойнее. Чтобы стало ещё хуже, мальчики включили радио. Резкий, вульгарный женский голос завыл какую-то песню из фильма.

Тогда Бхай Сахиб начал петь. Для нас обеих это было уже слишком. Я увидела, что Л. плачет, но она ничего не сказала. Голос святого и голос проститутки, состояющиеся друг с другом! Я встала, собираясь уйти, но он сказал вообще, не обращаясь прямо ко мне, что будет раздаваться прасад, и я поняла, что должна остаться. Я снова села. Но радио гремело всё громче и громче, все болтали без умолку, особенно жена и полицейский; казалось, они обсуждали какое-то местное событие, которое всех очень забавляло. Я резко поднялась и ушла — не могла вынести этого ни минуты дольше!

Л. сказала мне, когда пришла, а я уже лежала в постели, что он был раздражён; по его словам, я вела себя невежливо.

3 января

ОН СОВЕРШЕННО МЕНЯ ИГНОРИРУЕТ. Когда я вхожу и приветствую его, ответа нет, словно меня вовсе не существует. Ну что ж... вот я здесь, я была готова, чтобы он принял меня как свою ученицу, надеялась получить наставление, а он меня даже не замечает!

4 января

Я ДОЛЖНА ЧТО-ТО С ЭТИМ СДЕЛАТЬ... должна с ним поговорить. Он должен знать, что я вернулась, чтобы стать его ученицей. А он ведёт себя столь раздражающе.

Глава 13 Вызов

И ОН НЕЗДОРОВ. Сильно кашляет и слаб; это ясно видно. Мне лучше прямо сказать ему о своих намерениях, как и следовало сделать сразу по возвращении. Лучше сказать ему точно, чего я хочу, а именно: получить у него наставление и быть им принятой. Я прихожу сюда с записной книжкой, готовая делать записи, но он говорит главным образом по-хинди, так что пользы от этого немного.

Около полудня Л. ушла со своим внуком покупать ему игрушку. Он тотчас же поднялся, чтобы уйти внутрь. Я едва успела его остановить:

— Бхай Сахиб, я хотела бы с вами поговорить!

Он неохотно снова сел. Было ясно, что он раздражён, хотя и старался выглядеть вежливым. Но и я тоже была раздражена. Мне ПРОСТО НЕОБХОДИМО было поговорить с ним, так что мне, право, было уже всё равно. Мы были в саду: он сидел у стены, возле двери большой комнаты, я — напротив него, на стуле.

— Бхай Сахиб, — начала я, — я вернулась, чтобы быть в вашем распоряжении и под вашим повелением.

— **Да, да,** — поспешно перебил он меня, — **я знаю, знаю.**

В это мгновение у меня замерло сердце, голова пошла кругом, дыхание вырывалось толчками; на этот раз я ещё больше рассердилась на себя за то, что веду себя как дурочка, как глупая девчонка в его присутствии; к тому же я видела, что он хочет уйти. Во мне поднялся гнев.

«Вы, творящий святых и умеющий писать на обратной стороне человеческих сердец, напишите на обратной стороне моего сердца одну букву — только одну букву, букву Алиф! Напишите её живым огнём, чтобы мне сгореть у ваших ног в вечной тоске!»

Я умолкла. Глядя на него, я подумала, что это была хорошая речь. Я процитировала его собственные слова и прибавила своё — это, по крайней мере, должно было произвести на него впечатление.

— **Да, да,** — повторил он нетерпеливо. Лицо его было бесстрастным, каменным, холодным.

Теперь я уже в самом деле рассердилась. Мы сидели снаружи: он в своём старом коричневом зимнем пальто, прислонившись спиной к стене. День был прохладный, с мутным солнцем. Я наклонилась вперёд.

— Я бросаю вам вызов: породите любовь, — сказала я и рассмеялась. Должно быть, в голосе моём прозвучал вызов, потому что я была сердита.

Он всё так же смотрел прямо перед собой, лицо его оставалось бесстрастным. И тогда голосом, который как будто был не его собственным, а доносился издалека — из-за пределов вечностей, внезапно мелькнуло у меня в уме, — он сказал:

— **Многие люди бросали мне вызов, по многим поводам, многие люди...**

— Ну и что? Вы принимаете вызов? — настаивала я, всё ещё смеясь.

Я увидела, как он напрягся. Внезапно он стал древним, как само человечество, древним, как холмы, и с этим своим пустым, устремлённым вдаль взглядом, с лицом, будто высушенным старостью, очень медленно, очень тихо, тонким слабым голосом, почти нараспев, сказал:

— **Я принимаю вызов...**

— *Khanna!* (еда), — крикнула его жена, появляясь в дверях. Он поднялся.

— **Можете идти; я иду обедать.**

Голос у него снова стал обычным; он вошёл внутрь и закрыл за собой дверь. В глазах его стояли слёзы.

Я некоторое время сидела одна и чувствовала на щеках прохладный ветер. Свежий январский день на равнине, — подумала я машинально. И всё же меня пронзало острое чувство великого значения происшедшего. Почему-то мне было не по себе. Что-то пришло в движение. Неужели это веха, поворотный пункт? Потом я тоже встала и пошла домой, чтобы приготовить себе что-нибудь поесть.

После полудня мы с Л. сидели в комнате. Он быстро вошёл; лицо его было мокрым, на плече висело полотенце. Вошла и его жена.

— Миссис Гуру, — начала я; мне хотелось сказать ей что-то, а обычно он переводил ей мои слова. Он уже шёл вешать своё дхоти на вешалку у двери, как вдруг резко обернулся:

— Совершенно неприлично и неуважительно называть мою жену *Mrs. Guru*, совершенно неприлично! Что подумают люди, если вы, чего доброго, назовёте её так публично? Они скажут: вы не умеете себя вести как следует!

Я остолбенела и сказала, что вовсе не хотела выразить неуважение; я просто не знаю её имени — так как же мне к ней обращаться, как её зовут?

— Ещё более неприлично будет называть её по имени, — строго сказал он, стоя передо мной. — Вы должны называть её *Guru Mata*; это ей подобает! И это означает то же самое, что *Mrs. Guru*, — добавил он, отворачиваясь.

Я сказала, что для меня это совершенно приемлемо и мне всё равно, как к ней обращаться. Я поняла, что, очевидно, совершила что-то очень неправильное с точки зрения индийских правил поведения. Почему одно и то же выражение по-хинди правильно, а по-английски — неправильно, оставалось для меня загадкой; но я сделаю так, как он говорит.

5 января 1962

— ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ о суфийской традиции? — спросил он после полудня. Утром он вообще не говорил с нами, только по-хинди; было много людей, в основном из провинции. Мой маленький блокнот был спрятан в сумке — на всякий случай.

— Немного, — ответила я. — Только то, что прочла в нескольких книгах в Адьяре. И насколько я поняла, в суфийской литературе покорность, которую он так подчёркивал, не есть конец: требуется полное самоаннулирование в Учителе. Учитель посредством своих сил удостоверится, что соединение совершилось полностью, и тогда передаст ученика своему Учителю, который уже не пребывает в физическом теле. Вначале ученик не может общаться с Учителем своего Учителя непосредственно, без помощи первого Учителя, но позднее он научится делать это сам, а на последней ступени ученика передают Пророку — не Мухаммеду как человеку, а Богу, Высшей Сущности.

Он слушал внимательно, время от времени одобрительно кивая и бормоча:

— Да, да, верно.

— Но ведь это такая грандиозная Цель, она потребует величайшего напряжения всего существа — как же вы можете говорить, что это без усилия? Как может такое быть без усилия, если это превосходит даже всякую возможность воображения?

— **Позже вы увидите, как это безуспешно,** — тихо сказал он; в лице его было бесконечное сострадание, и меня это встревожило, ибо я инстинктивно знала, что объектом его сострадания была я сама.

— **Вы объясняли мне вашу идею слияния с Учителем,** — сказал он позже, сев рядом со мной на тахт. Я ответила, что не знаю, слияние ли это, только в суфийской книге говорится о полном уничтожении в Учителе.

— **Да, я знаю,** — продолжал он, — **это трудно; на это нужно время, и для этого вы должны совершенно изменить своё отношение. Ваше отношение неверно! Совершенно неверно! Я никогда не критиковал тех, кто стоял выше меня!**

— Что именно значит «отношение»? Правильное состояние ума? — осмелилась спросить я, надеясь получить более ясное определение.

— **Нет, сердца. Правильное состояние сердца! Ум — ничто!**

— Тогда помогите мне. Дайте мне тоску, сильную тоску, и скорбь, и страх, и любовь. Другое имя тоски — Любовь, — сказала я.

— **Да,** — медленно сказал он, — **да, Любовь и Тоска — одно и то же; это синонимы.**

Он всё кивал с пустым, устремлённым вдаль взглядом, словно видел что-то очень далёкое — в отдалённом будущем.

Кто-то вошёл, и он заговорил по-хинди. Я сидела в недоумении. Он повернулся ко мне:

— **Позже вы поймёте, что я имею в виду.**

Всё то время, что я сидела рядом с Л., я продолжала думать, что именно он имел в виду, говоря о неверном отношении. И вдруг поняла. Это было как вспышка.

— **Да?** — спросил он, поворачиваясь ко мне, словно я что-то сказала.

— Я поняла! — сказала я.

— **И что же вы поняли?**

— Мне кажется, я поняла, что если я хочу всего этого целиком, то должна вести себя соответственно. Следуя традиции, ученик должен повиноваться безусловно.

Я улыбнулась ему.

— **Да, это уже неплохо; это начало,** — улыбнулся он в ответ.

Он отпустил меня раньше, чем Л. Когда я уходила, я увидела ту прекрасную улыбку, которую так любила и по которой так тосковала все эти дни.

6 января

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ Я НЕ СПАЛА, всё думала и думала. Я должна измениться радикально.

— **Пожалуйста, не думайте, что я недоволен вами, если говорю с вами так; если бы я действительно был недоволен, вы могли бы сидеть здесь годами и не получили бы ничего.**

В эти последние дни я ничего не получила, а сердце моё было так полно тоски, так полно желания идти дальше. Я в самом деле должна стараться проглатывать всё, должна измениться совершенно. Сегодня утром я решила вести себя, как все остальные. Я встала, когда он вошёл, и отныне буду делать так всегда. Я видела, что его лучшие ученики поступают именно так. Мне показалось, что он одарил меня иронической улыбкой, но, быть может, я ошиблась?

Вечером, после того как он всё время говорил по-хинди, он вдруг повернулся ко мне:

— **Mrs. Tweedie, как вы себя чувствуете?**

— Благодарю вас, хорошо.

— **Хорошо ли вы спали?** — осведомился он.

Я сказала, что с полуночи не спала совсем.

— **И почему же?** — захотел он знать.

Я ответила, что думала.

— **Думали о чём?**

Сказала ему, что размышляла о его словах насчёт того, что мне нужно изменить своё отношение. Он всё кивал.

— **Да,** — медленно сказал он, — **есть о чём подумать, не правда ли?**

Больше он со мной не говорил, но, когда я уходила, снова была эта чудесная улыбка — как тёплое приветствие на дорогу домой.

7 января

МИСТЕР ЧАУДРИ и ещё один ученик уже были в комнате, когда я вошла. Обычно оба они пребывают в дхьяне. Я тихо сажусь в своём углу и начинаю ждать, прислушиваясь, не раздадутся ли его шаги. Он стремительно входит, с одеялом под мышкой, с малой, обмотанной вокруг запястья. Огромная сила и динамизм подобны тайной пружине, скрытой где-то в глубинах его существа. Он выглядит таким молодым. Упругой походкой пересекает комнату и садится на низкий тахт. После этого он обычно перебирает малу, или поёт персидские песни, или иногда стихи из «Рамаяны». А иной раз просто беседует с Чаудри и тем другим человеком. Со мной он не говорит. Но между нами — как тайная связь, чувство единства, своего рода сообщничество, словно нечто, известное только ему и мне, словно настройка всего моего существа на него. Ничего не сказано. Улыбка и кивок, когда я уйду. Вот и всё.

Он сказал нам, что уезжает в Лакхнау. Перед отъездом, уже после полудня, он велел нам приходить, как обычно, каждый день, точно так же, как если бы он был здесь.

— **Если вы приходите только тогда, когда я здесь, это значит, что вы эгоистичны и хотите что-то получить. Служение — это состояние сердца.**

Я сказала ему, что сидеть здесь без него будет трудно, потому что мальчишки швыряют в нас камни. Он сказал, что велит об этом своей жене. Неужели он станет беспокоить жену такими пустяками? — сказала я, надеясь избежать неприятной обязанности сидеть здесь одной.

— **Моя жена не будет против,** — сказал он, — **мы любим гостей. Гости для нас священны. У нас всегда есть гости, которые постоянно едят у нас, пять-шесть человек ежедневно. Нет, вы желанны, отчего бы моей жене возражать? Наша культура иная; мы никогда не чувствуем себя потревоженными.**

Итак, я пришла и сидела там среди дерущихся, грязных детей.

8 января

ЕГО БРАТ СИДЕЛ с нами утром в глубокой дхьяне. Вдруг я заметила, что моё сердцебиение изменилось. Это было вполне ощутимо и совершенно внезапно. Сердце билось мощно, очень быстро, как большой сильный насос, всё билось и билось, и я задумчиво прислушивалась к нему. Сидеть в саду, открытой праздному любопытству оборванцев, которые играли вокруг моего стула, да ещё испуская отвратительнейший запах, было настоящим испытанием. Мне пришлось пожаловаться его брату, но нельзя же жаловаться беспрестанно. Едва он ушёл, они принялись за своё снова.

9 января

ПОЗДНИМ ДНЁМ он должен вернуться. Л. пришла утром посидеть со мной один час.

10 января

Я ПЫТАЛАСЬ НАСТРОИТЬСЯ на ход его мыслей. Одна простая мысль улавливается не слишком трудно, но весь поток мышления — чрезвычайно трудно. Мне кажется, что даже когда он думает об обычных, повседневных вещах, он пребывает на гораздо более высоком уровне. Но сегодня я настроилась на него на долю секунды — в тоске. Эта тоска живёт во мне уже несколько дней. Она сопровождается учащённым сердцебиением. Мощная и сильная, как притяжение, а временами — будто всё тело истекает, уходит в этой сильнейшей тоске, оставляя после себя какое-то изнеможение. Я сидела, как обычно, молясь Ему дать мне этого больше, больше этой тоски, ибо я способна вынести гораздо больше. Больше тоски, больше страха, сильного и бесконечного, и пусть он течёт в моих жилах, как жидкий огонь вместо крови. И вот тогда, на одно мгновение, я достигла его где-то в тоске. Он был в глубоком самадхи, и я была с ним — в бесконечном блаженстве, бесконечной боли нескончаемой тоски...

11 января

— МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ СДЕЛАТЬ ЭТУ ТОСКУ ЕЩЁ СИЛЬНЕЕ? — спросила я, наклонившись вперёд.

Он покачал головой.

— Нет, это не мой метод обучения. Я делаю это понемногу... постепенно. Исключение было сделано моим Почтенным Гуру Махараджем для моего старшего брата. Я поступаю иначе. Нельзя дать сразу пищу, рассчитанную на

шесть месяцев. Понемногу... Позже он сказал: Никогда не тревожьтесь; оставьте заботу мне, — добродушно рассмеялся он. — Тела различны... и нуждаются в различной пище. Одним нужен смех; тогда они должны идти туда, где есть смех. Другим нужно одиночество...

Я знала, что он имеет в виду Л. и меня. Ей нужен смех, и она упрекала меня в том, что у меня, по её мнению, нет чувства юмора. Я знаю, что мне нужно одиночество.

12 января

ДЕНЬ ЗА ДНЁМ сидеть в этой убогой обстановке, среди кричащей, шумной орды грязнейших детей, которые всюду носятся, беспрепятственно шныряют повсюду... временами это почти невыносимо.

Дважды я плакала от одного только отчаяния. Но самое мучительное — то, что я не получаю ответа ни на один вопрос. Стоит мне задать вопрос, как все присутствующие начинают его обсуждать, высказывая свои мнения, которые меня совершенно не интересуют, потому что я хотела услышать ЕГО ответ. А он сидит, слушает всех, вежливо улыбается, пока я в полном отчаянии не говорю, что всё-таки вопрос задала я и хотела услышать его ответ, а раз вместо него получаю лишь бесполезные споры от всех остальных, то больше ничего спрашивать не буду. И тогда он только поворачивается ко мне и улыбается самой выводящей из себя улыбкой.

С трёх часов ночи я не могла спать, но живот меня больше не беспокоил так, как в последнее время. Ванная комната далеко, через двор, и ночью туда трудно ходить. Пока оденешься, дойдёшь, вернёшься обратно, окончательно просыпаешься и уже не можешь снова уснуть. Я упомянула об этом в разговоре с ним. Кстати, я заметила, что как только я говорю ему о какой-нибудь неприятности или мелкой трудности, глядишь — трудности как не бывало! Таких случаев у меня уже было немало. Иногда я замечаю это лишь тогда, когда всё уже прошло. Да, нет никакой пользы в том, чтобы обижаться, бороться с обстоятельствами и ставить преграду; я не изменю ни Индию, ни людей, ни его окружение. Гораздо лучше решиться переносить всё терпеливо. Тем более что у меня уже было достаточно доказательств: в каких бы прекрасных местах я ни находилась, я их всё равно не вижу; я жажду быть в его присутствии — я увидела это в Адьяре.

— Критикуйте себя, критикуйте себя постоянно — и тогда вы куда-нибудь придёте.

13 января

КОГДА Я ПРИШЛА утром, я снова увидела, как дети справляют нужду прямо на мостовой перед воротами. У всех у них был зелёный понос... должно быть, какая-то болезнь, возможно заразная. Я знала, что рано или поздно должна буду сказать ему об этом — и не только ради себя. Я решила, что это необходимо... это опасно для всех, но не думала, что случай представится так скоро. Он стремительно вошёл — лёгким шагом, с одеялом под мышкой. Он был нарядно одет, потому что ожидали приезда его дочери, жившей где-то на Севере, примерно в середине утра. Он разговаривал со своими учениками и, казалось, весь сиял.

С моего места его индийская шапочка (*topi*) показалась мне похожей на кардинальскую. Я видела его профиль, бороду, живое выражение лица, когда он говорил и смеялся, и впервые заметила вокруг него особый свет. Какое-то сияние. Я не могла отвести от него глаз.

Приехала его дочь Дургеш, с нею пришли некоторые из членов семьи, ходившие встречать её на станцию, и все ушли внутрь. Мы с Л. сидели снаружи, когда он вышел и сел с нами на солнце.

— Бхай Сахиб, — начала я тихо.

— **Да**, — сказал он, и по выражению его лица я поняла, что он чувствует: я собираюсь сказать ему что-то неприятное.

И я сказала ему, что каждое утро все дети справляют нужду прямо перед воротами; я вижу это всякий раз, когда прихожу. Сад пахнет отхожим местом, и, входя в ворота, трудно не наступить на испражнения. Приходится осторожно перешагивать через них. Л. сказала, что это совершенно верно и чрезвычайно отвратительно. Он удивился. Я предложила спросить Пунам, его младшую дочь... и в этот момент Пунам вышла и, когда он её спросил, начала что-то долго рассказывать ему по-хинди. Он сильно рассердился и сказал, что позаботится, чтобы это больше не повторялось; у него есть три наружные уборные (туалеты внутри двора предназначены только для его семьи), и он позвал детей и начал их распекать.

Вышла его жена, и между ними завязалось оживлённое обсуждение по-хинди. Затем вошла женщина-уборщица, у которой только что умер ребёнок; она плакала, а Гуру говорил с нею, всё время восклицая: «**Хари Рам!**» Между тем я пыталась сказать ему, что у нас в стране мы не видим таких условий... человеческие существа живут, как животные, это совершенно недостойно и представляет собою зрелище тягостное. Такие условия я видела только в Старом Дели, где живут пакистанские

беженцы, — и, кажется, здесь, в его палисаднике, всё то же самое! А мне приходится сидеть здесь... это всё равно что сидеть в уборной; дети мочатся даже возле стульев, на которых мы сидим.

Л. тоже здесь, но её случай иной — она большую часть времени находится в полусознании, а я должна сидеть здесь в полном сознании, должна всё это выносить. Это психологическая пытка.

— **Да, да,** — быстро говорил он, словно нетерпеливо. — **Вы сказали Пушпе, что все они — мои дети, и совершили большую ошибку!**

— Да, признаюсь, — сказала я, — совершила, в самом начале.

— **Любой дурак мог бы вам сказать, что все они не могут быть моими детьми,** — сердито сказал он.

— Но если все они играют вместе, откуда мне было знать, кто чей! Сначала я подумала, что они и правда все ваши; потом поняла, что нет, и сказала Пушпе, что они принадлежат каким-то грязным людям, живущим у вас во дворе!

Я видела, что он раздражён, но продолжала говорить как можно быстрее, чтобы успеть сказать всё, что хотела, прежде чем нас прервут, а Л. помогала мне, говоря, что люди из Европы будут судить неправильно... мы не знаем условий в Индии. Он наклонился, подхватил на руки сидевшего на полу внука и вышел через ворота на улицу. Женщина-уборщица с ведром воды принялась за работу у входа. Через некоторое время он вернулся. Морщины на лбу уже не было... он доброжелательно улыбался. Я была рада, что сказала всё, что хотела, даже ценой его гнева; быть может, это поможет и другим, кто придёт сюда, и он прогонит этих ужасных людей. Но я сомневалась...

Он долго сидел с нами, много говорил и был очень добр. Ощущение силы было поразительным; я была натянута, как струна.

Вечером ему было нехорошо. Мы сидели до половины девятого, и, возвращаясь домой, я тревожилась за него. Судя по его словам, это была не его собственная горячка, а чья-то чужая, которую он взял на себя. Нам нужно, чтобы он был здоров — ради всех нас. Пришло много людей, в том числе и этот глупый старый свами. Он разговаривал с ними; а я радовалась уже тому, что просто сижу там. Дома я немного поела, легла и стала молиться за него... и, молясь, заснула. Несколько раз просыпалась ночью, и всякий раз, открывая глаза, видела перед собой его лицо. Всё моё тело было наполнено великой вибрацией.

14 января

СЕГОДНЯ УТРОМ он выглядел удивительно хорошо; синеватый свет из окна ложился на его бронзовую кожу, и лицо его казалось благородным, почти царственным. Я молилась за него.

Позже, когда мы все сидели снаружи, он сказал мне, чтобы я не ложилась сразу после еды, а немного походила по комнате взад и вперёд, или помолилась, или помедитировала.

— Как только вы ложитесь, приходит сон; это нехорошо; постарайтесь медитировать и заснуть во время медитации.

Глава 14 Четыре двери

15 января 1962

ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ МЕДИТИРОВАЛА, как было велено. Это было подобно огню, и никогда прежде я не могла молиться так, как молилась теперь. Теперь молитва, кажется, исходит из самого сердца, словно без всякого усилия, и представляет собой излияние Души к Богу....

Спала плохо, проснулась в 2 часа ночи. Каждый раз, когда я молюсь, я ясно вижу его лицо, словно молюсь ему. Оттого ли это, что мой Бог не имеет атрибутов? Беспредельность Жизни, Вечный Неизменный Закон?

Оттого ли, что он — посредник между ЭТИМ и мною, я вижу его лицо и, кажется, молюсь ему??

16 января

Я ДОВЕДЕНА ДО ТАКОГО СОСТОЯНИЯ, что всюду вижу его мысленный образ. Ни на одно мгновение я не остаюсь одна. Это странное чувство. Где-то глубоко в теле горит огонь, но я не могу определить, где именно. Даже ощущается жар, и куда бы я ни взглянула, я вижу его во всём, словно он вездесущ и весь мир — это он. Странно....

Сегодня утром он вовсе не вышел. Я сидела одна и чувствовала досаду. Когда пришла Л., она вошла внутрь, а выйдя, сказала, что он совсем не выйдет, и потому мы решили поехать в Аллан-Форест.

Через полчаса мы отправились туда на рикше. День был чудесный, солнечный. Мы провели приятный, мирный день. Л. рассказывала мне о своём Гуру Махарадже, которого встретила за год до его смерти. Он был очень мал ростом, хрупкого сложения; ему было за девяносто, и он почти ослеп.

«Старость никогда не могла представляться мне прекрасной; мы, на Западе, слишком уж обусловлены греческим понятием красоты, а красота для греков — это молодость и сила, — говорила она. — И всё же я нашла его таким прекрасным. Я не могла говорить с ним, потому что он не знал английского; всё, чего я хотела, — стать его ученицей. Но он сказал, указывая на Бхаи Сахиба, который служил переводчиком: “Вот мой мальчик, он о тебе позаботится!”

Я была не слишком довольна, потому что хотела, чтобы моим Гуру был он сам, но через год он умер».

18 января

СЕГОДНЯ УТРОМ ОН ВЫШЕЛ так, словно был озарён внутренним светом. Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Казалось, он искрился, хотя здоровье его было плохим; он был слаб и не ел по нескольку дней. Я только смотрела и смотрела... этот свет — откуда он исходит? Казалось, он струится из самой его кожи и окружает его со всех сторон.

ВИДЕНИЕ: (сегодня утром, на грани сна и пробуждения) — его лицо в ослепительном свете; борода, выступающая словно живое пламя; глаза невидящие, страшные, глаза глубочайшего самадхи — и это лицо улыбается мне... эта улыбка — как неодолимый призыв, и я бросаюсь в неё, как ласточка в стремительном полёте ныряет вниз. На какую-то долю секунды было мгновение самого совершенного, самого невероятного блаженства, почти невыносимого... словно крайнее блаженство и крайняя боль были одним и тем же, неразделимым, и я ясно знала, что между абсолютным счастьем и абсолютной болью нет различия. Различна только наша реакция на это. Сердце моё всё ещё билось неистово, когда я окончательно пришла в сознание, и видение исчезло. Проснувшись совсем, я была полна изумления... недоумения. Как мотылёк, подумала я. О, как мотылёк — раствориться в Свете, исчезнуть навсегда! Блаженство небытия: неужели это ОНО???

19 января

СЕГОДНЯ УТРОМ ОН ВЫШЕЛ весь в белом и сел. Мой ум внезапно опустел, как если бы щёлкнул выключатель. Пришла Л. и тихо села. Никто не говорил. Его губы были плотно сжаты; взгляд устремлён вдаль.

— **Что случилось прошлой ночью?** — вдруг спросил он, глядя мне прямо в глаза.

Он поразил меня.

— Я не помню, — пробормотала я, — совсем ничего не помню; но, пожалуйста, скажите мне сами! — добавила я робко, потому что лицо его было таким холодным и суровым.

Он покачал головой.

— **О таких вещах не рассказывают, если ты сама не помнишь. Но Манас иногда помогает,** — прибавил он задумчиво и закрыл глаза.

А иногда и не помогает, подумала я. Я была совершенно ошеломлена, не могла собрать свои мысли — они, как испуганные мыши, метались во все стороны.

Манас.... Как же он прав: Манас — ничто! Потому что ЕСТЬ нечто другое; столь огромно, столь чудесно, а Манас бессилён — он ничего об этом не знает.

Потом он стал рассказывать нам, как человек сливается со своим Учителем, когда две Души становятся одной.

— Когда я был молод и жил с моей первой женой, я редко вступал с ней в супружескую близость. Каждую ночь я сливался с моим почитаемым Гуру Махараджем. Нет большего блаженства, чем то, когда две Души с любовью сливаются в одну. Иногда сливается и тело. Как это происходит? Что ж, Душа пронизывает тело, понимаешь, вот так это и бывает. Тело в этом участвует, входит в это как отражение, если можно так выразиться. И нет в мире блаженства выше этого: быть Единым со своим Учителем.

20 января

ВОПРОС О СЛИЯНИИ. Я хотела узнать больше об этом слиянии; мне было это совсем неясно. Как можно достичь физической сдачи на высших уровнях сознания? Он всегда говорил, что и физическая сдача необходима. Я не могу вообразить, как это возможно? Как понять возможность примирения плотного физического уровня с уровнем атмическим?

— Прошу, помогите мне, я так растеряна, — умоляла я.

Я была подавлена и обескуражена, думая и думая, ни к чему не приходя, пытаюсь понять то, что казалось совершенно непостижимым.

Он слушал, улыбаясь и легко перебирая свою малу.

— Я не хотел говорить тебе об этом раньше, — тихо сказал он. — О некоторых вещах не следует говорить свободно, пока не придёт для этого время. Как ты сама сказала, сдача тела может быть достигнута гораздо глубже, интимнее и полнее, чем в половом соединении. В половом соединении всегда остаются двое. Какая же тут может быть единость? А здесь это совершается, и это может быть совершенно. Я говорил тебе вчера: Атман, или Душа, пронизывает тело, присутствует в каждой клетке, в каждом атоме тела. Так вот, дух сливается с духом; здесь не два тела, как на физическом уровне, — а одно.

Вот почему это столь полно. Физически, разумеется, в соединении всегда будут двое; но в духе — нет. Тут, собственно, и понимать нечего... так просто. Он улыбнулся.

— Но как ум примирит это? Понять это кажется невозможным!

— **Манас постепенно сможет это примирить. Пусть придёт время.**

Мне пришлось этим удовлетвориться. Сегодня он выглядел так хорошо — никакой усталости, лицо сияло золотистым светом, весь в белом, глаза полны света, трудно смотреть в них, трудно выдерживать его взгляд.

Стали приходить люди. Много людей. Много разговоров и смеха, некоторые, как обычно, сидели в глубокой дхьяне. Он был полон веселья и блеска, смеялся и шутил. У него было большое чувство юмора; он умел смеяться и над собой, и над другими, но так, что это никогда не ранило — он никого не задевал.

День был ветреный. Белые облака гнались друг за другом. Он сидел в кресле, подтянув ноги, опираясь подбородком на колени; разговор шёл главным образом на хинди. Вдруг он повернулся ко мне:

— **Представь себе, что в Духовную Жизнь ведут четыре двери: дверь игры, дверь вина, дверь воровства и дверь секса. И представь, что тебе сказано: чтобы прийти к духовности, ты должна пройти через одну из них; что бы ты сделала?**

Он смотрел на меня сияющей улыбкой. Мне пришлось отвести глаза: он был окружён ослепительным светом; даже его белое одеяние как будто излучало свет. Моё сердце беспомощно ударилось о рёбра и остановилось. Я перевела дыхание. Ум совершенно опустел... Я беспомощно посмотрела на него.

— Он задал тебе вопрос о дверях, а ты не ответила! — сказала Л.

Он ожидательно смотрел на меня; я чувствовала на себе все взгляды.

— Я не знаю ответа, дорогой мой, — сказала я, стараясь справиться с бешеным дыханием.

Он повторил:

— **Ну так что ты сделаешь? Скажи мне, если только через эти двери ты можешь прийти к своему Богу.**

Теперь он уже смеялся открыто, глядя прямо на меня.

Это всегда создаёт для меня трудное положение — я не могу даже думать, когда он смотрит на меня, а уж говорить... я сознаю, что всё путаю. На этот раз усилие быть связной казалось сверхчеловеческим.

— Ну, — замялась я, — я полагаю, если мне придётся войти через дверь игры, значит, мне сперва придётся играть, чтобы пройти через неё; если это дверь вина, полагаю, мне придётся напиться; если дверь воровства — украсть что-нибудь, а если... — и тут я остановилась.

Вокруг сидело много людей, в основном мужчины, все слушали каждое слово.

— **А если это дверь секса?** — спросил он, и в глазах его сверкнула лукавая искорка, а на губах едва обозначилась улыбка.

— Ну, тогда, полагаю, мне придётся сделать и это тоже, — быстро сказала я.

Я была в полном замешательстве, не понимая, к чему он клонит. Он запрокинул голову и громко расхохотался, весьма этим забавляясь. Не знаю почему, но меня внезапно охватило предчувствие. Его смех... почему?... каким-то образом он заставил меня содрогнуться.

Потом он сказал нам, что сегодня вечером мы все пойдём на концерт.

— **Оденьтесь нарядно,** — сказал он Л. и мне. — **Я тоже. Мы, суфии, любим красоту. То, что мы отреклись от мира, ещё не означает, что мы должны выглядеть жалко. Но и выделяться, привлекая к себе излишнее внимание, мы тоже не хотим. Мы не носим особых одежд, потому что это могло бы создать преграду между нами и другими людьми. Мы ведём себя, как другие, и одеваемся, как другие. Мы — обычные люди, живущие обычной жизнью. Мы нарядны среди нарядных, просты среди простых, но никогда не подаём дурного примера. Мы всегда будем жить в соответствии с высшей нравственностью. Мы всегда будем повиноваться закону той страны, в которой живём; но в действительности мы выше человеческих законов, ибо повинuemся лишь Закону Божьему. Мы однажды предались — и потому совершенно свободны!**

У ворот остановилась рикша. Вошёл молодой человек из того типа, который теперь так часто встречается здесь, — самоуверенный, довольный собой, убеждённый в себе, полуобразованный, тщеславный. Я не выношу этого типа.

К несчастью, подобных людей нынче слишком много в современной Индии. Он тотчас же, не теряя ни минуты, принялся расспрашивать Гуруджи о том, кто мы, что мы здесь делаем, как долго останемся и так далее. Потом повернулся к Л. и начал то же самое. Я всё больше раздражалась, потому что он уже устроил настоящее дознание о её степенях и званиях. Какая наглость! — к ней, которая имеет степень доктора санскрита Сорбонны в Париже, опубликовала книги по этому предмету, о которых, я была уверена, этот молодой петушок не имел ни малейшего понятия! Я больше не могла сдерживаться и довольно раздражённо сказала ему, что, в конце концов, мы значительно старше его, что совершенно неприлично расспрашивать о наших делах — это вовсе не его дело. Если он приходит сюда ради духовной жизни, к чему всё это праздное любопытство? Какое ему вообще до этого дело? Это бестактно и свидетельствует о дурном воспитании!

Он опешил и стал извиняться. Гуру, казалось, был огорчён; Л. поспешно сказала, что вовсе не возражает отвечать на личные вопросы, и создалось напряжённое положение. Позднее она сказала мне, что Гуру был расстроен тем, что я была невежлива с его гостем.

Я вернулась к 4 часам дня. Л. уже была там, очень нарядная. Он перебирал свою малу, а рядом с ним сидел этот ужасный юнец и без умолку говорил.

Я не спеша одевалась перед выходом. Уже много лет я так не суежилась из-за своей внешности. Это было так, словно я снова стала молодой, когда выглядеть как можно лучше — дело первостепенной важности. Чёрная бархатная блузка с настоящим гипюровым кружевом, золотисто-зелёная тафтовая юбка, мои лучшие итальянские сандалии. Я потратила время на причёску, уложила и покрыла лаком волосы, и капнула последнюю каплю своих французских духов.

Мы поехали на рикшах; я сидела с его братом, он поехал с тем юнцом, Л. — с его старшим сыном в третьей рикше.

Концерт был прелестен. Л. сидела рядом с ним, а я — рядом с ней. Никогда, о никогда в жизни я не наслаждалась музыкой так, как в тот вечер! В последнее время я, кажется, слушаю иначе — сердцем, а вовсе не умом. Я СТАНОВЛЮСЬ звуком, самой музыкой. Было ли это из-за высокого уровня исполнения, или дело было во мне, в моей восприимчивости, — не знаю.

Приступ чистой радости звенел в моей душе. Славно. Бесконечно.

Молодая женщина в чёрном сари, усеянном золотыми звёздами, пела раги. У неё был нежнейший, прекраснейший голос, полный преданности.

Потом вышел необыкновенный исполнитель на сароде, настоящий мастер своего инструмента; сарод звучал почти как человеческий голос. Сарод (струнный инструмент) — столь богатый инструмент, с бесконечными возможностями; и техника его была превосходной.

Последним выступал певец, очень хороший, с красивым голосом, но на него лучше было не смотреть — только слушать. Он рисовался, гримасничал, корчил рожи, словно его вдруг поражало слабоумие; рот у него кривился, глаза лезли из орбит. Концерт транслировался по сети Всеиндийского радио. Пригласительные билеты у входа собирал полицейский в парадной форме.

Бхаи Сахиб выглядел очень элегантно — узкие индийские брюки, длинный пиджак из шёлка-сырца со стоячим воротником, застёгнутым до самого верха. На следующий день профессор Радешам всё поддразнивал меня, говоря, что я выглядела, по его словам, просто «сокрушительно» в своём вечернем наряде. Домой мы вернулись на машине.

Нас подвёз свёкор Пушпы. Мы очень легко поужинали, и я, с головой, всё ещё полной дивной индийской музыки, легла спать.

Глава 15 Страж на пороге

И ВОТ ТОГДА, В ЭТОТ МИГ, как раз когда я удобно вытянулась, натянув на себя одеяла, я с удивлением почувствовала вибрацию, ЗВУК в нижней части живота. Я села от изумления. Нет, я не ошибалась — это был звук, и я прислушалась к нему... никогда прежде не испытывала ничего подобного. Он походил на мягкое шипение и ощущался как лёгкое щекотание, словно прикосновение крыльев бабочки, какое-то трепетание или, скорее, вращательный звук, как будто крутилось колесо. Очень странно.

В моей голове мелькнуло подозрение, что, возможно, это предвещает какую-то беду, но какую? Где-то в глубине жила тёмная, глубокая тревога, но где именно? Это было настолько чуждо моему телу, так необычно, так внезапно....

Мне не понадобилось много времени, чтобы это понять. Без малейшего предупреждения на меня нахлынуло могучее сексуальное желание. Это было просто желание, не направленное ни на какой определённый предмет, просто желание как таковое, неудержимое, какая-то дикая космическая сила. Я сидела беспомощно, дрожа от страха. Господи, что происходит? Я попыталась прислушаться, ПОЧУВСТВОВАТЬ, откуда исходит эта вибрация — где именно она была? И тогда я поняла: у основания позвоночника, чуть выше ануса, — я совершенно отчётливо чувствовала её там. Должно быть, это Муладхара-чакра! (психический центр у основания позвоночника). Я похолодела от ужаса. Это был *coup de grâce*! — подумала я... он активировал Муладхара-чакру у основания позвоночника и оставил Кундалини там, чтобы я варилась в собственном соку....

Началась самая страшная ночь моей жизни. Никогда — даже в дни молодости — это тело не знало ничего, хотя бы отдалённо сравнимого или похожего на то, что теперь! Это было не просто желание — это было безумие в его низшей, животной форме, пароксизм полового вожделения... дикий вой всего женского во мне по мужскому началу. Всё тело было ТОЛЬКО СЕКСОМ; каждая клетка, каждая частица кричала о нём, даже кожа, руки, ногти, каждый атом. Мне казалось, что волосы у меня стоят дыбом, словно наполненные электричеством, волны безумной «гусиной кожи» пробежали по всему телу, заставляя каждый волосок вставать торчком... и это ощущение было мучительным.

Но непостижимым было то, что сама мысль о какой бы то ни было близости была мне отвратительна и даже не приходила в голову. Тело тряслось... я кусала подушку, чтобы не завывать, как дикое животное... я была вне себя — самое безумное, самое невероятное, что только можно вообразить, столь внезапное, столь violent, столь неистовое!

Казалось, тело ломается под напором этой силы. Всё, что я могла, — держать его неподвижным, натянутым, вытянутым во всю длину. Я чувствовала болезненное напряжение в чрезмерно растянутых мышцах, как при судороге; я оцепенела, не могла шевельнуться. Ум был совершенно пуст, очищен от всякого содержания; никаких образов, только неуправляемый страх, первобытный, животный страх. И это продолжалось часами. Я дрожала как лист... немая, беспомощная, трепещущая медуза, увлекаемая силами, совершенно неподвластными человеческой воле. Внутри моих внутренностей горел огонь. Ощущение жара то нарастало, то спадало волнами. И я ничего не могла сделать... была в полном душевном смятении.

Не знаю, сколько это длилось, и уснула ли я от полного изнеможения, или потеряла сознание. Утром всё тело дрожало и тряслось. Чашка чая показалась горькой. Меня мутило.

21 января 1962

КОГДА Я БЫЛА У НЕГО, я неотрывно смотрела на него, полная страха. Казалось, теперь со мной всё в порядке. Ужасная вибрация исчезла. Тело казалось нормальным, только очень слабым. Ужасный юнец сидел рядом с ним и говорил. Он время от времени отвечал, но было ясно, что почти не слушает — в основном он пребывал в глубоком состоянии. Я села и огляделась; всё было как обычно. Если бы тело не было таким слабым и не ощущалось как раненое, трудно, даже невозможно было бы поверить, что ночные события были реальны.

Кто ты? — думала я, глядя на его неподвижное лицо, такое безмятежное, такое далёкое, явно не принадлежащее этому миру. Кто ты? Кто способен сделать такое с телом другого человека?

Казалось, он вовсе не замечает меня. Но я заметила, что всякий раз, когда он отвечал, прежде чем снова погрузиться в глубокое состояние, он бросал в мою сторону взгляд с какой-то жестокой полуулыбкой; глаза его были невидящими — или, быть может, видели, но нечто за пределами физического мира. И всякий раз, когда он это делал, в нижней части живота я ощущала стремительную, пронзительную боль, как удар кинжала у основания позвоночника. Вибрация начиналась сначала очень мягко, потом вполне ощутимо... никакого другого чувства, кроме низкого гудящего звука. Это было так таинственно, так страшно. Это сведёт меня в могилу, думала я. Я уже не молода; это тело не выдержит и рассыплется. Даже самый крепкий организм не сможет долго выдерживать подобное.

Я чувствовала страшную усталость. Пыталась отдохнуть днём, но тело было натянуто, как струна, а что-то глубоко внутри всё горело, горело, и я даже СЛЫШАЛА мягкое, шипящее звучание... это было ужасно....

Вечером он рассказал нам историю из «Махабхараты»: когда Драупади собирались сжечь заживо вместе с её мёртвым мужем, каков был обычай в древней Индии, Бхима убил всех, кто хотел это сделать. Арджуна жил при царском дворе, скрываясь под видом евнуха. Он учил женщин пению и игре на флейте.

— О Арджуна, — сказала Драупади, — что ты здесь делаешь? Почему ты скрываешься, ничего не предпринимая? Посмотри на своего брата, на его деяния — как он силен и могуч!

— О Драупади, — сказал Арджуна, — да, я скрываюсь. Но скоро придёт, уже приходит время, когда ты больше не узнаешь меня, и тогда увидишь, как я снова силен!

Сперва ни Л., ни я не поняли смысла, и он сказал, что это было сказано для меня. Я это почувствовала, но всё же не могла уловить. Но когда я взглянула между его бровей и тут же опустила глаза, как он велел мне делать, если я хочу узнать его мысль, смысл внезапно вспыхнул во мне:

«Ты видишь меня таким — больным, слабым; я скрываюсь. Скоро ты увидишь настоящего меня; скоро ты увидишь мою силу!»

Он лишь кивнул, и Л. согласилась, что толкование, должно быть, верно.

22 января

НОЧЬ БЫЛА ЕЩЁ ХУЖЕ, чем первая, — если такое вообще возможно. Это было невыносимо. Полубессознательная от желания, вышедшая из себя, я вдруг заметила в тёмной комнате вокруг себя нечто вроде клубящегося тёмно-серого тумана. Пытаясь всмотреться, я различила странные движущиеся очертания, а вскоре смогла разглядеть отвратительные существа или вещи — ухмыляющиеся, непристойные, все в совокуплении, элементарные твари, подобные животным, предающиеся диким половым оргиям. Я была уверена, что схожу с ума.

Ледяной ужас сжал меня: галлюцинации, безумие — для меня нет надежды, сумасшествие — вот конец. Я зарылась лицом в подушку, лишь бы не видеть — о, не видеть — может быть, тогда это уйдёт, исчезнет. Но пробуждённое в моём теле желание заставляло меня смотреть.

Они творили ужасные вещи. Я даже не знала — по крайней мере в этой жизни, — что возможны такие отвратительные извращения: с собаками, с людьми, с мужчинами и женщинами, с лошадьми, с самыми жуткими паукообразными существами, бесстыдно выставляющими свои половые органы, — гротескный ритуал, всё двигалось вокруг, всё ухмылялось мне, танцевало, серые тени.... В ту ночь я узнала вещи, о существовании которых никогда не подозревала. Никогда не знала? Но если я этого не знала, то КАК могла видеть? Значит, всё это было где-то в моей глубине, иначе как, как я могла это видеть? Всё это должно было быть во мне. Я была уверена, что схожу с ума. Я никогда не подозревала, что человеческий ум способен пережить такую глубочайшую мерзость, ибо это было НЕ В ПРЕДЕЛАХ человеческого опыта. На меня навалилась такая беспомощность, такая чёрная тоска; я стала добычей неведомых мне ужасных космических сил.

После совершенно бессонной ночи, вся дрожащая, утром я была так слаба... и полна стыда.

Я рано пошла к нему и села в кресло в саду, ни о чём не думая, просто будучи до такой степени обессиленной, что едва могла поднять голову. Он вышел необычно рано, вскоре после девяти. Не глядя на меня, сел и начал свои молитвы. Всё было тихо. Утро стояло прелестное, солнечное. Звуки казались приглушёнными — щёлканье чётков, скользящих в его пальцах, движение транспорта за воротами, внезапное стрекотанье бурундука. Сердце колотилось как сумасшедшее, голова кружилась. Я встала, ноги дрожали. Сделала несколько шагов вперёд, упала к его ногам, обеими руками обхватила их и прижалась лбом к пыльной земле.

— Почему? Почему? Что происходит с вами?

Словно он не знал... я не могла не испытывать горечи.

Я поднялась, вернулась к своему креслу и села, низко опустив голову. Сердце готово было вырваться из груди. Он как будто не понимал... или НЕ ХОТЕЛ понимать. Это был безмолвный крик о помощи; но как МОГЛА я сказать ему? Я не могла даже смотреть на него, не могла говорить с ним. Что можно было сказать в подобных обстоятельствах?

У него я ничего не видела — никаких теней, ухмыляющихся дьявольской насмешкой; но я знала, что, как только вернусь домой, ночью всё будет совсем иначе.... О Боже, помоги мне! Я лишь сидела там, наполовину мёртвая.

Пришла Л. Она сказала, что счастлива и спала хорошо.

— **Спросите миссис Твиди, счастлива ли она!** — рассмеялся он.

Это было больно.

— Я не могу, — ответила Л. — миссис Твиди то в небесах, то в бездне; я не могу за ней поспеть!

Я покачала головой:

— Всё кончено; для меня больше нет ни подъёмов, ни падений. Это конец.

На глазах у меня были слёзы. Неужели эта пытка НИКОГДА не кончится? Л. удивлённо посмотрела на меня, и пока Гуру разговаривал с только что пришедшим молодым человеком, я вкратце рассказала ей по-французски о своём мучении. Её изумление было велико.

23 января

И СНОВА НОЧЬ была сущим адом. Существа были теперь ближе, уже вокруг моей постели — так близко, что временами в чистом ужасе я вынуждена была нырять под простыню. Казалось, вся комната была полна ими, в непрерывном движении, в совершенной тишине — ни малейшего звука, только призрачный танец непристойных фигур и действий. Не это ли называют «Стражем на пороге»? Все эти пороки, должно быть, были во мне! Милосердный Боже, помоги мне! Для меня нет иного спасения, кроме сумасшедшего дома в Индии. Мягкая камера! Вот чем закончится история моих поисков духовности! Я пришла в тупик своего «духовного» стремления!

Тело дрожало, голова была пуста, меня мутило, и я пришла к нему поздно. Сегодня утром он чувствовал себя плохо. Это было очевидно. Он вышел поздно и сел с нами на солнце. Утро было прохладное. Несмотря на хрупкость, лицо его было полно внутреннего света. Он не слишком смуглый. Северные индийцы гораздо светлее южан. А некоторые и вовсе очень светлокожи, как, например, муж Пушпы или её свёкор.

Он сидел, скрестив ноги, в кресле, в тёмно-коричневом пальто. Через некоторое время он отправил Л. за печеньем, потому что ничего другого сейчас не мог переваривать. Воспользовавшись её отсутствием, я решила, что лучше сказать ему — так больше продолжаться не может. Может быть, он поймёт, насколько это тяжело, и поможет мне. С нами сидел только один человек, но я знала, что английского он не понимает. Я рассказала ему.

— **Да, да,** — всё повторял он, словно испытывая беспокойство. — **Очень плохо?**

— Ужасно! — сказала я. — Невыносимо!

— **Будет лучше,** — сказал он. — **Будь терпелива.**

Вот и всё... и он ушёл внутрь.

24 января

СТАЛО ЛУЧШЕ. Ночь была не слишком плоха. Каждый раз, просыпаясь, я ощущала какие-то смутные присутствия, но была слишком измучена, чтобы обращать на это внимание.

Он вышел всё ещё очень слабый, но сказал, что чувствует себя немного лучше. Он сильно кашляет, но сказал, что рвота прекратилась и он уже может немного есть.

Я спросила, справедливо ли по отношению к нему, что я сижу не далее чем в пяти футах от него с этой Шакти (силой) в своём теле; не мешает ли это ему?

— **Ты ещё далеко не там, если думаешь, что можешь мне помешать,** — покачал он головой с неодобрением. — **Держаться вдали будет только хуже; воображение начнёт работать.**

Я была рада. Держаться вдали было бы адом. Я боюсь оставаться одна.

— **Рассказывай мне свои сны, но не рассказывай их Л. Иначе Путь будет у тебя отнят.**

25 января

— **ТЕРПИ ЭТО,** — сказал он. — **Сдерживай это; если не сможешь, ты должна исповедать это мне.**

Мне хотелось провалиться сквозь землю вместе со стулом, на котором я сидела.

СОН: я была в больнице. В приёмную вошла медсестра и сказала:

— Перед тем как вы покинете это место, необходимо обследовать ваше сердце.

Я увидела, как по коридору проходит кардиолог в разговоре с Бхаи Сахибом. Он был высок, хорош собой, с острой чёрной бородкой на мусульманский манер и

элегантно одет в хорошо скроенный европейский костюм, но явно не был европейцем; он выглядел человеком Востока. Поверх европейского костюма на нём был белый медицинский халат до колен; у него был красивый, светлый цвет лица; он мог быть родом с Ближнего Востока. Я уже была раздета и на мне оставалась только короткая одежда до колен. Он приложил стетоскоп к моему сердцу. Надеюсь, он не заметит, что сердце у меня бьётся с перебоями, подумала я. Бхаи Сахиб стоял в дальнем конце комнаты.

Позднее я вошла в комнату с большим окном на противоположной стене, из которого был виден кусок голубого неба и сад, полный деревьев. Множество людей сидели на полу; комната была полна; все они были обращены лицом к окну и спиной к двери, в которой я стояла. Все пребывали в глубокой медитации.

— Толкование тут не требуется. Символика совершенно ясна; твоё сердце подвергается исследованию.

Лицо его было жёстким и бесстрастным. Я не осмелилась спросить дальше. Он выглядел худым. Ему нехорошо, подумала я, с тревогой глядя на него. Его мучил кашель. Вскоре он вошёл в глубокое состояние. Моё сердце устремилось к нему с глубокой жалостью. Л. не пришла. Через некоторое время я ушла.

26 января

— НЕ КАЖДЫЙ ШИШЬЯ приходит сюда ради высшего состояния. Не каждому шишье предназначено достичь высшего состояния. Шишьи избираются.

Сколько учеников было у моего отца и у моего почитаемого Гуру Махараджа?

Может быть, не сотни, но много. И сколько было избрано? Только двое. Шишья должен следовать за Гуру шаг за шагом.

Угоджай Гуру, и он позаботится обо всём остальном. Это называется «Гуру Крипа», милость Гуру.

Л. сказала, что в книге Абинавагупты есть прекрасное место, где сказано:

«Шишья достигает высшего состояния, пользуясь малой Гуру как лестницей».

Сегодня утром, выйдя, он прежде всего сказал, что его дочь Дургхеш родила девочку.

— Она такая красивая, — сказал он с сияющей счастливой улыбкой.

Мы все поздравили его. Должно быть, прошлой ночью он пребывал в очень глубоком состоянии; атмосфера в комнате была невыразима. Я сказала ему это, и он подтвердил — да, он был в очень глубоком состоянии и совсем не спал.

— **А ты как? Есть какие-нибудь трудности?**

— Много! Я стараюсь справляться. Думаю, что всё же не сойду с ума.

— **Нет, никакой опасности в этом нет,** — сказал он, и лицо его было очень неподвижно. — **Нет, я здесь.**

Моё сердце потянулось к нему. Я была в надёжных руках. Нет нужды бояться.

— **Разве бывает огонь без дыма?** — спросил он днём. Он сидел в большом кресле, и свет заката из открытой двери падал ему на лицо.

— Нет, — ответила я.

— **А что такое дым?**

— Это нечистоты, которые изгоняются, потому что не могут быть поглощены огнём.

— **Верно,** — коротко кивнул он.

27 января

СЕГОДНЯ УТРОМ ОН ВЫШЕЛ ПОЗДНО. Уже сидело много людей, и он не заговорил с нами. Позднее Л. задавала вопросы о Кундалини. Я сидела на солнце далеко от них, не желая быть бестактной. В конце концов, Л. уже столько лет его ученица; возможно, им хотелось говорить о вещах, не предназначенных для начинающих.

Ночи — сплошной кошмар. Каждый вечер я боюсь идти домой... часами лежу неподвижно, пытаюсь сдержать это моё тело, которое сотрясают силы, почти слишком могущественные, чтобы им можно было сопротивляться. По утрам я дрожу; колени подкашиваются, я едва могу ходить; сильное чувство тошноты. Я ем совсем мало и часто удивляюсь, как это прочие функции тела продолжают, по-видимому, идти своим чередом. Удивительной выносливостью и силой наделён человеческий организм. Но сколько ещё это может длиться?

Как долго тело выдержит, не заболев?

Сегодня утром он выглядел таким усталым и слабым, как котёнок... глядел куда-то вдаль, лицо его было тёмным, словно исполненным боли.

— **Да, да,** — рассеянно сказал он, отвечая на мои мысли. — **Ты можешь спросить!**

— Есть ли разница между душами мужчин и женщин? Мне кажется, что на духовном уровне никакой разницы быть не может.

— **Да, Душа есть Душа, Атман есть Атман; различие существует только на физическом плане.**

Он умолк. И я тоже молчала. Я чувствовала такую слабость, что едва могла думать, и болезненное, обморочное чувство под ложечкой всякий раз, когда он случайно смотрел на меня. Думаю, это было от страха....

Все присутствующие были в глубокой дхьяне. Индийские ученики сидели, скрестив ноги, на нескольких тахтах, на стоящих вокруг скамьях или на стульях.

Лицо Л. было так спокойно. Он начал тихо говорить:

— **Если к тебе приходят гости, ты будешь развлекать их, даже щедро, если можешь себе это позволить; но разве отдашь им своё имущество? Конечно нет. Твоё имущество предназначено для сыновей и наследников. У Гуру может быть много шишей. Не каждому шише предназначено достичь высокого уровня. Люди находятся на разных ступенях эволюции. Не каждый шиша приходит сюда ради высшего состояния. Гуру связан долгом; он даёт то, что требуется, согласно потребности. Гуру всегда делает выбор.**

Я сидела очень тихо. Моё сердце таяло от благодарности.

— **С тобой было сделано нечто такое, чего я обычно не делаю так легко.**

Он умолк на некоторое время.

— **Но ты приехала издалека, поэтому я это сделал. Связь с Мастером — раз и навсегда, и развода здесь не бывает.**

Он снова умолк. Всё было так тихо, так мирно. Казалось, даже сад прислушивается. Где-то высоко в манговом дереве лёгкий ветер шевелил листву... щемящее чувство смысла, какого-то утраченного, давно забытого блаженства.

Вошли двое мужчин, и он заговорил с ними на хинди, а потом запел на персидском. Но перевода не дал. Я размышляла над тем, что он только что сказал мне... тёплое чувство глубокой благодарности наполняло моё сердце. Я ДОЛЖНА всё вынести. ДОЛЖНА. Даже если это сломает меня. Он знает, что делает. Я не должна бояться, должна выдержать... не стать для него разочарованием.

30 января

ПОЛНОСТЬЮ ОЦЕПЕНЕВШАЯ, лежу, как можно сильнее втянув мышцы нижней части живота; только так удаётся хоть немного облегчить невыносимое напряжение в нижней части тела. Так и лежу часами, сдерживая тело, стараясь сдержать ум, чтобы он не уносился в воображаемое. Жгучие огненные токи внутри; холодная дрожь снаружи волна за волной пробегает по ногам, рукам, животу и спине вдоль позвоночника, заставляя все волосы на теле вставать дыбом. Как будто весь организм наполнен электричеством. Постепенно все мышцы бёдер и живота начинают болеть от напряжения. Но эта боль, понемногу усиливающаяся от длительного усилия, каким-то образом помогает ослабить желание. Ужасные образы здесь; иногда они видны ясно, иногда смутно. Странно, но я к ним привыкаю. Обычно от полного изнеможения мне всё-таки удаётся провалиться в тяжёлый сон хотя бы на несколько часов; просыпаюсь с пересохшим ртом и головой, тяжёлой, как свинец. Крепкий кофе и аспирин после ванны помогают.

31 января

Я ПРОСНУЛАСЬ около двух часов ночи с отступающим в глубину мысленным образом: ясная картина — он сидит, скрестив ноги, завернувшись в белое одеяло, которое я подарила ему несколько месяцев назад; на голове у него коричневая шерстяная шапочка. Она закрывала половину лба... были видны только сияющие глаза. Он улыбался мне.

Я проснулась с этим живым образом в уме, и как только мои мысли прояснились, я с удивлением поняла, что моё тело, кажется, поёт... буквально так. Поёт тихо и покоится в Нём, в глубочайшей заводи мира. Мне показалось, что никогда в жизни я не знала такого безмятежного блаженства! Я с облегчением вытянулась на постели; ни мучения, ни напряжения, только тишина и какой-то ЗВУК во всех тканях, словно всё тело вибрировало в радости, под свою внутреннюю музыку... каждая клетка, каждая частица была счастлива сама по себе. Всё моё существо, казалось, изливалось ровным потоком, но мягко, тихо, исполненное неземного покоя. Это длилось довольно долго. Я пыталась думать, пыталась анализировать, понять, что происходит. Не было ли это чувством Совершенной Любви, чувством Сдачи? Я не

могла знать. И это не имело значения. Не по-настоящему. Имело значение только то, что ужасное напряжение ушло. Но могу ли я быть уверена, что оно не вернётся?

Как только я пришла, он спросил меня, как я себя чувствую. Я сказала, что мне намного, о намного лучше! Кажется, эта беда ушла. Он быстро взглянул на меня и продолжил ходить взад и вперёд с малой в руке. Он выглядел очень больным. Позже Л. сказала мне, что он уже много дней совсем не ест и сильно страдает от рвоты. Кожа у него была сероватая, и сам он казался старым и измученным.

Я думала о приёме у профессора Радешама на днях. Меня пригласили вместе с Л., Пушпой и её семьёй — только дедушка не пришёл. Гостями были главным образом высокие государственные чиновники с жёнами, один член парламента с женой, профессора университета, преподаватели и прочие. Всё было очень изысканно, чудесный дом, и еда превосходная. Я чувствовала себя там совсем чужой. Передо мной был мир, который был мне знаком, среда, к которой я привыкла, мир, который я знала... мой мир до сих пор. Какая разница между этим миром, ещё совсем недавно бывшим моим, и миром Мастера!

Глядя на них, я думала, как поразительно они похожи на нас, западных людей, по своему складу ума; только одеты иначе, еда другая, и хотя они были индийцами, людьми Востока, в глубине их человеческая природа, их ментальность так напоминала ту, что я знала на Западе. Но мир Мастера, тёмный, тревожащий, оставался для меня неизвестным, тёмной terra incognita, полной загадок, беспокойной тайной, и Бог знает, каких скрытых страданий. С этого времени это был мой мир. Я сама его выбрала. Больше чем когда-либо прежде жизнь мира, какой я её знала, казалась мне пустой, лишённой всякого смысла... пустой оболочкой. И я поняла, почему, однажды вступив на духовный путь, уже нельзя вернуться назад: не потому, что существуют некие тайны, которые нельзя открыть, но просто потому, что возвращаться уже не к чему. Мне пришла на память фраза из *Писем Махатм к мистериу Синнетту*: «Если хочешь прийти к нам, ты должен оставить свой мир и войти в наш».

Глава 16 Жизнеописание грехов

1 февраля 1962

«ТЫ ДОЛЖНА ЗАПИСАТЬ все дурные поступки и злые дела, которые совершила с самого детства. Это послужит исповедью, своего рода жизнеописанием твоих грехов. Иначе однажды Бог может призвать тебя к ответу; но когда виновный исповедуется, он становится свободен. Каждый должен это сделать. Л. тоже должен был это сделать. Ты должна сделать это, если хочешь быть принятой на Арену. Иного пути нет. Исповедь должна быть; перед твоим Учителем не должно оставаться тайн».

Меня пробрал холод. Это был неожиданный удар. Как я могу вспомнить все дурное в своей жизни? Какая страшная задача! Но я поняла ее ценность.

Он сидел на тахте, подтянув колени к подбородку; шерстяная шапочка, которую он надевал на ночь, почти целиком закрывала ему лицо.

Он выглядел таким суровым; голос его был усталым. Я пошла домой и долго плакала, не в силах остановиться.

Это какое-то травматическое состояние: слезы, а порой и без видимой причины, забывчивость, приступы темных, страшных страхов — все это, очевидно, ненормальные реакции; я преувеличиваю значение некоторых событий, которые вовсе не важны, и, с другой стороны, пренебрегаю важными обязанностями. Все это выглядит нехорошо; будем надеяться, что это пройдет, не причинив моему душевному состоянию непоправимого вреда.

После полудня мы пошли гулять. Когда я заметила, что могу ошибиться один раз, но не во второй, Л. рассмеялся и прочел мне целую проповедь, из которой следовало, что так говорить никогда не следует. «Надо привязаться к чему-то. Лучше говорить и думать так: с Его Волей я смогу это сделать. Тогда в том, что ты делаешь или чего достигаешь, не останется гордыни».

2 февраля

МЫ СОВЕРШИЛИ чудесную бодрую прогулку по парку. Он снова говорил, что значение имеет лишь Воля Возлюбленного. Влюбленный — мертвая вещь в руках Возлюбленного. Я сказала ему, что вчера плакала из-за своего шаткого состояния. Я подвергаюсь необычному напряжению, и не только этому, но еще и думала, что он мной недоволен.

Чтобы доставить Л. удовольствие, мы зашли в розарий, весь похожий на море красок и благоухания. Она рассказывала нам, что в следующем месяце поедет в Кашмир к своему гуру санскрита.

Вечером пришло много людей, и мы с Л. сидели молча. Шел разговор на урду. Спустя некоторое время он спросил меня, почему я думаю, что он мной недоволен, ведь это не так. Я попыталась объяснить.

«Я в действительности никогда не бываю недоволен; ученику дается шанс снова и снова, сотни раз; хороший Учитель никогда не бывает недоволен, никогда».

Но я не могла до конца в это поверить и была очень подавлена.

3 февраля

НЕСМОТРЯ НА ВСЕ МОИ тревоги, я хорошо спала. В последнее время меня это не так сильно мучит. Он отвел это, по Своей Милости, чтобы дать мне передышку, как я полагаю.

Л. говорил, что Бандхара (открытие врат благодати) приближается и он преобразится... он будет исполнен света.

Я и так вижу вокруг него много света, но ничего не сказала ей.

Сегодня вечером, когда мы гуляли по парку, он сказал мне, что хочет, чтобы я купила несколько электрических лампочек, которые понадобятся для Бандхары. Я почувствовала раздражение. Сказала ему, что у него вокруг сидит столько молодых мужчин и мальчиков и ничего не делает — например, его сыновья. Я пожилая женщина; посылать меня с такими поручениями неправильно. И мало того, он ведь прекрасно знает, что меня вечно обманывают; мне всюду приходится платить больше, потому что я европейка. Мои кашмирские друзья никогда не позволяли мне ничего покупать самой, потому что знали, что меня всегда обсчитывают.

Он отрывисто сказал, что сделает это сам. Я поняла, что снова допустила промах. Слишком поздно вспомнила, что одно из правил ученичества состоит в том, что Учителю нельзя ни в чем отказывать.

А ведь это была такая мелкая, пустая вещь; с моей стороны это было мелочно... лицо у него было печальное.

Мы шли дальше; Л. шел впереди нас. Мне было нехорошо. Он попросил о вещи незначительной; он явно испытывал меня, чтобы посмотреть, как яотреагирую.

Ночью в сердце моем была такая сладость. Всякий раз, когда я просыпалась, особенно около четырех утра, во всем теле была такая глубокая сладость, такая истома, словно все нервное существо тянуло куда-то, невероятно нежно, словно лаской.

5 февраля

УТРОМ Я ПОЕХАЛА на автобусе в банк. Мучительно остро чувствовала нереальность всего вокруг. Движение, режущий солнечный свет, толпы, рикши, шум базаров. Голова была пустой, как после долгой болезни, слабой и вялой. Когда, закончив формальности, — я перевела немного денег из Англии, — я вышла из банка, ощущение нереальности под грубым сиянием за стенами здания стало очень сильным. Я решила пройтись до ближайшего торгового центра. В области желудка — точнее, под ложечкой — ощущались острые приступы боли, и у меня сильно кружилась голова.

У меня было впечатление, что между предметами внешнего мира и мною самой почти нет связи. Я все смотрела на покупки, которые нужно сделать, на всякие необходимые вещи, но ничего не делала, не могла заставить себя войти в толпу и суету базаров. Все, о чем я могла думать, — это маленькое зеркало (свое я разбила несколько дней назад), и то лишь потому, что случайно увидела зеркала на одном лотке, пока ждала автобус. Автобус никак не приходил. Внезапно я запаниковала, уверенная, что не смогу выдержать толпу в автобусе, и взяла рикшу. Доехала до дома Бхаи Сахиба, совершенно измученная, с головокружением. Я сказала Л., как себя чувствую. Он, казалось, не слушал; в его глазах было чуть ироническое выражение. Я пошла домой. Ощущение нереальности все еще оставалось со мной, очень сильное. Все — сумасшедший сон, — думала я. Безумный и бессмысленный. Вся жизнь совершенно бесцельна.

После полудня он долго и интересно объяснял нам отношения между Учителем и учеником.

«Для Учителя любовь не может быть больше или меньше. Для него самое начало и конец — одно и то же; это замкнутый круг. Его любовь к ученику не возрастает; конечно, для ученика все совершенно иначе: ему предстоит пройти весь круг». Он четками начертил на своем одеяле воображаемый круг. «По мере того как ученик продвигается, он чувствует Учителя все ближе и

ближе, с течением времени. Но Учитель не становится ближе; он всегда был рядом, только ученик этого не знал».

Л. сказала, что ее любовь с самого начала оставалась одной и той же, но я сказала, что любовь должна расти, становиться глубже.

«Да, это зависит от темперамента и характера людей. Учитель должен быть строг, он должен быть тверд, потому что хочет, чтобы ученик достиг высокого состояния. Абсолютная вера и послушание необходимы; без этого продвижение невозможно».

Он показал Л. упражнение, которое должен был делать в молодости и в котором остаешься без дыхания час двадцать минут.

«Но вы теперь этого делать не можете, — сказал он нам. — Для этого я должен был бы иметь вас при себе до того, как вам исполнилось восемнадцать, и до брака. Это упражнение — быстрый способ поднять всю половую силу к Брахмарандхре (венечной чакре), распевая определенные фразы определенным образом. Мой почтенный Гуру Махарадж знал множество вещей, которых я не знаю. Но, с другой стороны, я знаю множество вещей, которых в наше время никто уже не знает.

Есть люди, которые приходят ко мне уже шестьдесят лет, и ничего не знают. Тот человек, что был здесь несколько дней назад и которого вы считали таким милым, — сказал он, оборачиваясь ко мне, — приходит сюда уже тридцать пять лет. Однажды он спросил меня, почему я ничему его не учу и не принимаю в ученики. А почему я должен? Я сам выбираю учеников. Прежде чем быть принятым на Арену, человек должен обладать абсолютной верой и абсолютным послушанием. Если у тебя нет веры и абсолютного послушания, ты не продвинешься — вот и все. Закон есть Закон. Бога не обманешь.

Когда мы достигаем определенной степени продвижения, мы обретаем некоторые способности и силы. Одни приходят к нам естественно, по мере нашего продвижения, другие предлагаются нам. Мой почтенный Гуру Махарадж предложил научить меня Мантре (слову силы), исцеляющей от укуса всех ядовитых змей: я отказался».

Я изумленно посмотрела на него:

«Но почему, Бхай Сахиб? Ведь это такое служение человечеству!»

«Да, и именно потому, что это Служение, если у меня есть эта Сила, я не имею права отказаться. Никогда. И тогда у меня здесь днем и ночью будет procession людей, и у меня не останется ни покоя, ни времени для собственной работы.

Это не слишком высокая “сиддхи” (духовная сила); многие факиры умеют это делать. Нас обучают более важной работе, которую они выполнить не могут. Я бы только тратил время впустую. Мы свободны; если бы я особенно этого пожелал, я бы это сделал, но мы ничего не желаем.

Мы не гоняемся за силами. У нас нет желаний. Наша Воля становится единою с ВОЛЕЙ БОГА. Мы — Орудия в Его Руках. Нас называют: Рабы Единого и Слуги Людей. У Бога тоже есть титул, Имя; это Его любимое Имя, которое Ему очень нравится: “Слуга слуг”.

Цель всякого пути Йоги — привести к ведомой жизни, — жизни, ведомой тем, что в нас Вечно. Уметь слушать это руководство — в этом и состоит весь смысл духовного обучения. Вот почему мы настаиваем на предании себя и на абсолютном послушании; в этом же смысл слов Христа: “Я и Отец Мой — одно”, и: “Да будет воля Твоя и на земле, как на небе”».

Он умолк. Подул прохладный ветерок и принес с собой тонкое благоухание; липа за углом дома цвела. Я глубоко вдохнула... это было небесно. Вдруг он запрокинул голову и засмеялся своим молодым, чуть металлическим смехом:

«Если я вдыхаю аромат розы, — перевел он с персидского, — я говорю: как сладостно благоухаешь Ты, Господь мой. Если я вкушаю что-нибудь сладкое, я говорю: как сладок Ты, Господь мой!» И, повернувшись ко мне: «Благодари, благодари, не переставай благодарить Его всегда, за все, за хорошее, за трудности, за все! Так ты будешь продвигаться!

А теперь я расскажу вам одну историю, — продолжал он. — Я был тогда очень молод, но уже несколько лет находился под руководством моего почтенного Гуру Махараджа. Кто-то в нашей семье был нездоров, и мой отец решил увезти нас в Муссури на жаркий сезон. Возможно, некоторые из вас знают Муссури и то, как он расположен: на высоком плато, выше семи тысяч футов. Там, где автобусы, поднимающиеся с равнины Дехра-Дуна по извилистой серпантинной дороге вдоль крутого холма, останавливаются на большой площадке в начале улицы с лавками и базарами, повсюду вокруг поднимаются более или менее высокие холмы.

И вот однажды я шел по улице и заметил йога, сидевшего в медитации на вершине одного из холмов. В следующее мгновение я увидел того же человека входящим в лавку. Я посмотрел вверх: холм был пуст. Я изумился. И пока еще размышлял над этим, снова поднял глаза — и вот йог опять сидит в медитации на вершине холма, как прежде. Я же, как я вам сказал, был молод и жаждал узнать больше.

Итак, я поднялся на холм; восхождение заняло у меня больше получаса тяжелого подъема. Добравшись туда, я почтительно поклонился: “Махарадж, — сказал я, — я видел вас в глубокой медитации на этом месте, и в следующее мгновение вы входили в лавку внизу, на базаре, а спустя еще несколько кратких мгновений снова были на этом холме”. Он рассмеялся.

“Значит, ты это заметил? Ну что ж, мальчик мой, раз ты это заметил, я научу тебя, как это делается! Хочешь научиться?” Я очень хотел. И он научил меня этому. Он дал мне одну вещь — она была совсем небольшая — из кожи, и я должен был держать ее во рту.

И где бы я ни захотел оказаться, в одно мгновение я там оказывался! Я был в восторге. Но никому не рассказал, потому что таково было обещание, которое я дал Учителю.

Скоро мы все вернулись домой, вниз, на равнины. И вот случилось так, что моему отцу надо было отправиться со своими учениками на собрание в местность, примерно в ста милях отсюда. Он спросил меня, не хочу ли я поехать.

Обычно я хотел, но на этот раз нашел предлог остаться. Мне хотелось поразить их всех, оказавшись там раньше них. И когда поезд, в котором ехали мой отец и его последователи, подошел к станции, я сидел на платформе и пил чай.

Отец ничего не сказал. Когда собрание закончилось, он сказал: “Иди со мной!” И мы пошли вниз к реке. Отец повернулся ко мне и сказал: “Отдай мне это!” Я сделал вид, будто не понимаю, и сказал: “Что отдать?” Он протянул руку: “Отдай мне это!” — приказал он. Я покорно вынул это изо рта и отдал ему, а он бросил это в реку. “Тебе не стыдно? — сказал он мне. — Ты ищешь Истины или детской забавы? Чтобы я больше никогда не видел такого!” И он никогда больше этого не видел, потому что мне было очень стыдно. Я понял... и больше меня никогда не искушало».

6 февраля

Я ЗАМЕТИЛА, ЧТО МОЙ РАЗУМ действует лишь постольку, поскольку речь идет о моих духовных обязанностях. Например, я могу писать дневник. Я довольно хорошо помню все, что он нам говорит, но на большее уже не способна; мозг больше ни на что не годится. То, что он сказал или сделал, каждое слово, каждый жест, я могу помнить и даже спустя дни записать, но во всем остальном память безнадежна. И более того — ничто уже не кажется важным. Ни чтение, ни письма, вообще ничего. Все, чего я хочу, — это сидеть у него, и даже глупая, раздражающая болтовня толпы вокруг него кажется мне все менее и менее значительной. Все словно отваливается от меня, как в безумном сне, где все предметы перекошены, шатки и пусты по содержанию.

Сегодня утром у него была такая насыщенная атмосфера. Словно находишься на электростанции. Это было чудесно, возбуждающе! Он ходил взад и вперед. Потом пришел парикмахер стричь ему волосы. Посреди сада ставили большой шатер; слуги носили ковры, длинные жерди, подушки, дарри. Он распоряжался всем этим, как режиссер-постановщик. На ветвях деревьев и по сторонам шатра развешивали лампочки. Я вскоре ушла на киртан. Какая трата времени — этот киртан. Лучше бы быть у него.

Спала хорошо. Не могла до него дотянуться. Должно быть, он сейчас в высоком состоянии.

«Двери Бандхары открылись с прошлой ночи», — сказал он сегодня после полудня Л. Я вообще не спала всю предыдущую ночь. Но везде был мир. Только я не могла до него дотянуться, потому что он был в очень глубоком самадхи.

7 февраля

СЕГОДНЯ УТРОМ рабочие пришли менять шатер и поставили гораздо больший. Было много пыли и суеты. Гуру ходил туда и сюда; я сидела одна снаружи. Видела, как он разговаривает с полуслепым человеком. Вдруг он подошел ко мне и, сунув мне в руку медицинскую справку, велел перепечатать ее с одной копией через копирку. Я возразила, что не могу прочитать диагноз, и сказала, что нет особой пользы перепечатывать документ, если самую важную его часть невозможно даже верно разобрать; к тому же это конфиденциальный документ для врача, а не для того, чтобы пациент делал с него копии.

«Этот человек хочет копию, — резко сказал Бхаи Сахиб. — Если человек хочет копию, он имеет на нее право!»

Я почувствовала раздражение. А как же мои права? Каждый крестьянин имеет преимущество, у каждого есть «права». У меня, кажется, одни только обязанности, и меня просят делать столь очевидно бесполезные вещи, попусту тратя мое время. Этому типу нужны две копии только ради удовольствия ими обладать!

Зачем? Какая бессмысленная трата времени! Недавно он заставил меня перепечатывать справку в шести экземплярах! Моя маленькая машинка берет только две копии, так что мне пришлось печатать ее трижды. Я и в лучшие времена плохая машинистка, а теперь, когда ум работает плохо, я постоянно ошибаюсь и вынуждена перепечатывать снова и снова.

Бхаи Сахиб повернулся к тому человеку, и я услышала, как тот сказал, что хочет копию для себя, потому что оригинал должен отдать врачу.

Ну что ж... я по-настоящему рассердилась. Это снова испытание. Я должна быть очень осторожна. Он будет и дальше просить меня делать глупые, нелепые вещи, только чтобы посмотреть, как я отреагирую.

Я злилась на себя и решила быть внимательнее обычного, особенно теперь, во время Бандхары. Он наверняка будет испытывать меня, как предупреждал Л. и меня несколько дней назад. Возможны ложные обвинения или что-нибудь в этом роде, и все это будет сделано публично.

Боже, помоги мне с моим характером! Мне нельзя быть обидчивой. Бога не обманешь — так он сказал. Послушание так трудно. Целый день я просидела там одна, и никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Л. не пришла; по ее словам, из-за пыли было слишком тяжело.

8 февраля

НОЧЬЮ ЧТО-ТО действительно произошло. Я в этом уверена. Но что? Это так тонко, что невозможно описать, потому что ум не в состоянии этого ухватить.

Словно я где-то покоилась, и телом тоже, — в таком счастье, в таком блаженстве, в такой сокровенной близости, но к чему?

Невозможно понять и невозможно описать...

Некоторое время назад я заметила кое-что, но не записывала, потому что хотела удостовериться, что не ошибаюсь: каждое утро, примерно за полчаса до того, как идти к нему, в моем уме что-то происходит. Ощущение такое, словно тесный железный обруч все туже и туже сжимает голову; у меня кружится голова и я

становлюсь немного неустойчивой на ногах, мозг заметно замедляется, и на несколько мгновений я ясно вижу перед собой его лицо. Единственное мое желание — как можно скорее попасть к нему.

Все остальное забывается. Больше, чем когда-либо, окружающий мир превращается в пустой сон, в Майю — нереальную, нелепую, лишённую смысла, а сердце чувствует себя раненым. Я действительно СЛЫШУ, как сердечная чakra вращается с чудовищной скоростью; физическое сердце откликается, бешено колотясь, пропуская удары и ведя себя так, словно хочет выскочить из грудной клетки.

Ночью разразилась гроза. Около полуночи я проснулась. Она прервала сон какого-то светящегося качества, но я ничего не помню, кроме необычайно чудесного света.

Проснулась такой счастливой и пришла туда в 7:30. Все ждали Гуру. Под шатром стояли лужи воды; один угол был сорван, так что нам пришлось сидеть во дворе, но это даже оказалось к лучшему, потому что детей не пустили, и нас нарушал только редкий плач младенцев. Народу было очень много. Большой двор и веранды вокруг него были полны людей, все сидели на земле. Я нашла себе место и маленький коврик почти напротив него, у стены, на которую можно было опереться. Я хотела видеть его лицо, не хотела ничего пропустить. Ощущение великой Силы было таким, что перехватывало дыхание. Этот род силы, или энергии, постепенно возрастал в последние два дня. Это было трудно выносить. Но сегодня было еще хуже. Я дышала с трудом и чувствовала так, словно в любую минуту голова у меня слетит с плеч.

Я была рада сесть; едва могла идти и даже стоять, как только вошла на его территорию.

Он вышел и сел, скрестив ноги, посреди двора на приготовленный для него ковер. Он был одет с тщанием и выглядел очень элегантно в белых шерстяных одеждах. Уже когда он вошел, он был в глубоком самадхи, похожий на статую Будды. Я имею в виду выражение лица, потому что Будду всегда изображают без бороды.

Когда он вошел, никто не встал; почти все были в глубокой дхьяне. Никто не шелохнулся. Тишина была такова, что даже звуки с улицы и соседнего базара как будто перестали существовать. Покой был почти невыносим... в голове было легко, и казалось, что шея моя становится шеей жирафа, все длиннее и длиннее, а голова уже где-то на небесах.

9 февраля

Я ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ из Бандхары. Народу было очень много. Всех кормили во дворе и на верандах, сидящих на полу. Кто-то сказал, что были сотни людей. Л. сказала мне, что за три дня раздали три тысячи порций еды.

Если считать по три приема пищи в день, это дает более трехсот человек.

Когда люди со мной говорят, я отвечаю, но не помню, что именно говорю. Мы все поехали на рикшах к Самадхи его отца и матери. Там было тесно, шумно, слишком много детей, которые бегали, суетились и всем мешали. Но никто их не одергивал; на них просто не обращали внимания.

В эти дни он был преображен.

Совсем другой человек. Я не могла отвести глаз от его лица. Свет вокруг него, тишина и бесконечный мир, выраженные в его чертах, были неопишутемы. Он имел в себе нечто божественное, погруженное в глубочайший покой. Сила, казалось, была сегодня меньше, чем в последние два дня.

11 февраля

ВЕСЬ ДЕНЬ было много прихода и ухода. Многие ученики из провинции еще здесь. Он ни разу даже не взглянул в мою сторону.

Ушла раньше вечером. Была усталой и подавленной; говорили только по-хинди.

Глава 17 Циркуляция света

12 февраля 1962

ПРИШЛА ТУДА около девяти утра. Сидела одна за углом, возле липы, такой благоухающей, на куче сложенных палаток. Вскоре Л. позвала меня внутрь, где все пили чай. Немного погодя появился Гуру.

Мы все встали, и он взглянул на меня дружелюбно и чуть улыбнулся.

Ночь была плохая, очень плохая. Сила внутри моего тела не утихала всю ночь, и я не могла спать. Если бы только исчезли эти мучительные образы.

Но я заметила нечто совершенно новое; сначала оно было неясным, мне пришлось сосредоточиться. Потом стало отчетливее. Сначала я подумала, что у меня начинает светиться кровь и я вижу ее циркуляцию по всему телу. Но вскоре поняла, что это не кровь; свет, голубовато-белый свет, двигался по какой-то другой системе, которая не могла быть кровеносными сосудами. Потому что и кровеносные сосуды я тоже видела; они пульсировали при каждом ударе сердца, исполняя свою работу — снабжая ткани кровью. Но не они были носителями света. Этот странный, неземной свет, ясно видимый в полупрозрачном теле, шел по другим каналам... Но ведь конечно! Я вдруг поняла: он шел по нервам!

Вся нервная система была отчетливо видна, и свет циркулировал в ней так же, как кровь в кровеносных сосудах. Только — и вот в чем была существенная разница — циркуляция крови останавливается у уровня кожи, а этот свет не останавливался у кожи; он проникал сквозь нее, излучаясь наружу, не очень далеко, скажем, примерно на девять дюймов (я не могла быть вполне уверена, потому что это постоянно колебалось, усиливаясь и ослабевая какими-то вспышками). Как я уже говорила, он выходил из тела и снова входил в него в другом месте. Вглядевшись внимательнее, я ясно увидела, что во многих частях тела есть точки, словно сгущения света, и свет выходил из одной из них и снова входил через другую. Поскольку этих точек, казалось, было бесчисленное множество, все это напоминало светящуюся сеть, опоясывающую тело, внутри и снаружи.

Это было очень красиво. Сеть Вселенной, — подумала я и была зачарована этим необыкновенным и прекрасным зрелищем.

Однако вскоре я заметила нечто довольно тревожное.

Потому что я была так поглощена и очарована, а может быть, поначалу жар был не так велик, я все яснее сознавала, что тело как будто в огне. Этот жидкий свет был холоден, но, несмотря на то что сам по себе он был холоден (и почему-то по необъяснимой причине я была уверена, что он холоден), он жег меня... как если бы потоки горячей лавы текли по каждому нерву, по каждому волокну, все горячее и горячее, все нестерпимее, все светлее и светлее, все быстрее и быстрее... мерцая. Усиливаясь и ослабевая. Колеблясь, расширяясь и сжимаясь, беспрестанно. И я ничего не могла сделать, только лежать и беспомощно смотреть, как это мучение с каждой секундой становится все сильнее. Сожжена заживо, — мелькнуло у меня в голове. Это, должно быть, конец. На этот раз я наверняка умру. Это становилось все невыносимее... все тело в огне. Горячий свет циркулировал повсюду, не оставляя в покое ни единой частицы моего тела, куда бы он ни шел. И когда я сосредоточивалась на какой-нибудь части тела, я замечала, что свет и жар там возрастают до нестерпимой степени, сосредоточиваясь именно там, где сосредоточена моя мысль.

Сколько длилось это сильнейшее, а порой и невыносимое страдание, я не знаю. Это какое-то промежуточное состояние, когда такое случается, — ни сон, ни полное бодрствование. Тело ведет себя, как при сильной горячке, все в поту... горит... страшная боль, какое-то смутное сознание, не чувствующее времени. К утру все это прошло, оставив после себя лишь великую усталость, и больше ничего.

Он сидел с нами; некоторые из его учеников-мужчин еще оставались здесь; он наблюдал, как разбирают большой шатер и подметают двор. Через несколько дней ожидалась Филибер и одна женщина, оба друзья Л., приехавшие из Франции. Он ни о чем меня не спросил.

Сегодня вечером мы пошли гулять в парк, и это было настоящим переживанием. Как только он вышел, одетый для прогулки, я вдруг задохнулась и не могла ни говорить, ни глотать. Я старалась идти с ним в ногу, что было нелегко, потому что он гораздо выше, и ноги у него длиннее моих, но это давало мне странное ощущение ритма и подъема. Я дрожала, ибо такая сила пронеслась сквозь меня, что выносить ее было очень трудно. Я задышалась, словно сильный ветер дул сквозь мое сердце, то самое ощущение, когда буря бьет в лицо и мешает дышать. Л. дразнила меня, потому что я не заметила роз, когда мы шли среди целых цветущих клумб. Но на этот раз роз для меня не было. Все мое существо было занято только тем, чтобы удержать это переживание как можно дольше... чувство подъема, словно славная буря пронесется через самую глубину моего существа...

Во время киртана я все старалась его удержать, но позже, за разговорами и смехом во время ужина у Пушпы, утратила его. Всю ночь тщетно пыталась вернуть. Тело

было неподвижно: ни токов, ни образов. Когда мы сели на скамейку в парке, я спросила его (я едва могла говорить, так мне не хватало воздуха), не существует ли опасности, что сердце может совсем остановиться или даже разорваться, потому что порой казалось именно так. Он покачал головой.

«Нет, с тобой ничего не случится. На нашей Линии сердце становится очень сильным».

Я не могла не задуматься: имел ли он в виду физическое сердце?

14 февраля

СИДЕЛА В САДУ. Л. опаздывала. Мне довольно грустно, потому что я замечаю, что в последнее время меня не приглашают внутрь. Всех остальных зовут или они просто входят, как только приходят. А мне приходится ждать. Я могу проскользнуть внутрь только если приходит кто-то еще; иначе я сижу одна снаружи часами.

Прошлой ночью у него был сильный жар, и у меня ночь тоже была очень плохая, полная беспокойства. Тело вело себя так, словно у него высокая температура, но температуры у меня не было.

Я отдала ему бумагу. Несколько дней я мучилась, составляя ее и стараясь вспомнить все свои слабости и ошибки с юности, еще с самого детства. Однажды, совсем молодой, я украла у сослуживицы авторучку. Кажется, она получила ее в подарок на день рождения — блестящую, будто золотую. Мой стол стоял рядом с ее столом. Она была убита горем из-за ее пропажи, а я вскоре сама ее потеряла и тоже была убита горем. Глупо. Но это было одно из тех воспоминаний, которые я ненавидела и старалась забыть. Это было как темное пятно, отодвинутое куда-то вглубь, а теперь его пришлось вынести на бумагу. Очень многое, очень многое мне пришлось выкапывать, записывать, и я ненавидела это делать. Это было унижительнее всего. Я ужасно мучилась, вытаскивая старые скелеты из пыльных углов памяти, вырывая наружу вещи, которые считала забытыми и которых стыдилась. Я чувствовала себя грязной, ничтожной и глубоко несчастной. Записанное на бумаге, это был грубый, отвратительный, жалкий документ.

Л. предупреждала меня не отдавать это ему до Бандхары, потому что он очень занят и может забыть бумагу в кармане курты, а его дети могут ее найти. Леденящая мысль... Я видела, как его дети читают письма его учеников.

Он взял сложенный лист бумаги.

«Хм... довольно много», — заметил он. Мне захотелось сжаться в пылинку. Там было несколько больших листов...

«Вы вернете мне это после того, как прочтете?» — спросила я. Он покачал головой. «Вы не забудете это в кармане? Ваши дети могут это найти», — осмелилась я сказать с упавшим сердцем.

«Это дерзкое замечание». Лицо его помрачнело.

Я была так раздавлена, что в своей тревоге не знала, что сказать. Через некоторое время он сказал уже не так сурово:

«Мне нет нужды это читать; я беру это в руку, и смысл приходит ко мне слово за словом».

«А потом? Потом вы это уничтожаете?» — спросила я с надеждой... чувствуя себя утопающим, хватающимся за соломинку. Он снова покачал головой.

«Нет, этого было бы недостаточно; этому предназначено уйти».

«Предназначено уйти?» — повторила я, совершенно не понимая, что это значит.

«Да, это забирается; грехи, однажды исповеданные, забираются».

Я не стала спрашивать дальше. Я, конечно, знала, что если умеешь обращаться с законами природы, бумагу легко можно заставить рассыпаться. Для этого даже не нужна большая сила.

Лицо его серо, и он выглядит очень слабым. Я тихо плакала, сильно тревожась; сердце у меня болело, когда я видела его таким. Никто не видел, как я плакала.

15 февраля

УТРОМ ПРИЕХАЛ ФИЛИБЕР, типичный французский деловой человек, довольно крупный, с мягким лицом. Он медитировал вместе с Л. последние несколько лет и регулярно переписывался с Гуру. Он был исполнен глубочайшего почтения. Я видела, как он почти сразу вошел в дхьяну.

Он сидел совершенно неподвижно, с закрытыми глазами, забыв обо всем, и я думала о том, что нахожусь здесь уже так долго и все еще не знаю, что же такое эта прославленная дхьяна. Бог весть, дождусь ли я ее когда-нибудь вообще...

После полудня Л. и Филибер опоздали... что, разумеется, естественно: у Пушпы новый гость, как могло быть иначе?

Я долго сидела одна в саду. Он вышел только тогда, когда пришли они. Он выглядел очень слабым; мне было тревожно смотреть на него таким. Но он говорил нам, что святой обычно все время болен; его Гуру Махарадж тоже был таким.

«Когда я болен, я на самом деле более здоров, ибо духовно я очень силен. Когда тело слабо, Душа очень сильна». Мне вспомнилась история об Арджуне, которую он рассказывал нам некоторое время назад.

Позже он сказал мне: **«Ты была здесь вскоре после четырех дня»**. Я кивнула. Я уже знала, что он всегда знает, когда я прихожу. Несколько раз в прошлом он говорил мне: **«Ты пришла тогда-то»**, или: **«Я видел, как ты сидела там под манговым деревом»** и так далее. А ведь я знала, что он в это время отдыхал во дворе и никак не мог увидеть, как я прихожу, — по крайней мере, не физическими глазами.

Он однажды также сказал, что Гуру должен знать, что шишьи делают все время, но если видит, что они делают что-то плохое, никогда не говорит им об этом. Значит, он может посмотреть на нас в любое время, где бы мы ни были и что бы ни делали.

И если он увидит, как мы делаем что-то очень личное, надеюсь, он отвернется. Однажды я говорила об этом с Л. Она пожала плечами: «Ну и что? Мы все люди; всем нам приходится делать некоторые вещи; это не будет его интересовать». С тех пор, зная это, я почему-то никогда не чувствую себя совсем одна и стараюсь вести себя так, чтобы меня можно было увидеть в любое время дня и чтобы мне ни за что не было стыдно.

Он очень скоро нас отпустил, потому что хотел отдохнуть. Он рассказывал нам об отношениях любящего и Возлюбленного. Вначале, когда сердце еще не привыкло к настоящей любви, бывает много трудностей и страданий. Но со временем шишья все больше и больше настраивается на желания Гуру — то же самое страдание становится блаженством, пары противоположностей сходятся.

«Значит, — сказал Филибер, — должно прийти такое время, когда у шишьи будет такая вера в Гуру, что если тот скажет: “бросься с третьего этажа”, шишья послушается, и когда сделает это, с ним ничего не случится».

16 февраля

СОН: Я была в воде; он стоял на берегу и велел мне плыть к далекому берегу; огромные волны, как прилив, без усилия несли меня туда, но я возражала, что этот громадный прилив разобьет меня о крутые скалы берега. Высокие горы поднимались прямо от самой воды, каменные стены — нигде не за что зацепиться. И я говорила ему, что мне лучше плыть к другому берегу, направо, где есть плоский песчаный пляж. Но туда волны не шли так стремительно, и я проснулась, не доплыв до него.

Мне кажется, я знаю толкование: я все еще не вполне там. Я все еще не повинуюсь без возражений... все еще не обрела достаточно веры, чтобы броситься с третьего этажа...

Утром, сидя одна в саду и пытаюсь читать «Гиту», я вдруг была охвачена такой страшной силой, что мне пришлось сидеть совершенно неподвижно и тяжело дышать, чтобы это вынести. И У МЕНЯ БЫЛО ДВА СЕРДЦА.

Я уже заметила это ночью в первый раз. Странное чувство — иметь два сердца. Одно должно было быть большим, бившимся сильно и ритмично, а другое — меньшим, более тихим, скорее похожим на мое собственное. Это была самая странная Майя, какую только можно себе представить!

Позже пришла Л. с Филибером и своей французской подругой, мадам Винод, археологом, находившейся в Индии в археологической поездке. Мы сидели снаружи вокруг него, и он рассказывал нам о качествах и свойствах Сат Гуру.

Гуру не является Гуру, если в нем еще остались желания. Настоящего Гуру можно узнать потому, что он лишен желаний. У шишьи желания еще должны быть, но не у Гуру — у него их нет... то же и со Святым.

Но Святой вовсе не обязательно является Гуру; это Учитель. Гуру не станет делать ничего, что повредило бы репутации шишьи; он никогда не подаст дурного примера и не воспользуется положением.

Женщины могут достигать очень высокого состояния. Желание Истины важно; это величайшая квалификация для Пути.

Санньяси может иметь лишь нескольких настоящих учеников, но Святой — если он также Учитель, живет в мире и хорошо преобразовал свою половую жизненную силу — может иметь тысячи учеников; неважно, сколько именно. Жизненная энергия в человеке — самое драгоценное, что есть.

Она заставляет Святого лететь; она прямо приводит его к Богу. Жизненная энергия должна быть преобразована так, чтобы действовать от пупка вверх, а не вниз. Только тогда возможны высокие состояния. Расширяться, изливаться безо всякого назначения — таков наш Путь. «Те, кто достиг Чистого Существования (Сат), становятся Одним... Чистое Существование (Сат) есть Истина по ту сторону жизни и смерти» («Ригведа»).

Мы должны жить среди самой сутолоки жизни, но не поддаваться ее влиянию. Мы должны избавиться от симпатий и антипатий. Мы должны вернуться к самому ядру нашего первобытного существа, чтобы стать целостными. Это, естественно, вызывает конфликты, ибо мы должны принять себя такими, какие мы есть, а не такими, какими, как нам кажется, Мы ЕСТЬ. Если ты страдаешь от страха или какой-то печали, значит, еще остаются привязанности, от которых надо освободиться.

У каждого Гуру есть лишь несколько «семенных идей», которые составляют основную ноту или аккорд его учения. Только те идеи, которые он усвоил, приводят его к Реализации. Большого он дать не может. Он будет снова и снова работать именно с теми идеями, которые привели его к Истине его собственным усилием и которые для него представляют живую Истину. Следовательно, ни один Учитель никогда не передает всего объема своего учения, а только то, что сам усвоил. Кроме того, никакое учение не может быть передано, пока ученик не достиг ступени понимания; нельзя учить маленького ребенка принципам высшей математики. Мы должны дорасти до Истины, и только тогда она становится сообщаемой.

Задача Гуру — помочь ученику вырасти. Как это делается?

Нужно слиться с Учителем. Только тогда малое «я» исчезнет. Это подобно добровольной смерти в сущности Гуру. Это называется фана. Полное предание себя Учителю — первый шаг, ведущий к полному преданию себя Воле Бога. Только мало-помалу мы можем привыкнуть к этой мысли. Она должна быть усвоена, стать частью самой крови, как пища усваивается телом и становится его частью. Она должна быть интегрирована в уме как Целостность. В этом и состоит Цель духовного обучения.

Он также говорил, что не нужно задавать вопросов; на самые насущные из них ответ будет дан сам собой, почти сразу, а на другие, которые остаются где-то на заднем плане сознания, ответы придут постепенно, со временем.

Прошлой ночью, когда я пришла домой, у меня по-прежнему били два сердца.

Какое ощущение! Совершенно невероятное! На горизонте сверкнула молния; приближалась буря. Гром и молния около часа ночи разбудили меня. Я заметила, что у меня бьется только мое собственное сердце, тихо. Я заснула. Проснулась около трех — два сердца бились сильно и не совсем в унисон. Это продолжалось, и я слушала.

Что за вещь! Невероятно! У меня нет ни малейшей догадки и никакого объяснения этому странному явлению. Я снова уснула. Когда утром проснулась, оба сердца били яростно и быстро, и все тело отдавалось их ритму. С тех пор это продолжается.

17 февраля

С УТРА ШЕЛ ДОЖДЬ. Я пришла к девяти. Комната была открыта. Я колебалась, но вошла, потому что в дверном проеме, ведущем во внутренний двор, сидеть было слишком холодно и сквозило. Через открытую дверь я видела, как он завтракает в соседней комнате. Я робко спросила, нельзя ли мне пока посидеть здесь, потому что снаружи слишком холодно. Он что-то буркнул себе в бороду, и я поняла, что мне не рады. Тогда я вышла и села в дверях. Дождь шел не переставая, холодный ветер налетал порывами. Мне было холодно. Ноги промокли. Я надеялась, что он скоро позовет меня внутрь. Но он не позвал. Я просидела там много часов и должна признаться, что чувствовала обиду.

Всем остальным всегда позволялось входить. Как только они приходили — сразу входили. Всем остальным всегда отдавалось предпочтение... всегда последняя, самая ничтожная и самая облезлая собака — это я, — с горечью думала я. Если мне было нужно что-то важное, на меня никогда не находилось времени. Стоило мне открыть рот — и тут же начиналось шествие: плачущие младенцы, которых надо благословить, слуги, люди туда-сюда, дети дерутся, воют, ссорятся — и так без конца. Я всегда была последней. Мне хотелось плакать; ноги становились все холоднее и холоднее. Когда пришли Л. и Филибер, я встала и тоже вошла внутрь. Он спел нам персидскую песню и перевел ее.

«Хотя умение любить есть право каждого человека по рождению, мы не умеем этого делать, потому что существует личность, малое “я”, которое не хочет уйти.

Пока оно не уйдет, настоящая любовь невозможна. Ибо Любовь есть отрицание себя. Гुरु хорошо знает трудности Пути, и у его ног я ищу прибежища. Мне надо перейти реку, а ночь темна и бурна. Я вижу людей на

обоих берегах реки; они кажутся в безопасности. Лишь я один, среди потока, беспомощно бросаю волнами».

Потом он спел другую:

«Любящий должен быть как мертвое тело в Руках Возлюбленного. Каково мертвое тело? Оно беспомощно. Если его положить под дождь — оно промокнет; если положить на солнце — оно нагреется. Оно не может восстать, не может протестовать. И лишь Благодатью Гуру мы учимся всегда быть довольными в Руках Возлюбленного».

Хотя он переводил это Филиберу, я знала, что эта песня предназначалась мне. Интересно, знал ли он о моем вчерашнем сне, где я плыла в океане?

Все это прекрасно, но я не могла не чувствовать горечи. Приехал Филибер — и ему достается все внимание, и никто не приходит его отвлекать, когда он в дхьяне и когда задает вопросы.

О, Гуру Махарадж! Горек твой путь! Много боли мне еще предстоит!

18 февраля

КОГДА Я ПРИШЛА после полудня, кто-то сказал мне, что дверь открыта и я могу войти. Он был со старой индуской, которая рассказывала ему о своих бедах. Когда я вошла, он кивнул; лицо его было сурово. Пришли Л. и Филибер, и миссис Винод, археолог.

Я была очень подавлена. Начала тихо плакать. Никто этого не видел, потому что на меня никто не обращал внимания; все были заняты разговором. Только Сатендра спросил, не нездорова ли я. Я солгала, сказав, что простудилась. Видела, как Гуру несколько раз поглядывал в мою сторону, когда я не смотрела. Потом он спел персидскую песню, которую перевел:

**«Дай мне боль Любви, Боль Любви к Тебе! Не радость Любви, одну лишь
Боль Любви, И я заплачу цену, люблю цену, какую Ты попросишь!**

Всего себя я отдаю за нее, и еще ту цену, какую Ты сверх того потребуешь!

**Оставь радость другим, мне дай Боль, И я с радостью заплачу за Боль
Любви!»**

Это была песня, которую сочинил его отец и которую он, как он нам сказал, часто пел. И снова я была уверена, что она предназначена мне. Он думает, что я плачу из-за боли любви... а я просто обижена, — подумала я. А дома я выплакала все глаза. Просто плакала и плакала.

Это принесло некоторое облегчение.

19 февраля

ЭТИМ УТРОМ он давал Филиберу особое сидение. Л. очень просто сказала мне подождать в дверях. Мне бы хотелось, чтобы он сам сказал мне это. Признаюсь, я bitterly плакала. Честное слово, это уже предел! Всем отдается предпочтение! Любому встречному-поперечному! Особое сидение, надо же! Я никогда не получала особого сидения, и ни разу никого не просили выйти из комнаты ради меня! Любой может говорить с ним, задавать самые неуместные вопросы, даже те, кто заходит прямо с улицы! И со всеми он вежлив, полон внимания, а на меня срывается при малейшем поводе! Меня оставляют сидеть под дождем, а если мне надо задать вопрос, даже жизненно важный, меня беспрерывно прерывают. Такие вещи ранят!

О, как же они ранят, Бхаи Сахиб!

Спустя долгое время он вышел в дверной проем, как раз когда я уже подумывала уйти домой, потому что заоченела от холода, ноги были как ледышки! Он был одет в свое белое суфийское платье и выглядел бледным и суровым. Он быстро, словно смущенно, сказал, что Филибер здесь ненадолго, так что я должна их извинить; им нельзя мешать. А я? У меня чуть не вырвалось наружу — да как я могу помешать, если просто сижу тихо! Неужели там происходят какие-то тайные вещи? Но я ничего не сказала... Как только он появился, у меня возникло чувство удушья в горловой чакре, и я не могла вымолвить ни слова. Свет вокруг него был ослепительным. Я стала совершенно беспомощной.

Он только кивнул и ушел внутрь. Начался дождь. Я пошла на базар сделать кое-какие покупки, а потом домой — приготовить себе еду.

Я продрогла до костей. В дверях так сквозило...

Вечером была мадам Винод. Он пел песню о том, как утонуть в Океане Любви.

«Если ты собираешься любить, если можешь любить, забыв себя, Лишь тогда ты утонешь в Океане Любви!»

Все были в дхьяне. А я просто сидела и чувствовала себя ужасно. В груди моей били два сердца. Мне было жарко, я была глубоко взволнована — через меня проносилась буря.

Позже я сказала ему, что если он и дальше будет говорить людям, что это путь без усилий, то он их обманывает! Любовь — самое беспокойное состояние, какое только можно себе представить; и требуется величайшее усилие всего существа, чтобы быть в состоянии это вынести, продолжать...

Он, казалось, искренне изумился: **«Обманываю? — повторил он. — Но я никогда никого не обману! Никогда бы этого не сделал! ЭТО и есть путь без усилий!»**

«Я куплю барабан, и если вы и дальше будете говорить, что это без усилий, я стану у ваших ворот и ударом в барабан провозглашу всем держаться подальше от этого места! Потому что я знаю, насколько это без усилий!!»

«Очень красиво будет выглядеть — вы стоите на улице с барабаном», — хладнокровно заметил он.

Позже после полудня он рассказывал нам, что, согласно Системе, человеку даже не нужно лично быть знакомым с Учителем или духовным Наставником. Он получает ту же меру благодати.

«Многие из моих учеников никогда в жизни меня не видели и никогда сюда не приходят. С ними обращаются точно так же, и они получают то же самое, что и все остальные».

«В таком случае, — сказала я, — мне вовсе не нужно здесь быть. Я могу уехать; будет то же самое!» Он покачал головой. **«Если человек посещает сатсанг, у него есть шанс стать Мастером Системы, потому что в это включено тело».**

Я спросила, как это следует понимать, но он сказал, что этого объяснить нельзя.

«Все, что я могу сказать, — это то, что на более поздних ступенях учение должно передаваться от сердца к сердцу; физическое присутствие Учителя очень помогает; если тебе нужно стать Мастером Системы, тело включается в это. Это означает, что тело постепенно привыкает к вибрациям; оно тоже “оживляется”. Но это не может быть сделано быстро. На это нужно время. Физический состав человека плотен. Но не каждому необходимо становиться Мастером Системы, так что все получают одно и то же: блаженство, мир — все одинаково».

Вот, возможно, и объяснение тому обращению, которому он тебя подвергает, старая девочка, — подумала я...

Я сидела там, жестоко страдая. И время от времени, когда я не смотрела прямо на него, замечала, что он наблюдает за мной.

«Если есть любовь, есть и великая тревога, — говорил он Филиберу. — Чем больше любовь, тем больше тревога. Любовь не может всегда быть одной и той же. Так быть не может. Любовь временами — это сильнейшее страдание».

20 февраля

НЕУЖЕЛИ ЭТО потому, что вчера я жаловалась, или потому, что он наблюдал за мной и увидел мою подавленность? Во всяком случае, сегодня во мне глубокий мир. И как же это хорошо после стольких волнений и мучений. Просто мир.

Словно отдых. Надолго ли? Бог весть... Мне предстоит все это сполна; я не питаю никаких иллюзий.

Утром я говорила Филиберу, что Бхаи Сахиба будут массировать. Если он велит нам уйти, Филиберу надо бы постараться остаться и посмотреть, как Пандитджи это делает, с каким глубоким почтением массирует Гуру ноги.

«Прелесть что такое, — сказала я, — такое можно увидеть только в Индии».

Филибер слабо улыбнулся и посмотрел с сомнением.

Позже, дома, я поняла, что снова совершила бестактность; сказать такое с точки зрения туриста не беда, но разве почтительно говорить так в присутствии Гуру? Что ж, видно, я так и не научусь. Когда он ввергает меня в беду, я почтительна, потому что нахожусь под давлением; но едва давление снимается, я опять смеюсь над ним — безнадежная установка с точки зрения обучения. Возможно, мне следует поговорить с ним об этом и попросить помочь избавиться от такой умственной привычки. Посмотрим...

Сегодня после полудня мы вчетвером — Л., Филибер, Бхаи Сахиб и я — пошли гулять. Филибер разговаривал с Л., а я шла рядом с Бхаи Сахибом, подстраиваясь под его шаг. Чувство подъема, которое это мне дает, возможно, связано с ритмом; наши ауры входят в один такт и порождают ощущение единства. Они говорили о слиянии, и он рассказывал нам о женщине во Франции, которая писала ему, как она сливается с ним.

«Разумеется, я знал, что она в большой беде, и подумал, что мой долг — ей помочь», — говорил он.

Я слушала с интересом. Значит ли это, что для успеха ученика Мастер тоже должен сделать свою часть? Если бы я только знала, что все это значит... Я столько об этом слышала с тех пор, как здесь нахожусь. Как это делается? И я спросила его.

«Почему ты хочешь знать? ЭТО ДЕЛАЕТСЯ, и все».

«Это невозможно объяснить!» — воскликнула Л.

«Если захотеть, это наверняка можно объяснить, — сказала я. — Я никогда не получаю ответа на свои вопросы — вот чистая правда!»

«Почему ты хочешь знать? — резко сказал он. — Почему ты хочешь понять, как это делается? Постарайся уловить это; постарайся это делать!»

Во мне поднималось раздражение. «Но как? Разве не естественно, что я хочу знать? Я столько об этом слышу с тех пор, как здесь! Разве мы не все стремимся понять? Разве не в этом цель нашего пребывания здесь, цель всей жизни, особенно жизни духовной? Как можно слиться с другим человеком?» Я чувствовала себя совершенно сбитой с толку.

«Но этого действительно нельзя объяснить», — снова сказала Л. Он раздраженно молчал.

«Неважно, Бхаи Сахиб, — сказала я; я тоже была раздражена. — Боже мой! Всем остальным позволено спрашивать сколько угодно, о чем угодно и когда угодно, и он ВСЕГДА отвечает, а я не могу задать самого простого вопроса! Правда, это, вероятно, НЕ самый простой вопрос, а, быть может, самая эзотерическая часть всей Системы. Но он хотя бы мог бы попытаться помочь мне понять хоть что-то». Филибер был учеником Л. уже несколько лет и имел состояния дхьяны еще до того, как приехал сюда. Мы шли по розарию среди розовых клумб. Я шла с ним в ногу, чувствуя странную смесь подъема и горечи...

Когда я рассталась с ними возле дома Пушпы, чтобы пойти на киртан, он едва ответил на мое приветствие, с раздражением. У меня есть ощущение, что ему не нравится, когда я хожу на киртан. Это только ощущение, но, возможно, я права.

Во время киртана я все думала, что я дура, раз раздражаюсь. Я ведь прекрасно знаю, что он будет обращаться со мной плохо, что будет вытирать об меня ноги.

Ну что ж, и пусть; значит, мне лучше постараться к этому привыкнуть.

Придя домой, я сразу легла. Мне пришла в голову мысль, что, может быть, я получу ответ во сне, но я отогнала ее как пустую надежду.

21 февраля

СОН: (из которого я помню лишь середину) Он пришел в окружении многих людей и сказал мне: **«Сейчас я покажу тебе, как это делается; ты, —** обратился он к Пандитджи, который тут же подошел и встал рядом со мной, **— стой рядом и оставь ее там»**, — сказал он, отходя с толпой людей, разговаривая с ними. Я почувствовала слабость и просто опустилась на ковер.

Но интереснее всего было качество чувства: я лежала там, но чувствовала себя единою с ним, когда он удалялся в толпе. Единою с ним, в безопасности, в мире. Между ним и мной не было различия — в самом интимном, полном, окончательном смысле... Я БЫЛА ИМ, и больше ничего не существовало.

Проснувшись, я с легким удивлением подумала, что теперь, кажется, понимаю, почему это невозможно объяснить... это состояние бытия и чувства — как может ум это постигнуть?

Потом, как раз между сном и пробуждением, я увидела, как он идет к своим воротам. Я знала, что он идет за соседний дом, потому что там была какая-то беда; ростом он был мал, не выше Бабу Рам Прасада (а тот едва ли выше пяти футов), и на нем было белое ночное одеяние. Я подумала: как он может выходить в таком виде? — он же не одет... и выглядел очень старым.

Я вспомнила, что Л. говорила мне, будто его почтенный Гуру Махарадж был мал ростом. Значит ли это, что и он, в свою очередь, слит с ним? Не символически ли я увидела это в этом видении?

Я рассказала ему о сне и о видении. Он слушал со своим обычным отсутствующим выражением, время от времени кивая. Мне хотелось узнать, таково ли слияние.

«Разумеется, моему уму это было представлено в символической форме», — добавила я.

«Да-а, да-а», — медленно произнес он. По этой реакции я заключила, что в этом должно быть нечто большее.

«Почему ты хочешь знать смысл? Ты мне это рассказала; я это выслушал; этого достаточно». Лицо его было совершенно бесстрастно.

«А что это за Майя с двумя сердцами, которые оба бьются у меня в груди? Одно большое и сильное, другое слабее и чуть медленнее? И на это нет ответа?»

Он только покачал головой. Он был так полон света и так неподвижен.

«О, вы недобры», — сказала я, но сердце мое было полно мира. Его губы беззвучно двигались, четки медленно скользили, бусина за бусиной, сквозь его тонкие пальцы.

После полудня он вышел поздно. Было уже темно. Я сидела за углом, у липы, где хоть в какой-то мере была укрыта от крикетных мячей. Посреди сада шел матч по крикету; Бабу, его сын, был судьей. Значит, такова будет моя судьба в будущем — сидеть в пыльном саду, никем не замеченной, оттесняемой, забытой и одинокой... а мне говорили, что температура здесь может достигать 120° в тени. Меня будут осаждать мухи, и ад покажется лучше, как выразился Филибер. Какая судьба! Путь без усилий, нечего сказать!

Филибер и Л. пришли около шести и сели ждать вместе со мной. Когда он вышел, он стал рассказывать нам, как его почтенный Гуру Махарадж ни разу не заговорил с ним за тридцать шесть лет. Было трудно поверить, что все было именно так. Но он сказал, что это было сделано для того, чтобы исцелить его от жесткости, потому что, будучи индуистом, он не любил мусульман. Я подумала, не намерен ли он поступать так и со мной — исцелять меня от моей жесткости?

«Когда человек становится жертвой Любви, его рано или поздно принимают в Систему... как манго срывают, когда плод созрел. В наших сердцах должно быть место только для Одного».

Я все размышляла, почему он улыбался, когда я сказала ему, что в моем видении он выглядел таким маленьким и таким старым. Вероятно, я никогда не узнаю ответа.

Ночью тело сотрясали электрические токи, но состояние блаженства позволяло мне легко это переносить. Тело словно растворялось в океане света, в каком-то состоянии небытия. Ничего иного не было... свет, глубочайшее блаженство, а затем... ничего!

22 февраля

ОН ВЫШЕЛ ПОЗДНО. Мы были одни, потому что все остальные пошли к доктору Асламу, знаменитому травнику, а Л. хотела познакомить с ним Филибера. Я ничего не сказала и только поклонилась ему, когда он вышел и снова сел. Я едва могла выдержать этот чудовищный прилив силы, бушевавшей, как буря, в самом моем существе. Едва могла дышать; два сердца по-прежнему были здесь и, как в последнее время, бились вместе. Заметила, что раз или два он поглядывал на меня и улыбался себе в бороду, но отводил глаза, когда я случайно смотрела в его сторону.

23 февраля

СОН: Просыпаясь, я вспомнила конец сна: он говорил со мной. Думаю, я была уже почти проснувшейся и действительно слышала его голос:

«Есть особый сатсанг, помогающий изменить (избавиться от) оболочки. Одна из оболочек называется Анандамайякоша».

Окончательно проснувшись, я подумала, что это, должно быть, важно. Стала размышлять, что бы это могло значить. Не хотела забыть, поэтому встала и записала. Когда я взглянула на часы, было двадцать минут второго. Некоторое время я размышляла над смыслом его слов. Неужели он имел в виду оболочки (коши), покрывающие Душу, или Атман? И что именно такое Анандамайякоша? Я смутно вспомнила, что где-то в нашей литературе читала о кошах, но не помню, что именно. Это было так давно. Утром я сказала ему, что хотела бы поговорить с ним; мне приснился странный сон. Он сказал: «Да, позже». Мы сидели в саду под деревьями. День был ясный, прекрасный, как это часто бывает в это время года. С каждым днем становится немного теплее. Такой прозрачный, сверкающий солнечный свет. Л. задала несколько вопросов о Кундалини. Затем он начал рассказывать нам, как обучают шишьев.

У святого нет желаний; он ни в чем себе не потакает, потому что становится всеобщим, принадлежащим людям. Таков закон: то, что можно сделать простыми средствами, должно делаться именно так; не следует растрачивать духовную силу. Никогда нельзя тратить духовную Энергию. Ни с двумя шишьями не обращаются одинаково; люди уникальны, и Гуру, если он Сат Гуру и знает свое дело, будет обращаться с ними в соответствии с их возможностями, характером и прежней обусловленностью.

Учение дается в соответствии со временем, местом и степенью развития шиши. Святой никогда не подаст дурного примера, но он свободен; он повинуется только Закону Духа, а не человеческому закону; однако он всегда будет соблюдать законы страны; он никогда не пойдет против какой-либо религии, ибо для него все религии равны — это лишь разные дороги к Единой Истине.

«Ибо дорог к Богу столько же, сколько человеческих существ, столько же, сколько дыханий у детей человеческих, — говорит суфийский поэт».

Л. и Филибер ушли. Я напомнила ему о своем сне. Он слушал, глаза его были устремлены вдаль, словно подернуты голубоватой дымкой.

«Есть пять оболочек, покрывающих Атман:

оболочка физического тела — Аннамайякоша,

оболочка эфирной энергии — Пранамайякоша,

оболочка ума — Маномайякоша,

оболочка Буддхи, или знания, — Гнанамайякоша,

оболочка души, или блаженства, — Анандамайякоша.

Все эти оболочки все еще принадлежат Иллюзии (Майе), покрывающей Атман. В конечном счете от них нужно избавиться, когда человек сливается с Реальностью. Иначе говоря, ты должна отречься даже от плодов, достигнутых в состоянии самадхи; ничего не должно остаться, если ты хочешь Истины; ничего, кроме Последней Истины».

Я сказала ему, как чудесно — получать наставления во сне.

«В нашей Системе это делается именно так», — задумчиво сказал он.

Я сказала ему, что постараюсь воздерживаться от слишком многих вопросов, несмотря на мое нетерпеливое стремление понять, потому что начинаю видеть: когда нужно, он сам даст объяснение.

«Да, не гоняйся за объяснениями; кое-что будет сказано словами; кое-что уже сказано; кое-что вливается; речь не нужна. Это отражается от сердца к сердцу; твой ум об этом ничего не знает; но оно всплывет, когда тебе будет нужно».

Я шла домой как во сне. Блаженство было таким, что я не решалась заснуть, боясь его утратить, но в конце концов уснула... а утром его уже не было. Только два сердца по-прежнему тяжело трудились вместе.